

МОЛИТВА СВЯТИТЕЛЮ АНДРЕЮ, АРХИЕПИСКОПУ КРИТСКОМУ

О пречеспная и священная главо, благодапи Свяпаго Духа исполненная, Спасово со Опцем обипалище, великий архиерее, пеплвй наш заступниче, свяпипелю Андрее! Предстоя у престола всех Царя и наслажда-ся света Единосущнйя Троицы и херувимски со Ангелы возглашая песнв присвяпую, великое же и неизследованное дерзновение имея ко Всемилоспивому Владвце, моли спаспися пастпвы Хрисповы людем, благоспояние свяптых церквей утпверди, архиереи благолепием свяпипельспва украси, монашеспвующия к подвигом добраго печеня укрепи, град сей и вся грады и спраны добре сохрани, и веру свяпую непорочну соблюспи умоли, мир весв предспательспвом пвоим умири, оп глада и пагубы избави ны, и оп нападения иноплеменных сохрани, спарые утпши, юнбя наспави, безумнбя умудри, вдовицы помилуй, сироты заступи, младенцы возрасти, плененнбя возврати, немощспвующия исцели, и везде пепле призывающия птя и с верою припекающия к тебе оп всяких напастей и бед ходатайспвом пвоим свободи. Моли о нас всеще-драго и человеколюбиваго Хриспа Бога нашего, да и в день спрашнаго пришествия Его оп шуяго спояния избавит нас и радоспи свяптых причаспники сотворит со всеми свяптыми во веки веков. Аминь.

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

Хриспову Церковь цевницею язвика пвоего, песнослова умилвно, возвеселил еси, богословием же Препептыя Троицы славу всем сказал еси ясно, пем птя, яко пайноглагольника, поем, Андрее, пастпврю Критский, и величаем памяпв пвою, Хриспа славяще дивнаго во свяптых Своих.

Духовный Собеседник

2019 №2(100)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Тольяттинский

Редакционный совет:
Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Епископ Фома (Мосолов)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Дмитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Подмарицын
Д. В. Сивиркин
Монахиня София (Бельчикова)
Ю. В. Изъятский

Над номером работали:
Монахиня Феофания (Купер) – ответственный секретарь
Мария Винникова – редактор
Анна Коваленко – редактор
Евгения Летучая – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

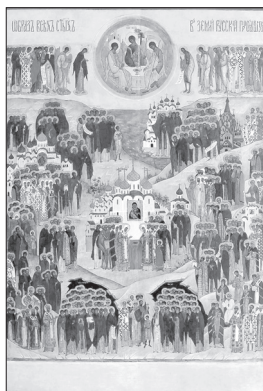
Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.

Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф

Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

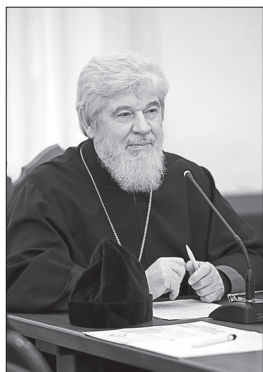
**МОЛИТВА СВЯТИТЕЛЮ АНДРЕЮ,
АРХИЕПИСКОПУ КРИТСКОМУ** 1

СВЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО

Архиепископ Аверкий (Таушев)
Что такое Православие? 4

К ВЫХОДУ В СВЕТ ЮБИЛЕЙНОГО НОМЕРА «ДС»

Митрополит Самарский
и Тольяттинский Сергей
Приветственное слово читателям
и редакционному коллективу «ДС» 10
Архимандрит Георгий (Шеспун)
«Передать всю глубину и красоту
православного бытия» 13

ЖИЗНЬ МИТРОПОЛИИ

Православная выставка-ярмарка
«Благословенная Самара» в «Экспо-Волге» 20
Алексей Солоницын
Считаю за честь быть опубликованным в «ДС» 26
Монахиня Александра (Захарченко)
Мы оставались русскими в советское время 27

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Митрополит Мануил (Лемешевский)
«Поминайте наставников ваших» 30

ТРИБУНА РУССКОЙ МЫСЛИ

Александр Панарин
Можно ли приватизировать будущее? 56

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАЗА

Архимандрит Георгий (Шеспун)
Вселенское и глобалистическое 74

СВЕТ ПРАВОСЛАВИЯ

Виктор Троспников
Мы – православные. Что это значит? 88

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Мария Винникова
Несколько страниц из истории моей семьи 114

ПОЮ БОГУ МОЕМУ

Мария Чекина
«Господи! И я Твое творенье...» 130

ЧТО ТАКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ?

В первый воскресный день Великого поста наша Церковь празднует торжество Православия – победу истинного христианского учения над всеми его извращениями и искажениями – ересями и лжеучениями.

Во второй воскресный день Великого поста как бы повторяется и углубляется это торжество Православия в связи с празднованием памяти одного из величайших столпов Православия – святителя Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, который своим благодатным красноречием и примером своей личной высоко-подвижнической жизни посрамил лжеучителей, дерзнувших отвергать самое существенное в Православии – подвиг молитвы и поста, просвещаю-

щий душу человека благодатным светом и делающий его причастником Божественной славы.

Увы! как мало в настоящее время людей, даже среди самых образованных, а порою – даже среди современных «богословов» и носителей духовного сана, которые бы правильно понимали, что такое Православие и в чем состоит его сущность. Подходят к вопросу чисто внешним формальным образом и решают его слишком примитивно и даже наивно, не вникая в глубину его и вовсе не видя всей полноты его духовного содержания.

Вопреки поверхностному взгляду многих, Православие – это не есть только одно из многочисленных ныне «христианских исповеданий» или, как здесь принято выражаться, «деноминаций»: Православие – это истинное, не искаженное и не извращенное никакими человеческими мудрованиями и измышлениями, подлинное учение Христово, во всей его чистоте и полноте – учение о вере и благочестии, то есть о жизни по вере.

Православие – это не есть только совокупность догматов, принимаемых за истину чисто формально. Православие – это не только теория, но и практика: это – не только вера, но и жизнь, во всем согласная с этой верой.

Истинно-православным является не тот, кто по-православному мыслит только, но тот, кто по-православному чувствует и православно живет, – кто истинно-православное учение Христово стремится воплотить в своей жизни.

Глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть (Ин. 6, 63) – так говорил о Своем Божественном учении Своим ученикам Сам Господь Иисус Христос. Следовательно, учение Христово не есть только одна отвлеченная теория, оторванная от жизни, но дух и жизнь.

И поэтому действительно православным может почитаться только тот, кто православно мыслит, православно чувствует и православно живет.

Вместе с тем, надо знать и помнить, что «Православие» не есть только то, что официально именуется «Православием», ибо в наше лживо-лукавое время крайне-печальным, но, к сожалению, уже несомненным фактом является появление все более и более поднимающего голову и утверждающегося в мире лже-православия, которое яро стремится подменить собою Православие истинное, как в свое время Антихрист будет стараться подменить и заменить собою Христа.

Православие это не есть только какая-то чисто-земная организация, возглавляемая патриархами, епископами, и священниками, несущая

щими служение в Церкви, которая официально называется «православной».

Православие – это мистическое «Тело Христово», Глава которого – Сам Христос (см. Еф. 1, 22 – 23 и Кол. 1, 18; 24 и др.) и в состав которого входят не одни священнослужители, а все истинно-верующие во Христа, принявшие Его всем сердцем, законным путем вступившие в основанную Им Церковь через святое Крещение, – как еще живущие на земле, так и все умершие в вере и благочестии.

Православная Церковь – это не какая-то «монополия» или «бизнес» духовенства, как думают невежды и чуждые духом Церкви. Это – не «вотчина» того или другого архиерея или священника: это – теснейшее духовное единение всех истинно-верующих во Христа, которые стремятся свято блюсти заветы Христовы – с единственной целью – унаследовать уготованное нам Христом-Спасителем вечное блаженство, а если и грешат по немощи, то искренно каются и стараются сотворить плоды, достойные покаяния (см. Лк. 3, 8).

Церковь, правда, не может быть совсем оторвана от земли, ибо в нее входят и люди, еще живущие на земле, а потому в устройстве и внешней организации ее неизбежен известный элемент «земного», но чем этого «земного» меньше, тем для вечных целей ее лучше, и уж во всяком случае это «земное» никак не должно затмевать и подавлять собою то чисто духовное дело спасения душ для жизни вечной, – ради чего Церковь и основана и существует.

Первый и основной критерий, руководясь которым мы можем отличить Церковь Христову истинную от лже-церквей (коих сейчас так много!), это – неврежденно-храняемая ею, неискаженная человеческими мудрованиями Истина, ибо, по учению Слова Божия, Церковь есть *столп и утверждение истины* (1Тим. 3, 15), а потому в ней не может быть никакой лжи. То уже не Церковь, если от имени ее официально провозглашается и утверждается какая бы то ни было ложь. Не только высшие служители Церкви, но и рядовые верующие миряне должны чуждаться всякой лжи, помня наставление святого Апостола:

Темже отложите лжу, глаголите истину кийждо ко искреннему своему (Еф. 4, 25) или: *не говорите лжи друг другу* (Кол. 3, 9). Христиане всегда должны помнить, что, по словам Христа Спасителя, ложь от дьявола, который *ложь есть и отец лжи* (Ин. 8, 44).

Итак, где ложь, там нет истинной Церкви Христовой Православной!

Там – лже-церковь, которую так живо и ярко изобразил в своем Апокалипсисе святой тайновидец под видом *великой блудницы, сидя*

щею на водах многих, с которой блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле (Откр. 17, 1 – 2).

Еще в Ветхом Завете у святых пророков Божиих измена Истинному Богу часто представлялась под образом любодейния (см., например, у пр. Иезекииля 16, 8 – 58 или 23, 2 – 49). И нам страшно не только сказать, но и подумать, что в наши безумные дни приходится наблюдать немало стремлений всю Церковь Христову обратить в «блудилище» – и не только в переносном, вышеуказанном, но и в прямом смысле этого слова, когда так легко оправдывается и даже в грех не ставится блуд и всякая нечистота! Пример этого мы видели у так называемых «живцов» и «обновленцев» на нашей несчастной родине, а теперь – в лице всех современных «модернистов», стремящихся свергнуть с себя благое иго Христово (см. Мф. 11, 30) и изменить весь аскетический строй нашей святой Церкви, узаконив всякое беззаконие и нравственную нечистоту. Тут о Православии говорить, конечно, никак не приходится, хотя бы догматы веры и оставались нетронутыми, неповрежденными!

Истинное Православие, с другой стороны, чуждо и всякого мертвого формализма, в нем нет слепой приверженности букве закона, ибо оно есть дух и жизнь. Где с внешней, чисто формальной стороны все представляется вполне правильным и строго-законным, это еще отнюдь не значит, что оно в действительности таково. В Православии не может быть места никакой иезуитской казуистике, не может быть применимо и излюбленное изречение светских юристов: «закон нельзя попирать: его надо обходить».

Православие – это одна лишь Истина, чистая Истина без всякой примеси и без малейшей тени какой-либо лжи, фальши, лукавства и обмана!

Самое существенное в Православии – это подвиг молитвы и поста, который особенно воспевается святой Церковью на второй седмице Великого поста, как обоюдоострое «дивное оружие», которым мы поражаем врагов нашего спасения – темную силу бесовскую – подвиг, который озаряет нашу душу благодатным Божественным светом, как учит об этом святитель Григорий Палама, торжественно чествуемый святой Церковью во вторую неделю Великого поста. Прославляя его святую память, Церковь именует этого дивного святителя «проповедником благодати», «светильником света», «света Божественного проповедником», «столпом Церкви непоколебимым».

Сам Христос Спаситель, подчеркивая все великое значение подвига молитвы и поста, когда ученики Его оказались безсильными изгнать беса из несчастного бесноватого юноши, сказал им ясно,

что *сей... род*, то есть род бесовский, *не исходит, токмо молитвою и постом* (Мф. 17, 21). Толкуя это место евангельского повествования, наш великий отечественный богослов-подвижник святитель Феофан Затворник спрашивает: «Можно ли думать, что где нет поста и молитвы, там уже и бес?» И отвечает: «Можно. Бесы, вселяясь в человека, не всегда обнаруживают свое вселение, а притаиваются, исподтишка научая своего хозяина всякому злу и отклоняя от всякого добра; так что тот уверен, что все сам делает, а между тем только исполняет волю врага своего. Возьмись только за молитву и пост – и враг тотчас уйдет и на стороне будет выжидать случая, как бы опять вернуться, и действительно возвращается, коль скоро оставлены бывают молитва и пост»¹. Отсюда – прямой вывод: где пост и молитва игнорируются, пренебрегаются или вовсе отвергаются, там нет и в помине Православия – там царство бесов, делающих человека своей жалкой игрушкой. Вот, следовательно, куда ведут нас все современные «модернисты», требующие «реформ» в нашей Православной Церкви!

Все эти либералы-вольнодумцы и их попутчики, стремящиеся умалить значение молитвы и поста, сколько бы они не кричали и не провозглашали о своей якобы верности догматическому учению нашей Православной Церкви, уже не могут почитаться православными, а являются отступниками от Православия.

Будем всегда помнить, что одна чисто формальная ортодоксальность никакой цены не имеет, если нет «духа и жизни», а «дух и жизнь» Православия – прежде всего в подвиге молитвы и поста, причем поста настоящего, о каком учит Церковь, понимаемого в смысле всестороннего воздержания, а не одного только отказа от вкушения скоромной пищи.

Без подвига вообще нет истинного христианства, или, что то же, Православия. Ведь Сам Подвигоположник Христос ясно сказал: *иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мк. 8, 34).

Христианин истинный – христианин православный – только тот, кто стремится уподобиться Христу в несении креста и готов на самораспятие во имя Христа.

Об этом ясно учили и святые Апостолы. Так святой Апостол Петр пишет: *если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал*

¹ Феофан Затворник, епископ. Краткие мысли на каждый день года. М.: Тип. Ефимова, 1882.

за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его (1Пет. 2, 20 – 21). Точно так же и святой Апостол Павел неоднократно говорит в своих посланиях, что все истинные христиане должны быть подвижниками, и подвиг христианина уподобляет распятию себя ради Христа: *иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Излюбленное выражение святого Апостола Павла – мы должны сораспяться Христу для того, чтобы и совоскреснуть с Ним. Эту мысль он проводит в разных своих изречениях в ряде посланий.

Вот поэтому, кто любит только весело проводить время, не думая о самоотречении и самоотвержении и постоянно купаясь во всевозможных плотских удовольствиях и наслаждениях, тот вовсе не православный, не христианин.

Об этом хорошо учил великий подвижник христианской древности преподобный Исаак Сирианин: «Путь Божий есть ежедневный крест. Никто не восходил на небо, живя прохладно [то есть: привольно, беззаботно, в свое удовольствие, без подвига]. О пути же прохладном знаем, где он оканчивается...»¹. Это – то же, что путь широкий и пространный, который, по слову Самого Господа, ведет в погибель (см. Мф. 7, 13).

Так вот что такое есть Православие, или истинное Христианство!

¹ *Исаак Сириянин*, прп. Творения. Сергиев Посад, 1911. С. 152.

Аверкий (Таушев Александр Павлович; 1.11. 1906, Казань – 13. 4. 1976, Джорданвилль, Нью-Йорк, США), архиепископ. Сын чиновника военного ведомства. После революции эмигрировал в Болгарию, окончил богословский факультет Софийского университета (1930), работал в епархиальном управлении Мукачевской епархии (1930), состоял в юрисдикции РЗЦ, пострижен в монашество в сербском монастыре Изе (17. 5. 1931), иеродиакон (18. 5. 1931), иеромонах (7. 4. 1932), игумен (1937), настоятель прихода в г. Мукачево (1. 12. 1938), уехал в Белград, где стал законоучителем и 3-м священником русской Троицкой церкви (1940 – 1944), протосинкелл Архиерейского Синода РЗЦ (1941), архимандрит (1. 10. 1944), переселился вместе с членами Синода РЗЦ в Мюнхен (1945), синодальный духовник, благочинный монастырей в Германии (19. 7. 1947), переехал в США (1950), председатель Миссионерско-просветительской комиссии при Архиерейском Синоде (1950), профессор по кафедре Священного Писания Нового Завета, литургики (до 1956) и гомилетики Троицкой Духовной семинарии в Джорданвилле (1950), редактор журнала «Православная Русь» (1950 – 1976), ректор Троицкой Духовной семинарии (17. 2. 1952 – 13. 4. 1976), епископ Сиракьюсский, викарий Восточно-Американской епархии (23. 5. 1953), архиерейскую хиротонию возглавил митр. Анастасий (Грибановский) в Нью-Йорке, постоянный член Архиерейского Синода РЗЦ (1954 – 1976), настоятель Троицкого монастыря в Джорданвилле (1960), возведен в сан архиепископа (17. 8. 1961), правящий архиерей самостоятельной Сиракьюсской епархии (13. 2. 1964).

Публикуется по: *Таушев*, архиепископ Аверкий. Современность в свете слова Божия. Слова и речи. Т. IV. 1974 – 1975 гг. Jordanville, 1976. С. 45 – 51.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

МИТРОПОЛИТА САМАРСКОГО И ТОЛЬЯТТИНСКОГО СЕРГИЯ
ЧИТАТЕЛЯМ И РЕДАКЦИОННОМУ КОЛЛЕКТИВУ ЖУРНАЛА
«ДУХОВНЫЙ СОБЕСЕДНИК»

Всечестные отцы, братья и сестры! Дорогие друзья! Номер журнала, который мы сегодня держим в руках, – юбилейный, сотый. Позади долгий путь исканий и находок, глубоких архивных исследований и литературно-публицистических озарений.

По современным меркам журнал «Духовный Собеседник» уже «в зрелых летах»: в следующем году он отметит свое 25-летие. В начале пути, а это было в «лихие девяностые» прошлого века, точнее говоря, в 1995-м году, когда православные издания в России только появлялись, журналу было нетрудно заявить о себе. Прежде всего не по причине дефицита такого рода периодики, а благодаря интересным, а подчас и уникальным материалам, которые находили живой отклик у читателя. Большая часть этих материалов имела просветительский характер, что позволяет назвать этот период истории издания просветительским. Еще одну большую группу публикаций составили литературно-художественные произведения. Немало было и дискуссионных статей, вызывавших острую реакцию общества.

Уже тогда, на заре своего развития, «Духовный Собеседник» нашел свою нишу в журнальном море. Читатели с нетерпением ждали каждого следующего номера. Вскоре он стал надежным другом в большой семье любителей православного чтения. Педагоги черпали в нем духовно-образующие знания, воспитатели – развивающие и укрепляющие нравственные начала, родители – спасительные примеры духовной жизни и подвига. Журнал публиковал богословские и церковно-исторические труды, мемуары, литературные произведения, сведения о духовной жизни дореволюционной и современной России, освещал насущные проблемы Церкви.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, будучи в Самаре в 1999 году с Первосвятительским визитом, дал такую оценку журналу:

«Я высоко ценю уровень ”Духовного Собеседника“, журнала, который издается здесь, в Самаре. И то, что он читается в 120 городах России, уже говорит само за себя. Думаю, что разными способами нужно просвещать, научать и нести слово Божие до тех, кто был лишен слышания этого слова Божия в прошлом».

За вклад в сохранение православной культуры России журнал был тогда награжден дипломом лауреата Всероссийского фестиваля православной культуры «Святая Русь», стал постоянным участником традиционной Ежегодной общецерковной выставки.

Затем наступил этап, когда просветительская задача для редколлегии ушла на второй план, и журнал превратился в альманах святоотеческого

наследия и сборник малоизвестных архивных материалов. Аудитория стала сужаться, финансовый кризис сказался на периодичности выпуска.

Сегодня, как никогда прежде, стали актуальны четкая самоидентификация русской Православной цивилизации и просветительская роль Православной Церкви. Журнал вступил в третью стадию своего развития, которую можно назвать исповеднической. «Духовный Собеседник» возвращается к первоначальным истокам, становится вновь интересным как церковным, так и светским людям.

В наши дни главное назначение журнала я вижу в том, чтобы во всей полноте передавать молодым поколениям всю глубину и красоту православного бытия. Исходя из этого, редакционный коллектив подбирает материалы для публикации. С одной стороны, журнал по-прежнему обращается к святоотеческим и историческим текстам, с другой – на его страницах делятся своим видением мира и православной веры известные современные авторы, рассматривающие события в мире сквозь призму Христовой истины.

На страницах журнала читатель обретает, нередко впервые, боговдохновенные и тонкие аналитические материалы о глобальном мире, о Православной цивилизации.

Журнал публикует богословские и церковно-исторические труды, мемуары, святоотеческое наследие, художественные произведения, уникальные материалы из архивов митрополитов Мануила (Лемешевского) и Иоанна (Снычева), освещает насущные проблемы жизни Отечества и Матери-Церкви.

«Духовный Собеседник» по праву заслужил известность и уважение у читающей православной Руси, а также далеко за ее пределами. Журнал не раз удостоивался наград различных фестивалей, выставок и конкурсов, в том числе в Нью-Йорке, Белграде, Софии, а главный редактор дважды становился лауреатом Областного журналистского конкурса на призы Губернатора Самарской области «Золотое перо губернии».

Хотел бы воспользоваться случаем и выразить особую благодарность редакционному коллективу, авторам и всем тем, кто трудится сегодня над изданием «Духовного Собеседника» и вносит свой вклад в его развитие.

Желаю руководству, творческому коллективу и читателям журнала крепости душевных и телесных сил, щедрой помощи от Господа и успехов в добрых делах.

Божие благословение
да пребывает со всеми вами!

«ПЕРЕДАТЬ ВСЮ ГЛУБИНУ И КРАСОТУ ПРАВОСЛАВНОГО БЫТИЯ»

...Усердно прошу вас, как искреннего друга, не набивать головы своей пустошью и вздором, но употребить память свою на прочтение книг, наиболее духовных и назидательных.

Прп. Антоний Оптинский

Журнал «Духовный Собеседник» – уникальное издание с замечательной и уже довольно продолжительной историей. Первый его номер вышел в 1995 году по благословию епископа Самарского и Сызранского Сергия, ныне митрополита Самарского и Тольяттинского. Его инициатором и главным редактором стал потомственный военный журналист Игорь Макаров¹ – молодой верующий человек. Это было одно из первых изданий Самарской епархии и один из первых православных журналов в послереволюционной России. Редакционный совет собирался в Самарском духовном училище, преобразованном ныне в духовную семинарию. И новый журнал, как маленького ребёнка, пестовала вся епархия.

Первые публикации носили главным образом просветительский характер, а также отражали текущую жизнь Самарской епархии и всей губернии. Журнал появился в сложные годы возрождения церковной жизни в нашей стране, впервые за долгие годы у Православной Церкви появилась возможность заявить о себе в средствах массовой информации. Люди мало что знали о Православии, поэтому задача первых номеров заключалась в том, чтобы рассказать о роли Церкви в истории и жизни России. Осветить эти темы в атеистическом государстве было невозможно. Таким образом, журнал восполнял исторические пробелы в мировоззрении и сознании людей и был очень разноплановым,

¹ Протоиерей Игорь Анатольевич Макаров родился в 1967 г. в городе Потсдам, Германия, в семье военнослужащего. Окончил Благовещенское высшее военное командное училище, служил офицером-танкистом в г. Тозке Оренбургской области. С 1991 до 1995 гг. работал заместителем редактора Православной газеты «Благовест». С 1995 г. работал главным редактором журнала «Духовный Собеседник». В 1996 г. 27 сентября рукоположен в сан диакона, а 14 октября – в сан священника. Настоятель храма во имя Новомучеников и Исповедников Церкви Русской поселка Прибрежный Красноглинского района Самары. При храме много лет существует женская монашеская община.

*Первый главный редактор «Духовного Собеседника» священник Игорь Макаров
и его заместитель Михаил Мальцев (крайний справа во втором ряду) с сотрудниками журнала.
В центре поэт Александр Оситов. 1997 год*

включал в себя поучения святых отцов, записки паломников, православную аналитику и исторические материалы о жизни и трудах святых и миссионеров. Каждый выпуск «Духовного Собеседника» ждали, он моментально разлетался по епархии, читался, получал множество отзывов.

В скором времени Игорь Макаров принял священнический сан и стал одним из инициаторов строительства храма Новомучеников и Исповедников Церкви Русской. Получив назначение в храм п. Прибрежный, отец Игорь передал руководство редакцией своему помощнику – Михаилу Мальцеву, который возглавлял ее на протяжении 15 лет. Это человек академической школы, он окончил Куйбышевский государственный университет, аспирантуру в Институте этнологии и антропологии РАН, где его научным руководителем была замечательный, может быть, даже единственный в своем роде специалист по русской этнографии М. М. Громыко¹.

Наступил период, когда люди уже вошли в храм, всё им стало знакомо, как в родном доме, и вырос интерес общества к старцам как примеру духовной жизни, к монастырям, святоотеческим поучениям. Так второй этап в жизни нашего журнала можно назвать этапом духовного наставления. Журнал «Духовный Собеседник» стал альманахом святоотеческого наследия, где печатались многие редкие исторические и архивные материалы, ранее нигде не публиковавшиеся.

В эти годы был выпущен ряд уникальных сборников. В их числе номер, посвященный императору Павлу, оболганному в истории врагами русского народа. Его издание стало возможным благодаря финансовой помощи Московского дворянского собрания и Фонда блаженной Марии Ивановны Самарской. Альманах был награжден дипломом лауреата Всероссийского фестиваля православной культуры «Святая Русь» (Волгоград), отмечен на международных выставках в Нью-Йорке, Белграде, Софии, Санкт-Петербурге.

Вскоре и Михаил Мальцев, приняв священнический сан, получил послушание работать с молодежью и был назначен настоятелем в храм при одном из самарских вузов.

Время шло, находить редкие материалы становилось все труднее, потому что уже во многих епархиях появились свои журналы, стало издаваться много книг. А в Церковь начала приходить интеллигенция,

¹ Громыко Марина Михайловна – доктор исторических наук. В 1950 г. окончила МГУ. Основатель и в течение ряда лет главный редактор журнала «Традиции и современность». Лауреат Государственной премии РФ (1993), премии Память митрополита Макария (Булгакова) – за монографию «О воззрениях русского народа» (2001), автор книги «Мир русской деревни» (1991) и книги-исследования «Святой праведный Феодор Кузьмич – Александр I Благословенный». Труды публиковались в ДС № 67, 69, 72.

которую интересовала не только история и церковная жизнь, но и, прежде всего, православный взгляд на многие вопросы современности.

Средства массовой информации и умы людей захватило либеральное направление, стали поднимать голову большевики, сталинисты, и опять многие вопросы нашей исторической жизни искажались, замалчивались, нередко звучали богохульные и кощунственные высказывания в искусстве, литературе. И снова потребовалось, чтобы «Духовный Собеседник» обрел линию разговора с современным читателем, часто уже воцерковленным, но непросвещенным во многих вопросах.

Теперь журнал больше похож на первоначальный, и если задачей первого этапа развития журнала было просвещение, следующего за ним – открыть читателю о стяжании благодати Духа Святого и приобретении навыков духовной жизни, то задачу современного этапа можно назвал словом «исповедничество».

Нас часто спрашивают: «Веруешь ли ты?» И мы отвечаем: «Да, верую, я православный». А чем докажешь? Как ты живёшь? Ведь исповедничество – верить и исповедовать Господа – это основа нашей жизни. Исповедовать – значит жить по вере.

Нам известны многие святые исповедники веры: мученики, преподобные. А как живут современные православные люди? Необходим именно такой пример – пример современных исповедников, которые не стесняются перекреститься на храм, не боятся отстоять православную точку зрения, под угрозами отказываются снять с себя крест, защищают православные святыни, порой даже ценой собственной жизни, как это мы видим сейчас на Украине.

Современные исповедники Православия – это и космонавты, которые ради Отечества, ради науки и своего призвания рискуют жизнью, уповая на Господа, ведь, как они говорят: «В космосе надеяться больше не на кого». И спортсмены, которые защищают честь нашей Родины на международных турнирах, показывая пример крепости духа, самоотверженности и трудолюбия. Уже третий год в Самаре проводятся Всероссийские соревнования по дзюдо «Кубок митрополита Самарского и Тольяттинского». Казалось бы, странное сочетание: церковная жизнь и спорт, – однако известно, что дзюдо, например, принесли в Россию ученики равноапостольного Николая Японского, просветителя японских островов. На страницах журнала мы публиковали репортаж о проведении «Кубка» и беседы с нашими чемпионами в разных видах спорта. Мы мало знаем о них, но их жизнь – это тоже пример духовной битвы, потому что в спорте, как и на любом поле сражения, побеждает дух.

На данном этапе своего существования «Духовный Собеседник» пытается аккумулировать в себе все направления предыдущих лет. Святоотеческое наследие ярко представлено в трудах святых отцов о молитве Иисусовой и в наследии одного из самых благочестивых архиереев своего времени митрополита Мануила (Лемешевского). В редакцию «Духовного Собеседника» для публикации был передан его архив, впервые увидели свет дневники святителя, удивительно искренние, простые, умиленные – иногда до слёз. Им был организован поиск сведений о праведных людях, живших в России в 20 – 30-е годы XX века, составлен специальный Вопросник, и так возник большой и безценный труд, получивший название «Поминайте наставников ваших», который мы публикуем в каждом номере.

Не перестают печататься на наших страницах жемчужины русской богословской и философской мысли, такие авторы, как Алексей Хомяков, Константин Леонтьев, а также современные мыслители: Иван Ильин, Лев Тихомиров, Иван Солоневич, митрополит Иларион (Алфеев), протоиерей Александр Шаргунов. Практически в каждом номере публикуются труды Александра Сергеевича Панарина. Это величайший философ конца 1990-х – начала нашего тысячелетия. Организатор кафедры политологии МГУ, автор блистательных работ о перспективах развития нашего отечества, о месте Православной цивилизации в глобальном мире, о значении президентской власти в России. А. С. Панарин – настоящий исповедник от науки.

Одна из центральных тем выпусков последних лет – Новомученики и исповедники XX века. Первый среди них, конечно же, святой страсто-терпец царь Николай II, и наверное, нет большей клеветы, которая бы возводилась на кого-либо. Это самый святой, самый великий и самый обогланный царь.

Радостной новостью 2018 года стало известие о том, что по итогам конкурса «Великие имена России» аэропорт Мурманска может быть переименован в честь Николая II. Многие недоумевают, какое отношение царь имеет к этому городу, забывая, что он создан в 1916 году по указу императора Николая II и первоначально назывался Романов-на-Мурмане. Туда была протянута железная дорога, и Мурманский морской порт стал одним из главных незамерзающих портов на севере, через который во время Великой Отечественной войны шла помощь наших союзников из Британии и Америки. Когда Наталья Поклонская¹ 9 мая 2016 года

¹ Поклонская Наталья Владимировна – российский политик, юрист. Депутат Государственной думы Федерального Собрания РФ VII созыва, заместитель председателя комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции с 5 октября

с иконой Царя-страстотерпца прошла в рядах «Бессмертного полка», многие недоумевали, какое же отношение Николай II имеет к Великой Победе? Во время царствования Николая II прирост населения нашей страны составил 50 миллионов человек. Начало войны встретили рождённые уже после революции молодые комсомольцы, которым тогда было по 20 лет, они несли срочную службу. Именно эти люди, в основном, погибли или были взяты в плен в первые дни и годы войны. И когда уже враг стоял под Москвой, в бой вступили те 50 миллионов, рождённые при Николае II. За неделю к столице была переброшена с востока целая армия. А по какой железной дороге она прибыла? По Транссибирскому пути, построенному Николаем II. А кто были эти люди? Репрессированные, незаконно сосланные на погибель в Сибирь Советской властью, но сумевшие своими трудами выжить. И вот они приехали по «николаевской дороге» и, забыв все обиды, вступили в бой за Отечество и отбросили врага от Москвы. Именно они освобождали Европу и брали Берлин. Так как же не считать Николая II участником этой войны и одним из победителей? Именно при Николае II у нас появилась авиация, и как же его именем не назвать аэропорт?

С «Духовным Собеседником» сотрудничают многие известные современные авторы, которые рассматривают события, происходящие в мире, сквозь призму Христовой Истины, делая это по-писательски мастерски, оригинально и аргументированно. Это Виктор Тростников, Леонид Решетников, Петр Мультатули, Юрий Воробьевский и другие замечательные авторы.

В каждом журнале мы стараемся публиковать беседы с современными православными людьми: учёными, педагогами, врачами, музыкантами, писателями, художниками.

Журнал повествует и о жизни православных людей за пределами нашей Родины.

Есть у нас и прекрасная поэтическая страница, авторы которой в том числе и наши земляки.

«Духовный Собеседник» – это журнал для тех, кто любит Россию. Это издание для семейного чтения, где найдут многое для себя интересное те, кто ищет путь в Церковь, стремится к духовной жизни, кому важно узнать ответы православных святых, мыслителей, архиереев и священнослужителей на волнующие их вопросы, кому интересна наша история. Желаем нашим читателям открыть очередной журнал и ощутить

2016 г. В самые тяжелые времена государственного переворота 2014 г. на Украине, после присоединения Крыма к России была назначена прокурором Республики Крым (с 25 марта 2014 г. – 6 октября 2016 г.).

*Главный редактор «Духовного Собеседника» архимандрит Георгий (Шестун)
с сотрудниками журнала. 2019 год*

радость от того, что мы живем в великом государстве, что у нас есть наша Православная вера, культура и история. Потому что, как говорил митрополит Мануил (Лемешевский), перед Богом мы будем отвечать не только за нашу собственную жизнь, но и за то, какими мы были русскими.

За долгие годы существования, а в будущем 2020 году журналу исполняется 25 лет, несмотря на смену главных редакторов, он сумел сохранить свое лицо. Издание развивается, редакция самоотверженно трудится. Требуется немалые усилия, чтобы таким небольшим коллективом выпускать в срок многостраничный журнал, обеспечивать подписчикам (в настоящее время «Духовный Собеседник» выписывают читатели из 34 регионов по всей России) и остальным любителям чтения возможность вовремя получать интересный номер. И мы просим святых молитв наших дорогих читателей!

Архимандрит Георгий (Шестун), доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН, заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики и психологии Самарской Духовной семинарии, настоятель Заволжского монастыря в честь Честного и Животворящего Креста Господня. Член Союза журналистов России.

ПРАВОСЛАВНАЯ ВЫСТАВКА «БЛАГОСЛОВЕННАЯ САМАРА» В «ЭКСПО-ВОЛГЕ»

Традиционная ежегодная рождественская православная выставка-ярмарка «Благословенная Самара» состоялась в ВК «Экспо-Волга» с 14 по 19 декабря 2018 года. За шесть дней её посетило более тридцати тысяч человек.

Митрополит Самарский и Тольяттинский Сергей совершил по случаю открытия выставки торжественный молебен. Каждый день мероприятия служились молебны с акафистом пред ковчегом с частицами мощей святых преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких. Среди других православных реликвий на выставке были ковчеги с частицами мощей апостола Андрея Первозванного, великомучениц Екатерины и Анастасии Узорешительницы, святителей Спиридона Тримифунтского и Николая Чудотворца, чудотворные иконы преподобных Серафима Саровского и Гавриила (Ургебадзе).

«Выставка «Благословенная Самара» свидетельствует о том, что духовная жизнь в России развивается и крепнет, – отметил митрополит Самарский и Тольяттинский Сергей. – Российский народ всегда был

Торжественный молебен в день открытия выставки

Святые выставки «Благословенная Самара»

*Вещи, принадлежавшие прп. Гавриилу (Ургебадзе).
Автор фильма «Диадема старца»
Константин Церцвадзе*

*Митрополит Самарский и Тольяттинский
Сергий, протоиерей Иоанн Мохов
и иерей Вячеслав Умнягин, руководитель
пресс-службы Соловецкого монастыря*

Протоиерей Николай Агафонов

Протоиерей Андрей Ткачев

велик. Мы помним годы испытаний и годы побед, – об этом напоминают и экспонаты выставки».

В рамках мероприятия состоялась встреча с иереем Вячеславом Умнягиным, клириком Соловецкого монастыря, ответственным редактором книжной серии «Воспоминания Соловецких узников». Он поведал

Ярмарочная экспозиция

Мастер-класс

Детский рождественский спектакль

об удивительной жизни основателей обители, ее истории и о том, чем живет монастырь сегодня.

Выставку посетил и православный писатель протоиерей Андрей Ткачев. Он рассказывал о своей новой книге «Возраст зрелости» и тепло общался с читателями.

Автор фильма «Диадема старца» Константин Церцвадзе поведал о жизни удивительного подвижника нашего времени – неустрашимого старца Гавриила (Ургебадзе).

Для детей и взрослых каждый день выставка преподносила что-то новое и необычное. Всего прошло более 65 мероприятий: презентации новых книг, семинары, концерты. Работала площадка с мастер-классами по рукоделию,

робототехнике, флористике, мыловарению. В выходные дни организаторы провели для детей рождественские спектакли.

Не обошлось и без рождественской ярмарки. Свою продукцию представили более 200 храмов, монастырей и фермерских хозяйств из самых разных уголков России, а также из Белоруссии, Абхазии, Греции, Грузии, Монголии. Все желающие могли приобрести книги, редкие рукописные иконы, мёд и целебные травы, сувениры и предметы декора, узорные платки, льняную одежду, различные изделия ручной работы, подарки и угощения к праздничному столу.

В РАМКАХ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ВЫСТАВКИ СОСТОЯЛАСЬ ВСТРЕЧА
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «ДУХОВНЫЙ СОБЕСЕДНИК»
АРХИМАНДРИТА ГЕОРГИЯ (ШЕСТУНА) С ЧИТАТЕЛЯМИ

Добрый день, дорогие наши читатели!
Сейчас готовится к выходу сотый номер журнала. И сегодня мы поговорим о вопросах, которые освещаем на его страницах. А говорим мы о том, почему Россия сохранилась, почему вопреки всему мы возрождаемся. Отца Николая Гурьянова как-то спросили: «А выживет ли Россия? Воскреснет ли она?» – «А что, она разве умерла?» – сказал старец.

В этом есть великое таинство. Вот живут атеисты, в Бога не верят, и вдруг мы видим их в храме со свечой. Откуда это всё берётся? Писатель Виктор Николаев, который недавно приезжал в Самару, сказал мне такие удивительные слова: «Этот атеист родился от крещёной матери. И практически все те большевики и коммунисты рождены от матерей, которые жили в XIX веке, то есть мать-то у каждого почти была крещена». А владыка Сергей добавил: «Если в роду человека кто-то причащался, то это Причастие ведёт ко спасению весь род».

*Многократные участники выставки Юрий Воробьевский, Елена Козенкова
и самарские читатели журнала «ДС»*

Понимаете, все русские люди, которые твердят: «Я не верю в Бога», – они рождены от православных отцов и матерей, которые причащались Плоти и Крови Христовой. И Святые Дары – в них, во всех нас. А иначе почему бы это всё вдруг стало нам таким родным? Вдруг весь большевистский этот морок, помутнение ума отошло в сторону, и человек, войдя в храм, ощутил себя дома. И эта великая тайна общения человека с Богом пробуждает каждого к жизни.

Почему наш многонациональный народ всегда ощущал себя единым народом? Потому что когда мы, сложив руки на груди, подходим ко Святой Чаше Причастия, то становимся одной Плоти и одной Крови – Христова Плоть и Кровь во всех нас. И мы друг друга, не зная по именам-фамилиям, зовем «брат» и «сестра». Вот это и есть наш народ, он русским становится только в Церкви. Мы вдруг становимся единым целым, братьями и сёстрами. И со Христом народ-богоносец един, потому что мы со Христом одной Плоти, одной Крови.

Вот это и есть ответ тем, кто твердит: зачем, мол, надо ходить в церковь, мне достаточно дома молиться, а Бог где-то там, в душе должен быть. Да, достаточно дома молиться и жить по заповедям Господним для того, чтобы стать хорошим человеком, но чтобы стать святым человеком, ты должен быть со Христом и во Христе, а этого без Таинства достичь невозможно. Без крещения, без причастия человек не рождён для Бога, для вечной жизни¹.

Об этом мы и пишем в «Духовном Собеседнике», потому что в нашей жизни всё этим обусловлено. Сначала ты научись жить по-человечески, то есть по заповедям Господним, а потом Христос тебя примет. Это тайна вхождения человека в Церковь. Вот спроси вас: как вы вошли в Церковь? У каждого своя история. Господь открыл двери и сказал: «Заходи, ты – Мой».

Поэтому я часто вспоминаю эти замечательные слова из Евангелия: «Христос вышел из храма и увидел человека, а человек был слеп от рождения»². Помните исцеление слепого? Господь не слепого увидел, Он увидел человека. Вот когда Он в нас увидит человека: «Да, он слепой и злой, но это человек», – тогда и начнёт исцелять. Чтобы обожиться, сначала надо очеловечиться. Поэтому сейчас очень ценят хороших, нормальных людей, говорят: «Ой, да он почти святой!» Это человек, которого Христос увидел. А если Господь увидит в нас человека, то и мы увидим Бога. Мы читаем в «Патерике», как язычник спрашивает одного

¹ Ин. 3, 3-5; 6, 56-57.

² См. Ин. 9.

подвижника: «Покажи мне твоего Бога!» А святой отвечает: «Покажи ты мне сначала твоего человека, а потом я тебе покажу своего Бога». Потому что Бога можно увидеть только будучи человеком. Вот наша задача – стать людьми: не злыми, не скупыми, любящими.

Конечно, этот мир во зле лежит¹, и люди разные бывают, и относятся они к нам по-разному. Но читайте Евангелие: если тебя проклинаят, если тебя гонят, если тебя обижают, – там всё написано, что ты должен в этом случае делать. И что же должен делать? Любить, благословлять, благотворить. Вся наша проблема заключается в том, что мы всё делаем почему-то по-другому. А Господь с нас спросит за то, как мы реагировали на это зло. Не стали сами-то мы злыми в ответ на зло мира? Вот кто-то ругает меня, притесняет, а я при этом думаю: «Бедный человек, ему же за это отвечать придётся!» И что я делаю? Жалею его и терплю. Тогда Господь скажет: «Какой ты молодец, не заразился злом этого мира!» Любить Бога и ближних, и даже врагов, жить по-евангельски – это наша задача.

А вас, дорогие, я поздравляю с тем, что у вас есть возможность встречаться в нашем журнале и со святыми, и с нашими православными современниками. Желаю вам здоровья, успехов, чтобы ваши семьи процветали, а детки росли благочестивыми. Храни вас Господь!

Предоставляем слово нашим друзьям и постоянным авторам – писателю Алексею Алексеевичу Солоницыну и ведущему специалисту России в сфере образования монахине Александре (Захарченко).

АЛЕКСЕЙ СОЛОНИЦЫН

«СЧИТАЮ ЗА ЧЕСТЬ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАННЫМ В “ДС”»

Здравствуйте, дорогие друзья! Мне очень большой подарок преподнесли вчера архимандрит Георгий и матушка Феофания – ответственный секретарь журнала. Дело в том, что последний номер «Духовного Собеседника» посвящён митрополиту Мануилу (Лемешевскому), и мне выпала такая честь, что в этом журнале – и беседа со мной отца Георгия, и журнальный вариант моего романа, который называется «Красные родники». Первая часть этого романа создавалась на основе биографии владыки Мануила. Почему «Красные родники»? Тончайший лирик XX века Владимир Соколов в 1988 году писал:

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.

¹ Ин. 5, 19.

Эти строки и дали название моей повести. На месте расстрела, в лагере, там, где сидел владыка, забил источник, чистый родник. Этим и кончается повесть, которая называется «Спасти человека». И я подумал: какие же родники у нас в России? Конечно, красные, потому что они на крови мучеников.

Сейчас настоящая литература с духовным содержанием, богатая по смыслу, издаётся только в православных издательствах. И я очень благодарен отцу Георгию и журналу «Духовный Собеседник», что он поддерживает таких, как я, которые продолжают несмотря ни на что вставать рано утром и писать.

Со мной рядом матушка сидит такая замечательная, профессор, тоже одна из постоянных авторов журнала. Далёкие от церковной жизни люди часто полагают, что в монахи идут те, кто не нашел себя, от несчастной любви, разбитого сердца, например, и прочие глупости. Нет, дорогие мои, как раз люди с самыми высокими духовными силами, которые способны на подвиг, идут в монастырь. Вот как мы должны понимать, что такое монастырь и его насельники. И когда с нашим Владыкой говоришь о том, что такое монастыри и монашество, он всегда подчёркивает, что только пока стоят монастыри, пока там за нас идёт молитва, до тех пор мы и живы.

И последнее, что я вам хочу сказать. Ради Бога, покупайте журнал, ведь таких изданий в России – один-два. У нас под ногами лежит сокровище, а мы проходим мимо. Не жалейте вы денег на это прекрасное чтение. В каждом номере самые разные темы: и вопросы философии, и истории, и музыка, и кино, – и при этом на самом высоком уровне.

Будущий год объявлен Годом театра. И я постараюсь отца Георгия подвигнуть на то, чтобы один номер журнала был посвящён драматическому театру. Ведь посмотрите, что происходит с нашим театром. Стыдно с женой прийти, с ребёнком тем более. Ужас, что такое. Надо обязательно писать о том. Я говорил владыке Сергию, что наше вме-

Алексей Солоницын

шательство в жизнь искусства должно быть самое активное, мы не можем опускаться до «попсы», до рэпа, мы должны поднимать читателей до симфонии, до серьёзного искусства, до Достоевского и Толстого, – это наша обязанность и для этого мы должны трудиться.

И моя к вам убедительнейшая просьба: читайте журнал «Духовный Собеседник»!

Монахиня Александра (Захарченко)¹

«Мы оставались русскими в советское время»

Здравствуйте, с хорошим днём! Всех вам благ, если здесь есть Варвары – с именинами. Сегодня у нас такой день... Знаете пословицу? – Варвара мостит, Савва гвозди вострит, Никола забивает, то есть с началом вас зимних морозов, – мы наконец вступили в самую трескучую зимнюю пору. Поэтому особенно радостно присутствовать в этом зале, где так хорошо и так тепло.

Алексей Алексеевич сказал, что он счастлив, что его статья опубликована в номере журнала, который посвящён митрополиту Мануилу. Моя статья тоже там оказалась, причем в совершенно замечательном соседстве – между статьёй Панарина и интервью с Алексеем Алексеевичем. А ещё так получилось, что я как раз накануне начала читать книгу «Молитвой окрыленный» о митрополите Мануиле, которую вы, наверное, многие знаете. Эта книга появилась в том числе и благодаря «Духовному Собеседнику». В предисловии так и написано, что материалы дневников, которые составили эту книгу, подготовлены к публикации «Духовным Собеседником».

И вот та тема, которая звучит, как рубрика в журнале, она называется «Возвращение образа». Кто читает журнал, знает эту рубрику. Митрополит Мануил совершал действительно удивительный подвиг. Это собиранье по крупицам, огромнейшая работа... Представьте себе, как трудно это было, если он из заключения – в заключение, из тюрьмы – в ссылку, и всё собиралось на карточки, выписывалось из книг, со свидетельств очевидцев. Когда он как архиерей приезжал служить, ему иногда даже негде было жить, он был бездомным архиереем, жил то в колокольне, то в надвратной церкви, то в подсобных помещениях. И он всё-таки смог все эти материалы собрать и сохранить. Вот те самые крупинки сведений о русских людях, которые сохранили Святую Русь.

¹ Насельница Заволжского Свято-Ильинского монастыря, доктор философских наук, профессор кафедры истории педагогики СПб АППО, преподаватель Санкт-Петербургской Духовной Академии и Высших Богословских курсов МДА, монахиня Александра (Марина Владимировна Захарченко) скончалась 31 января 2019 года.

Сегодня, наверное, одна из самых удивительных, важных и значимых тем, которая прекрасно сформулирована в названии книги одного из авторов «ДС» Леонида Петровича Решетникова: вернуться в Россию. На мой взгляд, это главная тема журнала, потому что наше исповедничество сегодня в том, что мы русские люди, и никогда ими не переставали быть. Мы были русскими людьми при царе Николае, несмотря на нашу предательскую интеллигенцию и изменническую аристократию, которая клеветала на царя и до, и после революции. Мы оставались русскими в советское время. Сколько было вроде бы маленьких, незаметных подвигов, когда председатель колхоза, рискуя репутацией и даже свободой, спасал церковь, которую он должен был разрушить, устраивая в ней склад для зерна. И потом, когда это зерно убиралось, там появлялись обновлённые фрески, и в храме снова можно было служить. Вот такие маленькие подвиги, они и сохранили нашу Россию.

Кому сейчас 50 – 60 лет, они помнят, как в молодости мы ездили по просторам России и с болью в сердце видели эти холодные, обезглавленные храмы. И вот пришло время, когда на наших глазах они увенчались куполами, на них воздвиглись кресты. Помню, в начале 90-х я с моим духовником, молодые ещё, пришли в Юрьев монастырь в Новгороде, а батюшка из рода священников, в отличие от меня, у меня отец комсомолец. И вот два потомка таких разных родов встретились в монастыре, который только-только начал возрождаться, его только что в бедственном состоянии отдали Церкви. И я услышала, как мой духовник произнес: «Неужели он будет восстановлен?» А через три года там уже начались службы.

Мы свидетели возрождения, и нам сегодня очень важно понять, что должны возрождаться не только стены. Прежде всего должен возрождаться в наших душах образ человека. Этот образ русского человека сохранился, он никуда не пропал. Читая такие книги, как «Красные родники», видишь, что образ этот не пропадал, нам не на пустом месте приходится восстанавливать его, нам надо просто опомниться, вернуться к себе домой, в Россию.

Сегодня в школе очень робко, очень медленно под формулировкой «духовно-нравственное воспитание» идет дело воссоздания традиционных нравственных ценностей и нравственных смыслов. Нам прежде всего важно понять, что эти смыслы и ценности ни в коем случае не надо придумывать, это никакие не новые понятия, мы их не из головы должны брать, а из нашей живой родовой традиции, из истории каждого нашего рода.

Вот об этом я и пыталась сказать в своей статье «На пороге зрелости», это основная моя тема, любимая и главная. Потому что в моей жизни то же самое произошло, ведь действительно, не было никакой несчастной любви, я в 60 лет стала монахиней, но это был мой внутренний путь. Сейчас я могу сказать, что свое призвание к монашеству услышала, когда мне было 19 лет. Откуда это взялось, я не знаю. Во мне уже тогда это знание было, что я должна сделать свое дело в науке, то есть дать понятие непрерывности нашей духовной традиции, а после я могу уйти в монастырь.

Монахиня Александра (Захарченко)

И вот я думаю, что это сейчас самое насущное у нас – понять наше народное призвание, вернуться в русскую жизнь, стать русскими людьми, несмотря на ту навязанную нам историю, о чем так великолепно пишет Панарин в статье, которая публикуется в этом журнале. Потому что мы действительно живём сейчас в очень страшное время, когда у нас отбирают не только ресурсы жизнеобеспечения, у нас отбирают право на историю и возможность называться народом. Обратите внимание, что образование уже называется не народное, а просто – образование. И вот эта Православная цивилизация, о которой говорит отец Георгий, это не что иное, как органическая жизнь народа в истории, и нам предстоит вернуться всем народом в нашу русскую историю. Мне кажется, что то, о чём печётся главный редактор и те авторы, которых собирает отец Георгий, – это действительно самая главная, насущная наша задача.

«ПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ»

АРХИВ МИТРОПОЛИТА МАНУИЛА (ЛЕМЕШЕВСКОГО)

ДЕВИЦА ТАТЬЯНА

Девница Татьяна живет и сейчас в селе Никольском Московской губернии в полутора верстах от Головинского женского монастыря. Лет ей около пятидесяти. Роста она высокого, не полная и не худая, белокурая. Ходит в рваной одежде, живет всю зиму в нетопленном сарае и никого к себе не пускает. Никто не знает, откуда она родом и как появилась в этом селе. Питается тем, что собирает подаяние ради Христа. От холода и голода весной распухает, тяжело болеет. [По мнению людей, ее знающих, считается прозорливой, хотя большею частью молчит. В деревне и в окрестностях зовут ее просто Таней. – *Митр. Мануил (Лемешевский)*].

Записано со слов м. Сергии 22 октября 1931 года

СТАРИЦА ФЕВРОНИЯ

Родина город Усмань Тамбовской губернии. Отец Иван, мать Домника. Родилась 23 июня и была очень слабенькой. Двадцать пятого июня окрестили и назвали Февронией. Кроме нее в семье были еще две девочки: Анастасия и Ирина. Анастасия умерла, а Ирина и сейчас живет в Усмани, замужем. Отец умер, когда Февронии было три года, и она его не помнит. Жизнь была суровая, трудная. Поэтому, несмотря на то, что мать любила своих детей, ей пришлось отдать одиннадцатилетнюю Февронию «в люди». А девочке очень хотелось учиться, но надо было покоряться родительской воле. Она смирилась со своей долей, старалась служить всем и каждому. Мать была у нее удивительно добрая, хорошая, верующая.

Записано со слов разных лиц и в разное время

Пришла к старице Февронии одна женщина и плачет: «Ну вот, Феврония! Тогда и пришла, когда стало трудно, а как раньше спросить, так и не догадалась», – и стала спрашивать о сыне. Старица ответила: «Ваня

Публикуется впервые. Продолжение. Начало в «ДС» № 1 (81). Воспоминания подготовлены к печати кандидатом исторических наук А. П. Семеновой по материалам архива митрополита Мануила (Лемешевского), предоставленным А. С. Ивановой.

твой у В. не живет, а гостит, и как ходил он с тобой, так и будет ходить, а они все как мухи разлетятся. Скажи это В. и дай ему булки». Когда кто-то спросил старицу, найдет ли N квартиру, она ответила: «Ей квартира будет там [на небе], там ей будет завидовать...»

Записано в октябре 1931 года

СТАРИЦА МИХАЛИНА

Старица Меланья Григорьевна по прозванию Михалина родилась около 1870 года, известна была в Тверской губернии и в Тверском уезде как боголюбивая вдовица-странница. Тайно пострижена в мантию. Три года строила храм Рождества Богородицы на станции Редкино села Тургиново. Отец Иоанн Кронштадтский дал ей три копейки на это дело, и потом ей жертвовали сразу и помногу. Однажды при очевидцах – тетке и дяде Дарьи – дали ей 70 пудов железа. Старица была неграмотная, родом из Минска, до пострижения звали ее Ульяния. Лет семидесяти она была. Шустрая, много предсказывала. Чай не пила, а только квас. Пришла к ней однажды мать с двумя дочками. Взглянула на них Михалинушка, да и говорит: «Малую девицу Клавдию Бог возьмет, а другой красную свадьбу пошлет». Так вскоре ее слова и исполнились. Когда была карточная система на хлеб, то Михалинушка перед смертью дала сестре карточку со словами: «Не надо мне никаких карточек, я и так проживу: меня Отец Небесный питать будет». Мама спрашивала ее о замужестве сестры, на что Михалинушка сказала, что скоро придет петух с красным хвостом, – и вскоре они сгорели. Еще мама спрашивала о женитьбе сыновей, а старица ответила: «Не ела щей с грязью, так поешь!» Так и вышло: были большие неприятности. Сестре сказала, когда та выходила замуж: «Поешь грибков с червяками, а потом беленьких найдешь!» И действительно, сначала были трудности, а потом все хорошо стало. Умерла в 1931 году.

*Записано со слов Е. Морозовой в августе 1931 года
и Дарьи 12 июля 1932 года*

ОТЕЦ ИОАНН ДЕМОВСКИЙ

Отец Иоанн Демовский жил в Ростове-на-Дону, был прозорливый старец и великий молитвенник. Роста высокого, худощавый, седой. Имел жену и дочь. Умер в возрасте ста четырех лет в ноябре 1931 года.

Когда я ехала в вагоне поезда, одна женщина, разговорившись со мной и узнав, что я скорблю о сыне-солдате, посоветовала мне зайти в Ростове к отцу Иоанну. Он считался в округе за великого прозорливца. «Только он никого не принимает из посторонних. Но вы скажите,

что вы приезжая из Москвы и вам негде ночевать», – посоветовала она. Пошла я к ему, и он меня принял. «Батюшка, благословите! Вот мое горе – от сына нет писем», – сказала я. Он благословил и спросил: «А ты зачем его обидела?» И правда, я недовольна была, что он с иностранкой жил. «Хочу сама к нему ехать, благословите!» – прошу его. «Куда ты поедешь? Война неизбежно будет! Увидишься с ним и здесь. Молись Богу каждое утро и принимай святую воду: “Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!”»

Записано со слов Дуняши в декабре 1931 года

СТАРИЦА МАТРОНА СЕМЕНОВНА КАЛЯЗИНСКАЯ

Старица Матрона была родом из Тверской губернии Кимрского уезда. Родители ее – крестьяне села Селище, люди очень благочестивые, торговали пряниками. Было у них четыре дочери, и Матрону Семеновну все считали дурочкой. Вот как она сама о себе говорила: «Мама-то моя пряниками торговала, а меня все дура да дура, вместо гривенника я давала 15 копеек – совсем не умела торговать... А Господь меня и помиловал из-за мамы, и странничать я из-за мамы пошла».

Выдали ее родители замуж в деревню Королево Кашинского прихода. Жила она с мужем хорошо, были они и в Ленинграде. Муж попался ей благочестивый, и жили они с ним, как брат с сестрой. Потом Матрона Семеновна попала в дом умалишенных в селе Бурашево. «За грехи», – как она сама говорила. По выходе оттуда служила при храме, а муж ее чинил обувь для монахов у преподобного Серафима¹, потом пошел на Афон, и она после сна, в котором ей повелевалось идти на Старый Иерусалим, пошла странствовать. Три раза была в Старом Иерусалиме и с тех пор начала юродствовать, ростом она была высокая, белокурая, носила на себе ящик весом до трех пудов, умерла лет семидесяти. Последнее время была уже очень слабая, все сидела, ноги у нее опухали: «Ведь обувь, какую дадут, такую и носишь...», – говорила старица. Одевалась просто, носила то, что дадут. Однажды пришла в шелковом канареечного цвета платье: «Ох, не знаете, сколько на этом платье слез, горя-то сколько, как за него надо молиться!» – говорила она окружающим. После своего тринадцатилетнего странствования основалась она в деревне Стрельчиха по Савёловской железной дороге, где прожила восемь лет в небольшом срубе, а затем собрали ей мало-помалу лесу на небольшую келийку. Колодец вырыла она своими руками.

Пошел к ней народ со всех сторон, и стала ее небольшая келийка домом молитвы: ежедневно до часу, до двух ночи шла в ней служба. При-

¹ Саровская пустынь. Свято-Успенский мужской монастырь.

езжали разные батюшки и подолгу гостили у нее (ленинградский о. Николай жил у нее по два с половиной месяца). Недалеко от дома было ей видение трех Ангелов. Она сделала Крест и вкопала его на том месте в землю. Об этом видении рассказывала она о. Георгию из Лучинок, который часто приходил к ней отчитывать больных и порченных. Отец Николай ленинградский однажды, когда ехал к старице поздней ночью, видел на месте дома молитвы огромный дом, когда ничего там еще и не было...

Великая она была старица, но обличала всегда незаметно. Любимая ее поговорка была: «С Ангелом, Господи, благослови!» Это она говорила всем. Духовником старицы был о. Макарий кашинский, потом о. Георгий из Лучинок. Народ постоянно докучал ей, но она никого не отгоняла, была всегда ласкова, несмотря на усталость. *Грядущаго ко Мне не изжену вон¹*, – говорила она.

Разгон ее дома произошел так. Ровно за год до этого события пришли к ней пять бесноватых, одна особенно была одержима. Когда старица молилась над ней, бес кричал: «Когда придет время, пойду в бездну и всех, кто без крестов, с собой возьму. Пойду в милицию, узнаем с милиционерами, что это за святое место, что за старица Матрона живет». И ровно через год в Петров день приехало восемнадцать человек конной милиции, забрали старицу и разогнали всех братьев и сестер. Умерла она 11 февраля 1927 года в ссылке в Средней Азии².

Записано со слов Дарьи 17 июля 1932 года

Наставления и слова старицы

Теперь все бесноватые стали: Бога не чтут, Крест не носят. Теперь бесу делать нечего.

Про голод говорила: «Ну как в Старом-то Иерусалиме, когда свыше огонь сходит, семь лет будет голодных, может на осьмушке хлеба насидимся...»

Однажды, когда была старица в Стрельчихе, говорила: «Вышла на двор – гляжу: на западе, на закате, семь солнцев, неужто это семь светильников, семь подвижников, – не умолят ли прибавления века? Тысячу лет должны мы царствовать со Спасителем. Спаситель должен быть в Греции, а Греция подпала под султанское иго, на западе обносят Папу Римского на золотом престоле – он и должен царствовать, где три света: Россия, Белоруссия и Москва: белая, красная и черная с Николаем.

¹ Ин. 6, 37.

² По данным Тверского архива община старицы не имела официального статуса монастыря. В общине было около 20 человек, просуществовала она до 1929 года.

Крестный ход с образом Божией Матери «Скоропослушница» в селе Глебово

Николая-то с престола прогнали, а Спасителя своими руками распяли... А он царь-то был хороший. Народ от истины отпал, Бога забыли, крестов не стало». Кто приходил к ней без крестов – не благословляла: «Когда же ко мне в крестах-то ходить будут?» О современных монахах говорила: «Так суд-то Божий и застанет монахов с одеялами да с башмаками...»

Случаи ее прозорливости

Если кому предстоит придти к старице в дом, она заранее крикнет: «Ау!» и перекрестит. «Кого это вы благословили, старица?» – спросят ее. «Да идет старичок, нет, не знакомый, седенький...» И снова три раза крикнет кому-то: «Ау!». Верно, ровно через полтора часа пришел старичок. Однажды была страшная метель, а старица ждала монаха о. Симона. Монашенки пришли, а его все нет. Уже и не ждут его. Вьюга бушует на дворе, непогода. Старица сидит, молчит. Вдруг встрепенулась и три раза крикнула: «Ау! Ау! Ау!» Через минуту входит весь в снегу о. Симон – оказалось, он запутался. А то скажет: «Нет, не придет о. Георгий. Его матушка не пускает». Или: «Из Калязина к нам придут сегодня столько-то человек», – и верно укажет, сколько человек.

Однажды пришли к ней две певчие и стоят, дожидаются на улице – народу много. Вдруг старица велит: «Позовите мне двух певчих, они стоят на улице». Вышла ее келейница и спрашивает: «Кто тут две певчих,

старица зовет». «Мы», – ответили девицы, и пустили их прямо к старице без очереди.

Придут к ней больные, она скажет: «Объездили докторов, а теперь к старице приехали. К телесным обращались, а к небесным – нет. Надо к небесным обращаться. Пообедайте у меня». Все оставались и ели самую грубую пищу, даже больные, и получали исцеление. Одной женщине ночью было видение: ослепительный свет в окнах домика старицы, такой, что она подумала, – не горит ли. Когда об этом рассказали старице, она объяснила, что та видела благословение Божие: «У нее девочка слепая пяти лет, угодная Богу!»

+ + +

Муж Дарьи три месяца был на Афоне после того, как утонул его сын от первой жены. Хотел остаться на Афоне послушником, но вспомнил о матери и вернулся назад. Заказал там образ Божией Матери «Скоропослушница», шесть недель читал Ей акафист и постился. Наконец икону прислали. Встретили ее Крестным ходом. Девятого ноября¹, в день Ангела старицы Матроны, было в селе большое торжество, и даже свершались чудеса.

Один сосед смеялся и говорил: «Какой сегодня праздник! Да Микола икону принес...», – и рот у него скосило набок. После того, как он покаялся, ему стало лучше. Когда в селе Глебово закрывали храм Богоявления, где находилась эта икона, жители плакали, жалея храм. Вечером видели свет, который осветил два дома, как огненный шар, внутри него сиял Крест, прошел через весь храм и скрылся. Видели это человек десять. Вскоре собралось триста человек, стали просить открыть храм и, по милости Божией Матери, его открыли.

У Дарьи в доме был пожар, и все сгорело дотла, а через семь дней, часов в восемь вечера, многие видели свет в окнах дома и белый огонь

¹ В Богоявленском храме села Глебово находится мироточивая икона Божией Матери «Скоропослушница». Эту икону подарил храму местный купец Николай Иванович Иванов. Он привез с Афона икону, написанную в память о своем единственном сыне, утонувшем по малолетству в речушке, впадавшей в Хотчу, это место до сих пор называется Петькина яма.

Из Афона икону везли сначала по морю, а потом по Волге и Хотче, а уже от Хотчи несли ее Крестным ходом до села Глебово, и женщины выстилали дорогу вышитыми вручную белыми полотенцами. Накануне дня празднования иконы, в Михайлов день, служили всенощную, а на следующий день, 22 ноября, утреню в храме и молебен в доме купца. На обороте иконы сохранилась надпись: «Икона сия написана и освящена на Святой Горе Афон в Русском св. Великомученика и Целителя Пантелеимона монастыре, от коего и послана в благословение христолюбивым жителям в благодатную помощь, покров и заступление всем с верою и любовию прибегающим к Всеблагой Владычице мира пред пречистым Ея образом. 1888 г.»

Храм Богоявления в селе Глебово

на том месте, где стояли иконы. Когда Дарья собрала осколки от икон, видения эти прекратились. За двенадцать лет до этого пожара старица Ксения сказала: «Твои тряпки Михаил Архангел сохранит». И верно, из всего добра остались целы только сундуки с бельем Дарьи.

В первый раз Дарья приехала к старице Матроне с одной московской дамой. Дарья молчала, пока та говорила о своих нуждах. «А ты что молчишь?» – спросила ее старица. «Старица, у меня дом большой, одиннадцать окошек, а ни одному окну места нет!» Старица отвечает: «Цвет-то цветет на просторе, а настанет холод и голод – они сами, как воры, из окошка полетят. Оставайся у меня жить». «Ой, как же я останусь! Ведь самое рабочее время», – говорит Дарья. «Ничего не делай дома. Как они тебя встряхнули, так и ты их тряхнешь, оставайся, у меня живи». Но Дарья все рвалась домой. «Ты озорница! Да ведь вытолкнут тебя из дома-то», – сказала ей старица.

Не послушалась Дарья, поехала домой. И что же? Утром невестка рассердилась на нее и назвала озорницей, в точности повторив слова старицы: «Не смей ничего делать дома!» Так и ушла Дарья из дома. «Ну что? Дорожку теперь узнала! Прибежишь ко мне, прибежишь!» – сказала старица. Напоила ее чаем. «Чай-то какой у вас вкусный!» – говорит Дарья. «А то бывает чай такой, что не продышишь!» – ответила старица.

Стала жаловаться ей Дарья на родных. «А ты потерпи, прочитай акафист Божией Матери. Поставь свечу иконе Владычицы “Взыскание погибших”, чтобы родные твои не погибли». В другой раз пришла Дарья к ней в Татьянин день. Старица велит: «Оставайся у меня на три дня». Потом смотрит на свои ноги и говорит: «Вот, все обещают мне сандалии, и все обманывают!» – «Я вам куплю», – отвечает Дарья. «А не обманешь?» – «Нет». – «Ну тогда я сама с себя мерку сниму», – и сама обвела свою ногу.

Приехала Дарья в Кимры. Разговорилась со знакомым сапожником, оставила ему мерку, и на другой день он подарил ей совершенно новые сандалии для старицы. Звали этого сапожника Петр. Привезла Дарья сандалии старице, а та и говорит: «А это апостол Петр мне сандалии-то прислал! Масленицу покатаешься, а потом ко мне явишься», – сказала она на прощание. И верно, случилось потом Дарье опять быть у старицы. Приехала в это время к ней женщина, которая шесть недель безпробудно спала, но как у старицы пожила, выздоровела, а дома опять спать стала.

Хотела Дарья идти в Кимры к родным и говорит: «Старица, мне дома надо побывать!» – «У тебя порок сердца, помрешь», – отвечает старица. «У меня сапог нет». – «Не проси у родных, не допросишься, проси Спасителя, Он тебе сапоги даст!» Так и не пустила к родным, говорит: «В дороге увидишься». И верно, встретила Дарья в дороге сына и зятя. Пришла в Кимры и со слезами стала жаловаться Спасителю – мокро, холодно, ноги озябли. Позвала её к себе в дом одна духовная дочь старицы, накормила, напоила и узнав, что у нее нет сапог, дала ей голенища и весь приклад к ним. Так исполнились слова старицы, и Дарья неожиданно получила сапоги «от Самого Спасителя».

Хотелось Дарье сделать что-либо для старицы. «Может занавес на Царские врата купить?» – спросила она. «Нет», – сказала старица. «Может “Скоропослушницы” икону написать?» – «Ну что же, можешь». Стала Дарья на образ деньги собирать, и столько собрала, что еще и лишние остались.

Стала Дарья жить у старицы. Сначала трудно ей было на новом месте: напала на нее вошь. И вот однажды старица при всех говорит:

«А которые у нас в елки вшей искать ходят – им надо Михаила Архистратига просить, и вшей не будет». Так смиряла старица богатую, избалованную Дарью, что она готова была, если старица скажет, около порога кельи лечь спать. «Вот как смирилась, под столик улеглась», – как-то шутливо сказала старица. Дала ей черный платок: «Носи его здесь», – велела она Дарье. Дала стирать белье: «Вот у меня новая прачка! Никто так не стирал и не подавал, как эта прачка», – говорила она о Дарье. А то скажет: «Пахнет белье, перестирать его», – и отдаст назад. Хотели было другие делать эту работу для старицы, но та отказала: «Это к чему же восемь надзирателей пришло? У меня одна прачка: она и белье вымоет, и меня помоеет». Так и не допустила их до себя. «Нам с тобой надо разгородить чердак пополам: они пускай коммуной вешают белье, а мы вдвоем будем».

Говорит: «Надо пораньше вставать и попозже ложиться, тогда все будешь знать». Сняла с себя крест и надела на Дарью. Приехал к старице в гости о. Николай. Послала она Дарью самовар ставить и кричит: «Варвара! Варвара! Вот вижу и не могу назвать имени!» И так целую весну называла Дарью Варварой.

Весной опять стала проситься Дарья домой сажать картошку. «Нам с тобой надо канавы рыть глубокие и широкие, чтобы враг не перешел, а ты все домой просишься. Какая ты немудрая! Не разумеешь, что ныне мне не велено тебя пускать от себя. Острые камни друг об дружку трутся, и гладкие становятся, а Царствие Божие берется усилием». Несколько раз пыталась Дарья отпроситься домой, и всякий раз старица не отпускала ее от себя. Благословила Дарью странствовать, о. Николай отслужил молебен в путь шествующим. «Не берите с собой ничего», – сказала им на прощание старица. Дарья скорбела о родных и потихоньку плакала, а на другой день старица сказала: «У нас мать Дарья пойдет в кусточки да и поплачет, чтобы никто ее не видал».

Однажды Дарья зажигала лампадки и печалилась о своем доме. Вдруг старица говорит: «Было у меня восемь лампадок, а у меня женщина отбила, и теперь их у меня 17». Подумала Дарья: «Где же у нее 8 лампад?» На другой день старица опять повторяет то же. Тогда Дарья поняла, что это у нее дома было восемь лампад, а теперь она зажигает семнадцать. Однажды принесли старице яиц и лепешек для всех. Одна женщина, близкая старице, дала Дарье плохое яйцо. Вдруг старица потихоньку сует ей хорошее и говорит: «На вот, чтобы не видала эта собака, а то сейчас закричит».

Пришла к старице женщина и жалуется, что у нее ноги опухли. «Чем думать о ногах, нужно думать о Боге», – укоряла ее старица.

Как-то раз служили у старицы Акафист Иверской иконе Божией Матери. Видит Дарья сон, что идет по дороге из лесу к домику старицы высокая худощавая Монахиня, и огонь озаряет Ее. В левой руке несет Она белые хлеба. «О, Пресвятая Мать Неба и земли!» – раздалось в ушах Дарьи, и она проснулась. «Что, Монахиня приехала?» – спросила она. «Нет». – «Я видела сейчас Ее». Старица перекрестилась. И после этого случая мешками стали нести хлеб в дом старицы, а в ту пору был голод. Видно, это была Сама Царица Небесная. Ночью одна женщина Ксения, когда брала дрова, видела свет, который стрелой поднялся вверх над домом старицы.

«Молись о своей невестке», – велел Дарье о. Георгий. И через две недели старица говорит: «Как одна свекровка хочет за невестку умолить». «Старица-матушка, а она исправится?» – «Нет. И могила ее не исправит», – был ответ. Когда станут, бывало, осуждать Дарью, старица скажет: «Иди с ее невесткой поживи, не всякому это дается». Однажды другим живущим у старицы женщинам принесли две кринки молока. Они позвали и Дарью. «Ну что, коммунистка!» – сказала ей старица. «Да неужто я коммунистка?» – «И ты к ним в коммуноу перешла?»

Пришла к старице женщина, горюет, что сын пропал на войне. «Что ты беспокоишься? Он крещен и просвещен, о тех безпокойся, которые у тебя некрещены и непросвещены». А женщина опять про сына говорит. Рассердилась старица: «Как разговаривать с тобой, когда не разумеешь?» Тут только уразумела женщина: «Старица, матушка! У меня умерло двое некрещеных младенцев...» Пришла одна раба Божия просить благословения на свадьбу для своей сестры. «Выйдешь замуж», – отвечает старица. «Да я не о себе говорю!» – говорит ей женщина. «А я говорю – выйдешь». Через две недели эта женщина неожиданно вышла замуж и просила у старицы прощения за свои мысли.

«Старица! Выйду ли я замуж?» – спросила ее одна девица Матрена. «Да». «Нынешний год?» – «Да». – «Все-таки выйду нынешний год?» – «Да, да! В дом примешь, только нынешний год все умрут». И Матрена умерла через полгода. Однажды пришла к ней женщина без креста, подошла и говорит: «Благословите меня! Жизнь мне надоела...» – «Да как же жизни-то себя лишит? Креста не носишь, не крестишься! Ты ведь без креста!» У одних крестьян не было детей, и по молитвам старицы родилась у них дочь Ольга. В благодарность привезли они ей из Москвы церковные сосуды.

Как-то попросилась Дарья идти в Углич, где были блаженные. «Там Бог новый, Николай Чудотворец другой и блаженная Матрона не та!» – ответила ей старица.

Храм Михаила Архангела в селе Архангельском

Приходит одна монашенка к старице и стоит у ворот, как странница. «Здравствуй, трутень! Вот как работать...» – говорит старица. В последний раз, когда видала Дарья старицу, сказала ей на прощание: «Я к тебе приду постом!» – «Постом-то помру, и не увидимся», – сказала с укором старица. И верно, больше она с Дарьей не видалась – умерла.

Записано со слов Дарьи в июле 1932 года

+++

Старица Матрона была родом из Тверской губернии Кимрского уезда. Высокая блондинка, с виду лет восьмидесяти. Сорок лет странствовала по святым местам, трижды была в Старом Иерусалиме. Три года жила она зиму и лето в амбаре. Народ ходил к ней со всякими скорбями и нуждами. Наконец построили ей в лесу домик – там она и жила. Однажды явились ей во сне три Ангела и указали, где вырыть колодец. Через некоторое время пришли они к ней наяву и опять указали то же место. Тогда она своими руками вырыла колодец и заложила на этом месте храм. Умерла она в Азии, где жила как ссыльная.

М. Н., наслышавшись много об этой дивной старице, в первый раз поехала к ней, не зная дороги. Приехала на станцию, а там какая-то девушка указала ей дорогу к блаженной Матроне. Рано приехала М. Н., как раз шла утренняя служба, позвали М. Н. чай пить, и говорят старице: «К нам гостья приехала». – «Да, я видала, как ко мне игуме-

ния ехала. Помнишь, атаман (так она называла свою келейницу Катю), я тебе говорила, что игумения едет к нам на катафалке с виноградом...» У М. Н. была с собой икона Николая Чудотворца, где он изображен с виноградом. «Ты должна быть игуменией в мире, – сказала старица М. Н., – а муж твой найдет себе место». Три ночи ночевала у нее М. Н., отдала ей свои иконы и хотела остаться у нее жить в пустыньке. Но при прощании старица повторила свои слова. Это было в 192... году. Через год слова ее сбылись, муж М. Н. умер. Теперь в пустыньке старицы все разорено, никто не может жить в ее домике и церкви, – все чудятся там какие-то тени, и почти все время он пустует.

Записано со слов М. Н.

Блаженная Ксения

Блаженная слепая старица Ксения живет в селе Архангельском недалеко от станции Харино Рыбинской железной дороги, около храма Михаила Архангела. Родилась в 1860 году. Трех лет от роду осталась она круглой сиротой. В лесу прожила около тридцати лет, а потом пришла в деревню. Известны случаи ее прозорливости. Мирская девушка-крестьянка, фамилия ее была Красавина. Сейчас ей лет семьдесят. Иногда гостила она в Богурином [?] монастыре. Одно время спасалась в недостроенной избушке в лесу в Ярославской губернии (в 1927 – 1929 годы).

Окормляла и ныне окормляет много приходящих к ней людей. Ее духовной дочерью была известная юродивая Мария Ивановна из Мологи, ныне покойная. Дарья в первый раз поехала к ней посоветоваться о своем брате, который пропал без вести. Посадила ее старица по правую руку. «Старица, матушка, у меня брат пропал, как поминать его?» – спрашивает Дарья. «Брат, брат, брат...» – повторила протяжно блаженная. «Да какие у нас с тобой братья и сестры? У нас одна Царица Небесная!» – и показала рукой на верховье Волги: «Там еще деревья». – И правда, там жили родные Дарья. «Ты сама-то, как на войне, распята, да только не на Кресте»... «Ну, значит брат умер», – подумала Дарья. «Старица, у меня сынок есть. Просит подписать на его имя дом», – говорит Дарья. «Нет, не подписывай! Он у тебя один. А подпишешь, тогда придешь ко мне чай пить. В гостях хорошо, блюдо подносят, смотрят и сидят...» – «У меня торговля, хорошо продолжать ее?» – «Вот ты делаешь дело – оно Богу угодно, да скажешь: “Как я устала, как ноги-то болят!” – вот и пропало дело. Землю обрабатывай, и узришь Царицу Небесную. А дом-то, дом-то твой! Да мало ли что случиться может: и сгорит, и то, и другое». И верно, дом сначала отобрали, потом вернули, и он сгорел. Взяла за правую руку: «Как мне тебя жаль! Вот доброе дерево, а не упитанное...»

Шестоковская икона Пресвятой Богородицы

– «Старица, матушка, как брата-то поминать?» – на прощание опять спросила Дарья. «Брат, брат, брат...», – вновь повторила старица. «Дядькой, дядькой, дядькой». И верно, позже оказалось, что он был в плену и служил там вроде дядьки...

Когда Дарья уехала в Москву хлопотать о Матроне Семеновне, которая сидела в [Бутырской тюрьме], родные, обеспокоенные ее долгим отсутствием, поехали к старице за советом. «Я ее не благословляла ехать в Москву, но она жива и лежит больная». Все это в точности было на самом деле так. Перед днем Михаила Архангела

вновь поехала Дарья к старице. Приезжает, а народа так много, что стоят на улице. Но приняла ее старица сразу же. Положила голову Дарья к себе на плечо. «Как я по вас соскучилась», – говорит Дарья. «И не придешь больше, не придешь! Страдала по Матроне, страдала, а теперь будешь ходить ко мне. Не ходи, где болото, где тонут, где река с мутной водой течет! Тебе самой тяжело будет...» – «Ладно ли, что я от старицы Матроны ушла, не поехала с ней в ссылку?» – «Счастливая, счастливая! А то бы пронзилось огненной стрелой твое сердце. Где живешь, дом твой где? Нет, твой дом под золотыми глазами с живыми источниками воды. Ну, впрочем, живи, как живешь. Приходи опять ко мне...»

Женщине, с которой Дарья пришла, сказала: «Характер переменить надо, а муж у тебя доброй души». Правда, эта женщина с матерью все нападали на мужа. Старица Февронья тоже сказала ему: «Ты их остерегайся!» Старосте церковному сказала, чтобы он оставил торговлю, а только служил Богу, а не то ушлют комаров кормить. Звали его Анатолий Александрович Сутулин. Но однажды его жена все-таки продала какую-то вещь, спрятанную в их доме, и их сослали. Одна женщина спросила, не умрет ли она с голода? «У тебя хлеба не переешь, не пересчитаешь, столько – сколько звезд на небе», – ответила ей старица.

«А ты живи, как жила», – сказала она Дарье. «Говорят, я одурела, что так живу», – отвечала Дарья. «И про меня говорят, что я глупая, а ты живи, как живешь». Новому церковному старосте сказала: «Ты в первый

раз охотно взялся за это дело, а если оставишь его, покарает Бог!» И он до сих пор остается в Кимрах.

Отец невестки сошел с ума. Решили его вести в больницу, поехали просить благословения у старицы Ксении. «Пусть поболтает, пусть – никуда его не отправляйте!» И через месяц он умер. Пришли как-то Дарья с Дуняшей в Харино. «Откуда пришли?» – спрашивает старица. «От Шестоковской¹ Царицы Небесной». «Вот и видать сразу по лицу, что прищачались у Царицы Небесной», – сказала старица. Слепая была, а верно сказала.

Осенью в Кимрах было очень беспокойно. Сорок человек забрали. Дело касалось и Дарьи. Приехала она к блаженной, а та и говорит: «Ну что, убежала от разбойников, побоялась, а ведь напали было...» – «Да кто, старица?» – «Сама знаешь, кто». Женщину, которая вместе с Дарьей пришла, отправила назад в Кимры, а Дарье дала поручение к Шестоковским монахиням, три рубля денег, просфор и благословила там пособороваться. Пересидела Дарья в монастыре две недели и вернулась назад. «Ну что? Просидела в монастыре-то, а то бы разбойники и забрали». Оказывается, и поручение она выдумала нарочно. «Старица, матушка, сын строится, зовет к себе жить, идти ли?» – «Нет, не ходи! Был сын, когда кормила, а теперь все наговаривают, наговаривают...»

«Как мне жить-то?» – «Как орлица, не имевшая гнезда». – «Так тяжело без пристанища». – «Неправда! Везде тебя желают приютить, ты сама не хочешь». – «Научи, дорогая старица, как жить-то?» – «Так живи, как живешь!»

Монашенкам говорила: «Налоги все отдавайте». «Старица! Мельничиха хотела к вам приехать», – сказала Дарья. «Пусть не ездит, пока дорога снежная не станет». Обстоятельства сложились так, что невестка ее с Дарьей поехали раньше и не застали старицы. Потом, когда установился снежный путь, они попали к старице. Про сына мельничихи она сказала: «Приедет... Вот и хорошо, что он сидит для исправления, раз родную мать из дома изгнал и Бога забыл!» (то же сказал и о. Константин угличский). «Ну, а мужу хорошо и в тюрьме, он счастливее других. Пускай нечестивцы поездят, скоро и им время придет!» Ничего у вас

¹ Шестоковская икона Пресвятой Богородицы явилась в Москве в доме некоего Скрипицына, на шестке печи нашли чудотворный сей образ, завернутый в холст. Скрипицын благолепно украсил икону и после своей смерти завещал передать своим детям как благословение. При неизвестных обстоятельствах икона была перенесена в село Шелтомежь Тверской губернии Кашинского уезда, и владелец этого села секунд-майор Скрипицын в 1779 г. просил у Тверского епископа Арсения благословение на устройство в селе каменного храма вместо деревянного. От иконы изливались многие чудотворения, и с 1851 г. сей образ был передан в собственность церкви села Шелтомежи, где ради нее в 1887 г. была построена женская Шестоковская община.

и не отобрали, один мусор. Все главное осталось». И верно, через год вышел муж ее, они уехали вдвоем и хорошо устроились.

«А сынок пусть побудет в Архангельске. Да деньгами не балуйте его – лучше будет. И хлопотать не надо, а то Ивана Степановича подальше спрячут, если будете хлопотать о нем». Когда Матрена Семеновна просила Дарью приехать, та поехала к Ксении за благословением. «Нет, я не отпущу тебя от себя», – сказала старица. «Ведь она старая, больная!» – «Она через неприятности больная. Погоди до тепла. А то поедешь туда, скажешь за столом по ошибке лишнее словечко – тебя и заберут!» «А ты живи, как жила», – это были ее последние слова ко мне...

Записано со слов Дарьи 12 июля 1932 года

ЮРОДИВЫЙ СТАРЕЦ ВЛАСИЙ КОНДРАТЬЕВИЧ

Христа ради юродивый старец Власий Кондратьевич жил в Смоленской губернии. Я у него была два раза на квартире и еще один раз случилось видеть его в нашей Иверской общине: он приезжал помолиться со своей хозяйкой – вдовой, у которой он жил. В церкви Власий на одном месте не стоял, а все ходил с одного места на другое. То к иконам подойдет, то к певчим – и глядит на них, то оглянется и глядит на народ. Одним словом, выдавал себя за глупого человека. Но народ ходил к нему за наставлениями. Кому скажет прямо, кому показывал примером и притчами: то начнет что-нибудь перетаскивать или по-другому оденется, или в постель ляжет, – так что понять его сразу было трудно. Понятно становилось, когда это сбывалось через некоторое время.

Один раз я ходила к нему спрашивать, можно ли мне уйти из общины домой, к родителям? Он сказал: «Можно, можно». Тогда на меня очень напали старшие сестры. Матушка Анна была со мной ласковая, я ее очень любила, а другая – строительница Варвара – очень строгая, даже была первых сестер, но потом перестала, потому что сестры стали уходить. Мне дали послушание читать в церкви и в корпусе Псалтирь. Я была очень довольна этим послушанием, но потом у меня стало портиться зрение, потому что я читала мелкую печать, а свечи плохо горели. Стала просить старших дать мне другое послушание, но они не соглашались.

Когда мама приехала из Москвы ко мне в общину, старшие сестры сказали: «Забирай свою девочку, она нас не слушает». Мама ответила: «Большое вам спасибо, а то нам без нее скучно». Я, как услышала это, залилась слезами, так мне не хотелось уходить из монастыря. Всю дорогу я плакала и не знала, что делать, а потом вспомнила про Власия Кондратьевича и стала маму звать к нему: что он мне скажет? Пришли

мы к нему, и я рассказала о своем горе. Он ответил, что одни игумены пошли собирать, но тогда мне это было непонятно. Только позже я поняла, что он говорил про то время, когда закроются монастыри и игумены будут существовать подаением. Мы спросили, можно ли брать землю и работать. Он ответил, что можно. Слава Богу за все! Аминь.

СТАРИЦА АННУШКА

Родилась Аннушка – Анна Яковлевна Горшкова – в 1849 году в селе Спасское Владимирской губернии, но точно год ее рождения и день Ангела не помню. Царство ей Небесное, такая была хорошая! Голубые глаза, светлые волосы, востроносенькая. Голос имела нежный, приятный, «ангельский». И улыбка у нее была ангельская – одной улыбкой обнимала всех. Высокого роста, походка степенная. Очень скромная. Последнее время глаза опускала вниз, прикрывала. Одежда простая: дома серое платье, в храме – черное, платок белый дома и черный в храме, покрытый по-деревенски, концами вниз.

Жила в домишке в три окошка у сельского пруда – под горкой, а храм на горке. Против ее окошка – святой колодезь. Очень любила одиночество, но сначала жила с девушкой-«вековушкой», вдовой. Потом одна жить стала, так как имела дар прозорливости, и жить с ней было страшно, потому что она наперед знала, что с кем будет: кто умрет или где пожар. Обстановка была бедная, скромная. Принимала людей, сидя на лавочке, ноги ставила на скамеечку. Молилась одна в своем чуланчике и во время молитвы никого не впускала. Рассказывала своим знакомым, что их ждет в будущем: кому молиться, что сделать. Редкостная была наставница! Ласковым взглядом обнимала пришедшего и сейчас же закрывала глаза, сидя на лавочке у стола против двери.

У золовки мальчик утонул, мой крестник. Мать убивалась, и мы вместе поехали к Аннушке: что скажет? Когда приехали, я ей сказала: «Анна Яковлевна! Очень мать убивается, хоть бы показался!» А она, сидя на лавочке, усмехнулась и говорит: «Какие глупые! Разве ангельская душка покажется?! Он не погиб. Он в своем месте. Господь родителям испытание послал. Если ты будешь плакать, все равно не покажется, потому что он в ангельском чине. Только будет у Бога просить, чтобы тебе испытание послал, чтобы ты опомнилась, а то утопишь его в своих слезах материнских». Родным сказала, что плохо им будет в будущем. Велела раздать имение нищим. Раздали, дом продали – были они артельщики. А меня утешила, что Господь меня не оставит и чтобы я подавала нищим. И правда, мать моя, покойница, Царство ей Небесное, охоча была до нищих. В праздник Воскресения Христова

всех посадит за стол. Ну и хлеба у нас было – у других не хватает, а у нее остается!

Другая женщина пришла к Аннушке – в семье на нее нападали. Аннушка сказала ей, что Крест надо нести терпеливо и молча. Ездили к ней издалека, сильно людей утешала. И кто на могилку к ней ходит, утешение получает. Молилась по ночам одна-одинешенька в своем чуланчике, и никто не видел ее. Рассказывала, что приходят к ней покойники, за кого она молится, в пояс кланяются и благодарят. Шесть недель молилась за каждого. Если кто деньги приносил, отсылала их на Афон, вещи тоже раздавала.

Пятьдесят лет старица прожила в деревне и уехала с девушкой вековой в Павловский Посад, там она и умерла лет восьмидесяти от роду. Могилка ее на кладбище в Павловском Посаде. Царство ей Небесное! Такая хорошая была!

Рассказ Анны Васильевны. Ноябрь, 1931 года

СТАРИЦА ДЕВИЦА СТЕФАНИДА

Старице девице Стефаниде в настоящее время 85 лет. Она дочь псаломщика Николая Боженова из села Стомны Каширского уезда Московской губернии и жены его Татьяны. Стомна – бедное село, имевшее приход в две с половиной деревушки, поэтому причт, в особенности псаломщики, жили там очень бедно. В семье Боженых было шесть дочерей и один сын. Все, кроме Стефаниды, вышли замуж и жили как миряне. Призвание свое к духовной жизни раба Божия Стефанида возымела с двенадцати лет. В этом возрасте она ходила с матерью в Троицкий Белопесоцкий женский монастырь близ Каширы, за рекой Окой, на храмовый праздник Усекновения главы святого Иоанна Предтечи. В этот день в обители собиралось всегда много народа. Это и стало началом ее подвигов. С тех пор Стефанида особенно тосковала по духовной жизни и тяготела к монастырям и святым местам, с этого же времени она перестала вкушать мясную пищу, от коей воздерживается и до сего дня.

Через год, в тринадцать лет, Стефанида решилась на еще более трудный подвиг, тем более в ее возрасте: отправилась с одной старицей в Киев на богомолье, при себе несла тяжести. Здесь, при Ближних пещерах, к ней подошел монах, внушающий особенное благоговение, и сказал: «Сядь со мною, посиди, таких людей ведь теперь мало!» Эти слова запали ей в душу.

С этих пор раба Божия Стефанида стала часто ходить по святым местам. Была она в Оптиной пустыни у о. Амвросия: спрашивала благо-

Троицкий Белопесоцкий женский монастырь

словения уйти в монастырь, но тот не благословил, а велел ей оставаться при родителях. Так и стала она подвизаться дома.

За все время своей жизни Стефанида одиннадцать раз была в Киеве – шесть раз пешком и пять поездом (на чужие деньги, своих-то, по бедности родителей, не было), в Лавре у преподобного Сергия двадцать раз, у святителей Тихона Задонского, Митрофана Воронежского, у святого Тихона Калужского и других. Два раза встречала в Киеве светлый день Святой Пасхи и один раз была при торжестве перенесения святых мощей княгини Евфросинии Полоцкой. В это время ей сказала одна прозорливая старица: «Божия Матьерь возлюбила тебя», – предуказав ее будущую деятельность на пользу ближних. Родители Стефаниды умерли один за другим: сначала отец, за ним – мать. Стефанида Николаевна, как зовут ее все окружающие, осталась по смерти их тридцати лет, к ней вскоре пришла ее уже вдовая сестра Параскева, с которой они и прожили до 1925 года. Одиннадцатого июля 1925 года Параскева скончалась.

В первое время после смерти отца они с матерью жили в своем домишке. Стефанида читала Псалтирь по умершим, и этим существовала, продолжая свои тайные и явные подвиги и восходя от силы в силу. Особенно явно она прославилась в течение последних двадцати лет. К ней стал ходить народ за духовными советами, весть о ней распространялась

все дальше и дальше. Она всех с любовью принимает, поет акафисты и песнопения из молебнов ко Спасителю, Богородице и святым угодникам, как народ выражается по-простому: «служит молебны». Поминает молящихся с нею и требующих помощи, спускает святую воду с Креста и чтит иконы, привезенные ей из Иерусалима. Вода ее часто помогает больным и недужным, в особенности младенцам. В разных скорбях спешат к ней люди: она всех утешает и наставляет на истинный путь.

В настоящее время подвижница живет в маленькой избушке, крытой соломой, в убогой обстановке, богатой, однако, благодатию Господней. Враг почти непрестанно восстает против нее, старается затмить ее свет. Соседи считают её за старуху, вышедшую из ума, и всячески обижают. В одно время, перед войной, ее даже обличали в соучастии с сектантами-баптистами. У нее, правда, был их адъютант, «братец Иванушка», но зачем – неизвестно, и ее душевное настроение после этого посещения не изменилось. Разве можно на основании одного этого чернить ее за связь с сектантами? Ведь и граф Толстой был в Оптиной пустыни, но разве от этого Оптина сделалась «толстовскою».

Против старицы Стефаниды восстает местный стомнинский священник о. Илья Воронцов, человек хотя и глубоко религиозный и стойкий, но в некоторых случаях весьма странный. Он старается всячески ее дискредитировать в глазах народа, называя «святошей» и т. п., на исповеди постоянно пробирает и ругает. Никогда она у него, по ее же словам, со спокойным духом не исповедовалась. Иногда же он вовсе не исповедует ее, когда она подходит, но накрывает епитрахилью со словами: *Блаженни чистиши сердцем, яко тиши Бога узрят*¹ и читает разрешительную молитву. Но такое грубое посмеяние в данном случае является своего рода пророчеством, как пророчествовал некогда иудейский первосвященник о Господе Иисусе Христе, что лучше одному *человеку умереть за люди*². Он же запрещает ей ходить в другие церкви, молиться и исповедываться у других священников, а поехать в город или по святым местам она теперь уже не может.

Дома в свободное время она читает акафисты, коих у нее много, особенно часто – акафист Иисусу Сладчайшему и Пресвятой Богородице, с умилением и со слезами, действительно беседует с Богом. При входе в ее келию некоторые ощущают особое благоухание, а особенно духовно настроенные за одну-две версты, по мере приближения к ее дому ощущают веяние благодати. Старица Стефанида давно уже имеет у себя

¹ Мф. 5, 8.

² Ин. 18, 14.

в сених гроб и заказала сорокоуст о. Илие и мне, чтобы служили по двадцать литургий, и неоднократно просила быть обязательно нам обоим при ее погребении.

В ее многочисленных советах прослеживается определенная прозорливость. Например, осенью 1929 года я собирался переходить в другое село, а здесь, казалось мне, невозможно оставаться. Искал себе место, и мне уже давали села. В минуту душевного смущения обратился к ней. «Погодите уходить...» – сказала она. И я остался, и до сих пор практически благополучен, в отличие от тех товарищей моих, которые ушли. Наше же место цело до сих пор, по милости Божией и ее святыми молитвами. Подобные таковым советы ее и предположения всегда оправдываются.

Вот и все, я вкратце начертал своею недостойною рукою об одном из светильников, которые светят и по сей день во тьме нашей жизни и молитвами которых держится еще наш грешный мир.

Село М., св[ященник] В., октябрь 1931 года

Юродивый Андрей

Юродивый Андрей жил в Лужецком монастыре Московской губернии. Лет ему было около пятидесяти. Стоял всегда на паперти и молился. Чуть слышит церковный звон – лицо так и просветлеет, начнет улыбаться, радоваться. Всегда бегал бегом. Умер он приблизительно в 1917 году и похоронен в Лужецком монастыре.

Записано со слов неизвестной монахини 17 июня 1932 года в Кадашах

Юродивый Николай Веневский

Юродивый Николай жил на кладбище даже зимой. Придет оттуда в четыре часа утра – голова вся в снегу. Очень усердно молился об усопших. Однажды в праздник Крещения, после освящения воды, когда погрузили и вынули из проруби святой Крест, он бросился в воду и окунулся три раза. Придет, бывало, в просфорню и сидит там. Любил ходить в монастырь. Умер он в тюрьме. Вышло это так. Ходил блаженный Ни́колушка по улицам и всем говорил: «Какой пожар-то будет!» (он картавил). И правда, дом вскоре загорелся, а он и говорит: «Это я зажег дом». За эти слова взяли его и посадили в тюрьму, где он и умер.

Записано со слов м. Сергия в Черкизове в сентябре 1931 года

Странник Михаил Богородский

Странник Михаил был высокий ростом, худой, сутулый. Лет ему было около семидесяти пяти. Часто молился на кладбище ночью.

Однажды N пошла в церковь Петра и Павла. Мысли у нее были тяжелые, на сердце тоска и скука, – хотела она лишиться себя жизни. В дверях стоял странник. Вдруг потянуло ее к нему, подошла она и стала рядом. «Ой, какие у тебя помыслы нехорошие, иди скорее к о. Михаилу и расскажи ему все», – сказал он ей участливо. Его ласковые слова тронули ее душу. Подошла она к о. Михаилу, он возложил на нее руки и стал читать молитвы. Когда она отошла от священника, все прошло, все мысли тяжелые из головы ее ушли.

Незадолго до ссылки о. Михаила приходит к нему странник Михаил и говорит: «Скоро, скоро поедешь в Соловецкий монастырь молиться, жена твоя умрет, а Людочка [дочка] инокиней будет». И действительно, вскоре о. Михаила забрали. Когда он прощался со своими духовными чадами, вспоминал эти слова и плакал. Говорил: «Дорогие мои, что вы скорбите. Ведь мне предсказал Михаил, что я буду в Соловках...» И верно, в точности исполнились слова, сказанные ему странником Михаилом. Девятого мая 1926 года умерла жена.

Елиз. Рем., 1 декабря 1931 года

НЕВЕДОМЫЙ СТРАННИК

Когда матушке Дионисии было лет пятнадцать, пришел к ним неведомый странник. Молодой, белокурый, высокий, лет двадцати двух. На босу ногу. И просил пить. Когда она вынесла ему воды, он пристально посмотрел на неё и сказал: «Спасибо! Вот наш Казанский монастырь! Какой я счастливый, мне казанская монашенка пить дала...» А она тогда и не думала о монастыре. И был в той семье мальчик больной, Алёша, ходить не мог. Вот выпил странник воды, повернулся к мальчику, обнял его и говорит: «Лёшенька, Лёша! Прощай, Лёша!» И пошел. А мальчик-то встал и с той поры выздоровел. Было это в Тверской губернии, в деревне Романово Лебедянского уезда.

Рассказ матушки Дионисии

СТРАННИК ИЛАРИОН

Странник Иларион родом был из Тверской губернии. Роста высокого, полный, с виду представительный: весь седой, с белой бородой. Летом и зимой ходил босой, а зимой совсем раздетый. Ночевал в лесу или где придется. Милостыню у кого брал, а у кого и нет, – как захочет. Народ обличал за неправду так, что, оскорбив однажды одного из власть имущих при царском режиме, был посажен в тюрьму и сидел там некоторое время. За пояс у него всегда был заткнут топорик, и как-то раз топорик этот пропал. Через какое-то время встречает он

человека и говорит ему: «Слушай, брат! Я полтора года тому назад потерял свой топорик, а ты в то время ехал мимо с дровами и подобрал. Принеси его мне, он мне нужен». Поразился мужик, смутился, ведь никто не видел этого, и блаженный не оглядывался. «Да я не брал! Да его у меня нет!» Но блаженный Иларион так подробно и в таких деталях рассказал ему все, что он не в силах уже был отпираться и вернул топорик. Великий был прозорливец странник Иларион. Умер он лет пятидесяти в 1891 – 1892 гг.

Записано со слов В. М. [Вассы Михайловны? – замечание владыки Мануила (Лемешевского)], 28 ноября 1931 года

Странник Кирилл Иванович

Странник Кирилл Иванович странствовал сорок лет. Был письмоводителем у старца о. Варнавы.

Страница Анна, 22 октября 1931 года

Странник Иван Феодорович

Странник Иван Феодорович роста был высокого. Лет ему было около семидесяти. Простенький он был старичок. Жил в землянке у огородников, они его и кормили. Землянку сам делал. Разорит ему землянку мальчишка какой-нибудь, он и скажет: «Матушка Евгения, мне Фомка землянку разорил, но ему за это счастья не будет». Двенадцать раз был в Киеве. Ходил подпоясанный ремешком. Один глаз у него был кривой: однажды, когда он шел в Киев, враг ударил его в глаз, и он ослеп. Умер в 1917 – 1918 годах. Похоронен в Новодевичьем монастыре.

Записано со слов м. Евпраксии 1 октября 1931 года

Странник старец Василий

Благословила старца Василия из Дивногорского монастыря Воронежской губернии на подвиг странствования блаженная Паша Саровская. Странник он был ученый, любил говорить о Божием. Уж так говорил, что заслушаться можно было. Всегда носил за собой много книг. Роста был высокого, широкоплечий, светловолосый. Ходил всегда в кожаных сапогах. Матушка Анна встретила с ним, когда шла на богомолье. Стали они трапезовать и попросили его рассказать о Константинополе и святой Софии. Начал он им говорить, и полилась из уст его речь, как медовая брага. Заслушались его собеседники и не могли оторваться от дивных, вдохновенных рассказов. Так умел он услаждать собеседников! Умер приблизительно в 1924 году.

Софийский собор в Стамбуле

СТРАННИК

Ходил к м. Серафиме один странник. Ни имени его, ни откуда он родом никто не знал. Бывало, зовут его, скажут: «Иди к нам!», – а он отвечает: «Нет! Нет! Не достоин я...» Имел дар слез, часто видели его плачущим.

Сообщила монахиня Елена. 1931 год

СТРАННИЦА МАРИЯ

Странница Маша по прозвищу «вшивая» жила в Москве. Роста была высокого. Происходила из дворянского рода Безбородовых. Имела дар прозорливости. Была ученицей блаженного доктора Евгения. Умерла в 1929 году лет шестидесяти от роду.

Записано 22 сентября 1931 года

СТРАННИЦА МАРИЯ

Странница Мария была в Сарове. Откуда она пришла – неизвестно. Лет ей было около двадцати пяти. Одетая в лохмотья, ходила босая, за плечами – сумка. Роста среднего, смотрела исподлобья. Когда Л. была в Сарове, Мария вышла на паперть церкви, позвала ее за собой, села на лавочку и говорит: «Ой, хоть бы кто-нибудь дал мне маслица потереть ноги, очень они у меня болят...» И с тех пор у Л. стали болеть

ноги. Подошла к ним одна женщина и спрашивает: «Это блаженная?» А странница отвечает: «Блажен только один Бог!» – и побежала от них. С тех пор ее больше не видели.

Елиз. Решет., 1 декабря 1931 года

СТРАННИЦА МАРФА

Странница Марфа из Тамбовской губернии Моршанского уезда с. Большие Ламовицы. Тридцати пяти лет, роста высокого, худая. Творит Иисусову молитву и обладает даром прозорливости.

Из рассказов блаженного Николая Лашевича.

Август 1931 года

СТРАННИЦА ВАРВАРА

Странница Варвара сорок лет странствовала. Роста была она среднего, худенькая, очень ласковая. Имела необыкновенную любовь к людям. Когда идешь с ней рядом, словно на крыльях летишь. Все про Бога говорила: «Никогда не надо плакать перед человеком, перед Богом кайся и плачь о грехах своих». Всегда творила Иисусову молитву и пела: «Богородице Дево, радуйся...», очень чтילה и любила Спасителя и Божию Матерь. Когда дадут ей денег, поднимет она глаза на образ Богородицы и скажет: «Благодарю Тебя, что Ты меня сегодня напитала, недостойную, грешную. Вот мне дали денег, вложи в мое сердце, куда мне их отдать. Ты видела, я не брала их сама, мне дали». И помолившись так, пойдет и поставит свечу какому-либо святому. Одевалась она очень просто. Часто ночевала на паперти. Духовным отцом ее был о. Спиридон из Валаамского подворья.

Познакомилась с ней Х. на празднике рождества Иоанна Предтечи в Валаамском подворье. Вдруг подошла к ней странница, поцеловала ее сына Ваню в голову и говорит: «Вы со мной сегодня будете ночевать». А Ване сказала: «Тебе бы книжечек просить у людей читать, приходи в церковь Иоанна Богослова, я тебе дам». Пришли они, куда она велела, разыскали ее около иконы Божией Матери, и она дала Ване его первую книжку на церковно-славянском языке. С тех пор он стал читать на церковно-славянском.

Когда странница Варвара почувствовала приближение смерти, пришла умирать на порог кельи своего старца из Валаамского подворья. Умерла в больнице 17 июня 1927 года. Девять дней лежала в гробу, и тление не коснулось ее тела, говорят, от гроба исходил аромат. Погребена на Лазаревском кладбище.

Елиз. Решет., 1 декабря 1931 года

СТРАННИЦА ЕВФИМИЯ «ГНУСАВЕНЬКАЯ»

Блаженная Евфимия часто бывала в Даниловом монастыре. Несколько раз ездила в Серпухов и подолгу жила там. Ходила к слепой матушке Александре, была также дружна со странницей Варварой. Небольшого роста, полная, лет шестидесяти. Одна рука у нее больная. Строгая. Одевается по-мирскому. Ходит всегда с палкой и корзиной, куда кладет хлеб, яйца и другие приношения ее почитателей. Говорит в нос, «гундосит».

Однажды молилась Х. с Ваней у князя Даниила. Идут назад, а она им навстречу. Говорит: «Иду сейчас от игуменьи, не приняла она меня. Пойдемте к огороднику, тут поблизости, он нас накормит». Пошли. «Покорми гостей», – велит хозяину блаженная. «И рад бы, да нечем», – отвечает тот. «А я сейчас поищу в печке и найду там все нынешнее», – говорит она. Пошла к печи и принесла оттуда еду и квас, все сегодняшнее.

Предсказала изгнание сестер из Серпуховского монастыря. Жила за Нарвой, в Серпухове и в других местах. Ходила в церковь всегда с ключом. Народ боялся ее обличений, считая ее прозорливой. Архимандрит Георгий из Данилова монастыря¹ считал ее находящейся в прелести. Умерла весной 1932 года, погребена на Лазаревском кладбище.

Записано 22 ноября 1931 года со слов странницы Анны

ЕВФИМИЯ, БЛАЖЕННАЯ ПРОЗОРЛИВИЦА

Известная была прозорливица в Москве. Жила около Донского монастыря. День рождения и день Ангела ее не помню. Два года ее не видела, не знаю, жива или нет. Совсем исчезла. Была она полная круглолицая блондинка с большими светлыми глазами, нос маленький. Одежда простая, мирская, платочек или большая шаль. Голос тихий, но говорила гнусаво, нарочно коверкая слова. Походка не быстрая, движения спокойные. Садилась на пол, все время оправляла платье, то сядет, то встанет. Обладала даром прозорливости. Одна женщина сказала: «Муж у меня болен, боюсь, умрет!» – «Год, год у тебя проживет!» – ответила старица. И верно: прожил год и умер. Молилась много, больше сидя, иногда стоя. Свечи ставила сама на канон. Ходить любила по домам, разносить деньги, заранее зная, где нужда. Раньше богачей было много. А у некоторых было такое положение, хоть убейся, и вдруг – Евфимия с деньгами. Но не у всех брала. Однажды иду по улице, а Евфимия на трамвайной остановке стоит, пальцем указательным строго погрозила кому-то.

¹ Прп. Георгий (Лавров), причисленный 20 августа 2000 года Архиерейским Собором Русской Православной Церкви к Собору новомучеников и исповедников Российских, был с 1922 по 1928 год насельником Данилова монастыря.

О ней два сна видела трогательных. Снилось мне, что я в Донском монастыре за службой. Ох, как там было хорошо! Какое пение! Сколько архиереев я перевидала! Стала выходить из церкви да и упала. Подходит ко мне блаженная Евфимия и говорит: «Что же ты тут лежишь? Пойдем!» – «Да вот ноги не идут!» А она отвечает: «Да и у меня ноги-то никуда не годятся, давай с тобой поползем вместе!» Далеко ползли мы с ней: по грядкам, огородам, лугам! И тут я проснулась. Вскоре после этого сна я упала в погреб и разбила ноги, теперь они сильно болят. Как-будто она мне предсказала, что буду болеть ногами.

Другой сон. Заблудилась я в лесу, нигде не найду ни дорожки, ни тропинки. Вдруг встречается мне Евфимия и говорит: «Что же ты заблудилась и не выйдешь? Иди! Я тебя выведу на дорогу!» Вывела она меня на такую хорошую широкую дорогу и показывает мне церковь: «Иди к церкви, прямо, никуда не сворачивая, а то снова заблудишься! Давай еще зайдем в часовню. Сколько ты молитв знаешь? Читай на память. Я послушаю». Стала я читать, долго читала. «Прочитай Ангелу-Хранителю!» Стала я читать со слезами и проснулась. На душе очень было хорошо, радостно!

Записано со слов старицы Ксении. Ноябрь 1931 года

СТРАННОЛЮБИЦА ЕВДОКИЯ ГРИГОРЬЕВНА САФОНОВА

Евдокия Григорьевна Сафонова очень любила принимать странников, всегда у нее бывало их по десять человек в день. Некоторые украдут у нее что, а она опять их принимает. Любила всех без разбора. Семейная: имела сына и дочь. Светская. Лет пятидесяти. Бывала в Старом Иерусалиме. Похоронена в Дорогомилове.

Записано со слов м. Евпраксии 1 октября 1931 года

МОЖНО ЛИ ПРИВАТИЗИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ?

(О ДВОЙНЫХ СТАНДАРТАХ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА)

Менее прискорбно не получить
того, чего желаешь, чем достичь
того, что преступно желать.

Цицерон

Сегодня принято говорить о глобальном, взаимозависимом мире. Но взаимозависимыми бывают и друзья и враги, и те, кто сотрудничают как партнеры, и те, кто связаны диалектикой раба и господина. Поэтому нам важно, не поддаваясь соблазнительной очевидности тезиса о глобальном мире, раскрыть его внутреннюю драматургию и скрытые в нем альтернативы. Инициатором идеи глобализма выступает современный Запад. Этой идее соответствует пропаганда «открытого общества», которое обосновывается посредством ссылки на объективную глобальную взаимозависимость.

Предшественниками теории «открытого общества» были британские фритредеры: они обосновывали объективную необходимость и моральную оправданность открытой экономики – свободного рынка без границ и таможенных ограничений. Континентальные сторонники протекционизма резонно возражали, что фритредерство выгодно странам с более развитой экономикой, позволяя им беспрепятственно проникать на рынки более слабых стран и разорять местную промышленность. Фритредерство – это свобода, напоминающая закон джунглей, который на руку сильнейшим.

Сегодня «теория открытого общества» уже не ограничивается экономикой. Она призывает не-Запад полностью раскрыться влиянию Запада

Панарин А. С. (26.12.1940 – 25.09.2003) – русский философ, критик глобализма. Окончил философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и аспирантуру, достиг значительных высот в научной сфере: доктор исторических наук, заведующий отделением теоретической политологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, директор Центра философских исследований Института философии РАН, действительный член 5 академий, в том числе Нью-Йоркской Академии Наук.

А. С. Панарин написал более 250 научных работ, в т.ч. 18 крупных монографий и книг. Наиболее значимые из них: «Политология», «Глобальное политическое прогнозирование», «Православная цивилизация в глобальном мире», «Агенты глобализма» (позднее эта работа целиком вошла в книгу «Искушение глобализмом», за которую учёный удостоился Солженицынской премии) и, наконец, «Стратегическая нестабильность в XXI веке».

Панарин А.С. Россия в циклах истории. М.: Изд-во МГУ, 1999. 288 с.

– идеологическому, культурному, политическому и финансовому. И это опять-таки обосновывается ссылками на непреодолимые объективные тенденции современного развития, якобы делающие совершенно устаревшими такие понятия, как национальный суверенитет, самостоятельное развитие, национальные интересы.

Спору нет, если не-Запад полностью откроется Западу, мы скоро получим глобальный мир, но это будет мир глобальной западной гегемонии. Нельзя ли обрести его другой ценой?

Сегодня понятие «объективная необходимость» скрывает коварство победителей, которые заинтересованы в том, чтобы вконец обескуражить побежденных, внушив им мысль, что такому положению нет альтернативы. Поиск альтернативы есть такое усиление духовного измерения, которое отражает наше творческое возмущение энтропией, связанной с наиболее вероятными состояниями. Объективное, таким образом, становится синонимом наиболее вероятного, энтропийного.

И если в традициях классической культурной эпохи, отражающей неукротенное творчески-героическое начало, было возмущение против наиболее вероятных состояний, то современная постгероическая эпоха призывает не бунтовать. Голосом такой эпохи говорят преуспевшие, заинтересованные в сохранении статус-кво. Они и придали «объективной необходимости» ее лукаво-соглашательский смысл.

Если человек и в самом деле имеет на Земле призвание антиэнтропийной силы, то его задача – не усыплять субъективное начало, выдавая алиби постыдному бездействию посредством ссылок на объективные тенденции, а пробуждать и усиливать это начало. Запад сегодня заинтересован в том, чтобы сделать мир однородным, упростив его в качестве объекта управления. Но если при этом ссылаются еще и на прогресс и его закономерности, то здесь впору возразить: упрощение и унификация являются, по большому эволюционному счету, не прогрессом, а регрессом. Те, кто сопротивляются унификации, и на этих

Александр Сергеевич Панарин

основаниях отвергают преждевременный лозунг «открытого общества», поддерживают тем самым высокие онтологические принципы плюрализма и многообразия на нашей планете.

Западническая концепция глобализма в целом строится на принципе неэквивалентного обмена. Вместо взаимного культурного обмена здесь предполагается одностороннее культуртрегерство Запада, просвещающего других, но отказывающегося в свою очередь просвещаться с их помощью. Парадоксальным следствием такого гегемонизма является *провинциализация* Запада. Запад, выступающий в самодостаточной роли, готовый лишь влиять, но не поддаваться другим культурным влияниям, теряет способность к самообучению через мимезис (подражание). Он все хуже знает других, подменяя трудный опыт культурного диалога априорными догматическими схемами. Он все реже задается вопросом о том, как думают и ведут себя другие, подменяя его менторским – как они (другие) должны думать и вести себя в соответствии с его, Запада, представлениями.

Поэтому вопрос о традиционализме и нетрадиционализме пора поставить по-новому. Сегодня догматического традиционализма, знающего только себя и взирающего на мир только с собственной колокольни, больше всего именно на Западе. Если провинциализм выступает синонимом наивно самоуверенной и счастливой цельности, не обремененной знанием других и вытекающими отсюда сомнениями в собственной правоте и законченности, то таких счастливых провинциалов сегодня, бесспорно, больше на Западе.

Напротив, быть незападным человеком сегодня – значит сопрягать в своем сознании, поведении и системе ценностей автохтонную традицию и ту, что привнесена с Запада. Не-Запад сегодня сложнее Запада не только по причине своей более древней культурной традиции и более глубокой памяти, но и потому, что его внутренняя структура дуальная: она включает свое и чужое, подлежащее адаптации на собственной почве. Причем это такое «чужое», от которого нельзя просто отгородиться или отмахнуться, но которое приняло характер вызова, требующего неизбежного ответа.

Причем если раньше, когда существовал Советский Союз, выступавший как протекционистский барьер на пути проникновения атлантического Запада в не-Запад, вызов не принимал по-настоящему тотальный характер, то теперь, после крушения «второго мира», он именно таков. После своей победы в мировой холодной войне Запад требует безоговорочной капитуляции от не-Запада. Иными словами, вызов Запада принял крайнюю, предельную форму.

Большинство конформистски мыслящих интеллектуалов восприняло этот вызов как едва ли не завершающую фазу мировой истории. Но вместо того, чтобы останавливаться на самом этом вызове, который в общем-то свершился и потому не содержит особых творческих загадок, гораздо продуктивнее продумать логику возможного ответа не-Запада. Вот где сосредоточены главные загадки грядущего этапа истории!

Между прочим, сегодняшняя стратегия Запада состоит как раз в том, чтобы любыми путями затормозить ответ или хотя бы снизить его силу. На это направлена и экспансия СМИ, призванная подорвать местные духовно-нравственные традиции, и активность религиозных сект (преимущественно протестантских), и оплаченное усердие интеллектуалов, незаметно перешедших от критики тоталитаризма к отрицанию собственной культурно-цивилизационной традиции.

Эти попытки предупредить ответ оппонента, которому послан вызов, свидетельствуют о дегероизации Запада, более не находящего упоения в великих дуэлях культур. В историософском плане это может быть расценено как попытка «банализировать» Историю, лишив грядущую фазу ответа должной радикальности и содержательности. Между тем об истории можно сказать то же самое, что сказал Х. Гадамер об «опытном» человеке: опытный человек – не тот, который наперед знает, как ведут себя другие, опытный человек – это принципиально адогматический человек, который по опыту знает, что действительность другого сложнее наших предожиданий¹. [...]

Драматический парадокс нашего времени состоит в том, что мы уже осознали постиндустриальную потребность в духовной культуре как источнике фундаментальных новаций. Постиндустриальное общество – это не прежнее массовое общество, основанное на бесконечном тиражировании однажды найденных моделей и решений, а непрерывно самообновляющееся, а значит нуждающееся в нетривиальных идеях. Но сегодня именно статус Запада как гегемона и победителя более всего препятствует ситуации культурного творчества. [...]

Рождать большие идеи – от фундаментальных идей в науке до фундаментальных инициатив в этико-религиозной сфере – можно только при ориентации на идеал, а не на эмпирическо-индивидуалистический интерес. Максимализм творчества ничего общего не имеет с приземленностью современных либеральных установок, исходящих из окончательной смерти «сакрального».

¹ Гадамер Х. Истина и метод. М., 1988. С. 419.

Главный вопрос Истории, относящийся к ее смыслу и перспективам, касается примата Духа или Материи, Неба или Земли. При этом Дух имеет волновую структуру, он предстает как невидимая, нелокализуемая в пространстве «соборность». Материя, напротив, имеет корпускулярную, атомарную структуру, и потому воцарение материалистической фазы в культуре находит отражение в этике индивидуализма и морали успеха.

Вдумчивые эксперты уже отметили, что технологическая эпопея XX века в культурном отношении является паразитарной: она питается в основном фундаментальными открытиями и идеями, подаренными ей прошлым веком. Особенность техноизированного творчества состоит в том, что здесь творческое воображение получает импульс не от субъекта, а от созданной техникой же технической проблемной ситуации. Творчество получает профанируемую форму саморазвития техники. Проблема, однако, состоит в том, чтобы осуществить в духе Гуссерля, феноменологическую редукцию технического мира, вырваться из плена его спонтанной логики, вернуться к бытию человека, к его статусу не придатка и агента техники, а субъекта, имеющего собственные задачи и собственную логику.

Тривиальность модернизации как практического социального процесса и как теории состоит в том, что она означает подчинение машинной логике тех, кто еще оставался за пределами ее воздействия. Модернизация уменьшает шансы творческого диалога и, следовательно, творчества как такового тем, что творит однопорядковый мир.

От Запада сегодня нельзя ожидать столь насущных реформационных инициатив, направленных на обуздание демона техники. Произошло фактическое самоотождествление Запада с техническим миром: Запад идентифицирует себя как техническая цивилизация и в своем противостоянии не-Западу уповает только на техническое могущество. Но сомнительна и стратегия тех стран Востока, которую А. Тойнби назвал иродинством. Речь идет о том, чтобы с помощью заимствованной у Запада техники защититься от его экспансии. Такую технику, поменявшую свой пространственно-культурный статус, А. Тойнби назвал «куском европейской культуры», отколовшимся от нее.

Некоторые теоретики модернизации утверждают, что она имеет свою благодетельную для культурного плюрализма логику: на первых стадиях модернизация способствует вестернизации и связанной с нею нивелировке культур, но на более развитых стадиях она, напротив, знаменуется эффектом культурной дивергенции, укреплением специфики.

Нам кажется, что здесь недостаточно принимается во внимание ценностный момент. Культурная специфика лишь тогда по-настоящему имеет шанс на сохранение и творческое развитие, когда она оказывается не просто «еще уцелевшим» наследием, а высокочтимой ценностью. Все то, что обладает статусом простого наследия, уже обречено, ибо мир в самом деле стал глобальным и в нем не осталось нетронутых ниш и оазисов. Защищаемым оказывается то, что возрождено в своем ценностном статусе и выступает как предмет старательной культивации, а не как результат недосмотра «модернизаторов», у которых не дошли руки до каких-то скрытых очагов традиционализма.

И вот здесь-то и обнаруживается злокозненность техники: она обезображивает природную гармонию и красоту мира и тем самым делает его менее ценным. Весьма возможно, что переход от традиционной органической слитности с миром к состоянию индивидуалистической разъединенности с ним совершается посредством процедуры обезображивания машинной техникой. Доиндустриальный пейзаж «аффицирует», делая нас «почвенниками», привязанными к данной среде и склонными растворяться в ней. Пейзаж, обезображенный индустриализацией, облегчает ту процедуру отстранения от мира, которую теоретики модернизации обозначают как «десакрализация», «демифологизация», «денатурализация». И чем дальше зашли эти процессы, тем проблематичнее выглядит альтернативный процесс нового «усыновления» человека и преодоления его маргинально-отщепенческого отношения к миру.

В частности, нынешний кризис идентификации «населения» с тем историко-культурным пространством, которое называется высоким словом Родина, в значительной степени связан с тем обезображиванием его, которое произвела вакханалия большевистской индустриализации. В начале нашего века конструктивизм и футуризм рассчитывали на создание особой эстетики, которая превзошла бы в своих мобилизующе-вдохновляющих потенциях классическую красоту, связанную с удивительным сочетанием языческо-экстатического отношения к природе с христианским по происхождению томлением по иному, нездешнему миру.

Однако технологическая альтернатива по большому счету не состоялась: оказалось, что техническая эпопея похитила у нас космическую гармонию, не дав взамен чего-то сопоставимого. И тогда, чтобы избавиться от критики, техническая цивилизация вознамерилась лишить нас самой способности критического суждения, основанного на культурной памяти и тоске по идеалу. Эта отшибленная культур-

ная память и забвение высших духовных ориентиров и измерений является типичными результатами модернизации.

Если глобализация и впредь будет осуществляться посредством этих процедур принижения и забвения, то мы в итоге получим не только одномерный и обезображенный мир, но и к тому же лишенный способности к качественным обновлениям. Задача состоит в том, чтобы восстановить способность к культурному анамнезису (припоминанию) и самоотстранению (самокритике) посредством диалога с «другим». Но для того, чтобы диалог был подлинным и продуктивным, необходимо не только сохранить присутствие «другого», но и его статус в качестве достойного, обогащающего собеседника.

Сегодня усиливается тенденция подменить прежнюю дуальность «Восток – Запад» новой дуальностью «Север – Юг». Но последняя отличается как раз тем, что в ее рамках «другой» выступает в недостойном уважительного внимания виде. Одно дело, «другой» в качестве Востока – таинственного места зарождения великих цивилизаций, религий, мистических интуиций и откровений. Другое – он же в качестве Юга – «недоразвитого», нуждающегося в опеке и присмотре и при всем этом остающегося безнадежно отсталым.

Человечество тогда может получить шанс действительно обогащающего и гуманистического глобализма, когда не-Запад восстановит свой статус обладающего дефицитными свойствами «другого». Поэтому доктрину «открытого общества» и вытекающие из нее стратегии предстоит отвергнуть как практику умаления и даже устранения «другого» посредством демонтажа всех механизмов его самозащиты перед экспансией носителей одномерного мира. Мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что объективная необходимость глобализации может реализоваться в двух альтернативных формах: на основе монистического принципа, связанного со всемерным ослаблением и растворением не-Запада; и на основе диалогового принципа, связанного со всемерным усилением не-Запада и укреплением его культурной самобытности.

Если историческое знание в поисках восстановления общечеловеческой перспективы сориентируется на первую модель, это приведет к его самоустранению. В самом деле, что тогда останется на его долю?

Либо банальные констатации нынешней гегемонии Запада, либо усердное выявление дополнительных «помех» вестернизации и, соответственно, рецептов для их устранения. В первом случае большая историческая интуиция оказывается излишней, во втором предпола-

гается вытеснение историософской метафизики позитивным социологическим знанием, что в свое время провозглашал уже О. Конт.

Что касается второй модели, то связанный с ним историософский проект легко с порога объявить реакционно-утопическим, консервирующим отсталость, фундаменталистским и пр. Но мы уже говорили о том, что в культуре действует жесткий принцип: нельзя сохранить и законсервировать то, что утратило статус ценности. Простой консервацией и связанными с нею охранительными установками ничего спасти нельзя. То, что оберегается от критики, неизбежно коснеет и теряет свою содержательность. Проблема не в том, чтобы вывести национальные ценности из пространства диалога и сохранить их в каких-то резервациях культуры и политики. Проблема в том, чтобы обеспечить их встраивание в глобальный процесс, в конкурс альтернативных мироустроительных проектов, с которыми человечество связывает сегодня свое спасение.

Эта проблема профанируется нынешними западническими псевдоэлитами, которые подменяют непосильный для них процесс творческого диалога с Западом бездумным эпигонством, а всем, несогласным с этой профанацией, приклеивают ярлык ретроградного традиционализма. Национальная элита, достойная этого названия, сочетает два герменевтических усилия: одно связано с процедурами анамнезиса, активизацией культурной памяти, ответственной за сохранение идентичности и исторической преемственности, другое – с процедурами мимезиса – творческого заимствования достижений других культур и цивилизаций.

В том, что такая элита сегодня поредела, повинны два процесса. Первый связан с гедонистическим вырождением прометеевой личности, которая сохранила свою разъединенность с Космосом, но уже не способна на творческие дерзания, возложив все заботы на технику, заменившую ему свергнутого Демиурга. Второй связан с теми опустошениями и обезображиваниями, которые произведены техникой в мире природы и культуры. Вот она, диалектика модернизации: сначала модернизаторы опустошают и обезображивают родной пейзаж природы и культуры, а потом сетуют на безобразие «этой страны», оправдывая тем самым свои компрадорские ориентации.

Сегодня для не-Запада, в том числе и бывшего «второго мира», важной задачей является сохранение своего культурного наследия, которое является не только его собственной ценностью, но и кладовой идей всего человечества. Разумеется, дело не может сводиться к чистому изоляционизму и протекционизму, которые и не могут быть

эффективными в нашу эпоху глобальных взаимодействий. В то же время противопоставить экспансии «открытого общества» какую-то защитную стратегию совершенно необходимо. [...]

Восток сегодня и является единственной еще не расхищенной до конца кладовой культурной памяти человечества. Здесь действует парадокс: чем более удалена та или иная культура от эпицентра модернизации, тем больше у нее шансов на возрождение постиндустриального типа.

Если бы теория вестернизации в самом деле была состоятельной, то мы бы имели плавную снижающуюся кривую роста от Атлантики до Тихого океана. Более территориально и цивилизационно близкие к очагам европейского модерна Восточная Европа и Россия имели бы лучшие показатели, чем более удаленный от Атлантики и цивилизационно ей чуждый конфуцианско-буддистский регион. На самом деле все обстоит наоборот: страны, наиболее облученные модернизацией, с ослабленной культурной памятью, оказались в самом безвыходном положении. Видимо, императив сохранения культурного наследия является сегодня не менее принудительным, чем экологический императив.

Что касается Запада, то в недрах его культуры, начиная с 1950-х годов, происходило движение, свидетельствующее о подготовке к новой встрече с Востоком. С одной стороны – это многозначительный сдвиг в ориентациях и структуре потребностей в духе постматериализма и постпотребительства. Средний класс – это излюбленное детище модерна, предмет его наибольших упований¹ – на глазах стал превращаться из добропорядочного прагматика и делателя денег в мистического романтика, грезящего Востоком, обращающегося к дзен-буддизму, йоге и другим нетрадиционным для Запада духовным практикам. Это новое томление духа можно было бы списать на стилизаторство пресыщенной потребительской культуры, если бы оно не дало толчок феномену новых социальных движений и гражданских альтернатив, в самом деле не вписывающихся в стереотипы модерна.

Можно сказать, что накануне своей победы в холодной войне Запад находился в преддверии большой духовной реформации. Его лучшие умы выступали с целой программой цивилизационной самокритики, направленной на пересмотр тех установок и мотиваций, которыми

¹ См.: «Революция среднего класса», провозглашенная теоретиками «диффузии собственности»; теория политического центразма, связывающая со средним классом преодоление роковой политической поляризации на правых и левых и пр.

заявил о себе миру фаустовский человек на заре эпохи модерна. Ширилась социальная база реформационного движения: формировалось целое поколение молодежи 1960-х гг., отвергающее «мораль успеха» и явно сориентированное на постматериальные ценности. Если бы во время этой духовной революции западных «шестидесятников» Восток был представлен не тоталитарным коммунизмом – этой карикатурой западного же модерна, а более адекватными ему формами материальных и духовных практик, восточническая фаза мирового мегацикла могла бы наступить значительно раньше.

На переднем крае Востока, в СССР, в это же время назревал процесс самоочищения от коммунизма. От тоталитаризма можно было идти двумя путями: путем возвращения к собственной цивилизационной, то есть православно-византийской традиции (что было уже намечено русским религиозно-философским ренессансом и всем «серебряным веком») или путем духовной капитуляции перед Западом. Источники духовнорелигиозного ренессанса были заглушены в результате бесчисленных чисток большевизма, погашены в ГУЛАГе. Последним всплеском великой русской культуры прежнего дооктябрьского типа стало замечательное явление «деревенской прозы». А в идейном плане дореволюционная Русь явила себя в мощной фигуре А. И. Солженицына.

Что касается политических реформаторов, вышедших из среды советского «шестидесятничества», то они волею судеб оказались начисто оторванными от национальных корней и традиций. Идейное наследие демократического Запада оказалось, несмотря на ограничение контактов и спецхраны, все же значительно более доступным им, чем затонувший в 1917 году архипелаг русской культуры. Парадокс советского образа жизни в период застоя заключался в двойном стандарте: верхи тайно вели западный образ жизни, понятый, разумеется, не в своих глубинных социокультурных основаниях, а как потребительская «богема спецраспределителей»; низы же были обречены на «советский образ жизни» с его пресловутыми дефицитами.

Трудно сказать, в каких культурных формах явила бы себя антикоммунистическая революция снизу, но XX веке изобрел такие технологии физического и духовного подавления, что низовые революции стали практически невозможными. Механизм революций переместился наверх и реализуется в форме раскола правящей элиты. После смерти Сталина машина подавления была уже целиком обращена против низов, став гораздо более снисходительной к верхам. Эта снисходительность и погубила советский режим: в результате тайной

вестернизации «верхов» началось реформационное движение, приведшее к августу 1991 года.

Парадокс российского реформаторства состоял в том, что его инициаторы были большими западниками, чем сам Запад. Мимо них прошла начавшаяся цивилизационная самокритика Запада, отразившая роковые сомнения фаустовской культуры накануне глобального экологического кризиса. Поэтому зарубежными идейными наставниками российского реформаторства стали не те, кто представлял эту самокритику Запада, а те, кто олицетворял мобилизованный Запад, ошестившийся в ходе холодной войны.

Идеологи реформаторства стали жертвами пропаганды Запада, обращенной на Восток. Эта пропаганда представляла собой в культурном плане идейную ретроспективу прошлого, отчасти даже позапрошлого века, когда либерализм вел свое победоносное наступление против традиционного феодального авторитаризма и еще не ведал ни экологических тревог, ни забот, связанных с явлениями культурного декаданса.

Эту казенную бодрость мобилизованного в ходе холодной войны официозного либерализма и восприняли наши реформаторы. Они вступили в диалог с западным «экономическим человеком», проигнорировав «постэкономического человека», который мог бы им раскрыть тайные изъяны и сомнения этой цивилизации. Но поскольку идеологи перестроечного и постперестроечного периодов были людьми марксистской выучки и чтили «базис», то им суждено было попасть в объятия «чикагской школы» – этой версии запоздалого эко-номикоцентризма.

Мало кто осознавал тогда, что Запад как цивилизация стоял на перепутье: либо развернуть глубочайшую самокритику в виду открывшихся пределов роста и встать на путь решительного преобразования затратной в экологическом отношении фаустовской культуры, либо... попытаться отодвинуть пределы роста за счет нового геополитического передела мира. Победа Запада в холодной войне и стала таким переделом.

Если ликвидировать перерабатывающую промышленность практически всех богатых сырьем стран бывшего «второго мира», то можно превратить их в поставщиков едва ли не дармового сырья и тем самым продлить существование экологически безответственного потребительского общества на многие десятилетия. Победа в холодной войне остановила начавшуюся на Западе духовно-ценностную перестройку (реформацию) и способствовала фактической маргинализа-

ции перспективнейшей культуры «постэкономического человека». Оказались практически свернутыми экологическое, антивоенное, коммунитарное движения и авансцену на время снова занял архаичский по большому историческому счету экономический человек.

Он начал наступление не только на своих оппонентов постиндустриальной формации, но и на старых своих критиков социалистического и социал-демократического толка. Особенно серьезным оказалось наступление предпринимательской среды на аванпосты социального государства. Свертывание социальных и образовательных программ, если оно будет продолжаться и впредь, способно серьезно подорвать инфраструктуру, на которую опирается постэкономический человек.

Словом, в результате победы в холодной войне мы имеем заметную архаизацию Запада, возвращающегося в своем самосознании к идеологемам и стереотипам прошлого века, когда он и в самом деле выступал неоспоримым гегемоном мира.

Что касается ситуации в стане поверженных, то ее надо уметь оценить не в краткосрочной, а в долгосрочной перспективе. Только в опыте поражения, только сознанию побежденных и униженных открывается теперь изнанка Запада. Он все больше предстает перед беззащитными теперь бывшими противниками не в демократическом ореоле, а в облике самонадеянной и кичливой силы, не готовой считаться с законными интересами других. Вся пропаганда старых левых, все инвективы в адрес империализма, колониализма и расизма, которые совсем недавно казались чем-то глубоко архаичным – проявлениями маргинального революционаристского подполья, сейчас неожиданно наполняются новым содержанием, получая подтверждение в безцеремонном поведении новых победителей.

Эти победители не довольствуются неслыханными уступками побежденной стороны, отдавшей их безраздельному влиянию не только Восточную Европу, но и все ближнее зарубежье. Победитель ведет дальнейшее наступление, уже вглубь России, в частности, поощряя пантюркистские притязания Турции. Как пишет С. Хантингтон, директор Института стратегических исследований при Гарвардском университете, «куда податься Турции, которая отвергла Мекку и сама отвергнута Брюсселем? Не исключено, что ответ гласит: Ташкент. Крах СССР открывает перед Турцией уникальную возможность стать лидером возрождающейся тюркской цивилизации, охватывающей семь стран на пространстве от берегов Греции до Китая. Поощряемая Западом, Турция прилагает все усилия, чтобы

Сэмюэль Филлис Хантингтон

выстроить для себя эту новую идентичность»¹. А на западе России атлантисты формируют свою стратегию, нацеленную на противопоставление Петербурга, Новгорода, Пскова как «внутренней Атлантики» азиатско-континентальной Москве – извечному «могильщику» демократии. Словом, никакой «новый Мюнхен» не останавливает самоуверенного победителя, теряющего чувство меры.

Парадокс современной идейной ситуации состоит в том, что западническую фазу Россия так и не смогла вовремя изжить в опыте могущественного СССР, в опыте геополитических обретений и побед. Тоталитарный СССР

в 70-е годы наступал в пространстве, предопределив поражение Запада во Вьетнаме, в Лаосе и Кампучии, в Никарагуа, в Африке... Но параллельно этому Запад вел свое культурное наступление, завоевывая сердца в стане противника, и в особенности – его элит.

И только теперь, в опыте тяжелейшего геополитического поражения от Запада, Россия основательно изживает свое внутреннее западничество, постигая Запад не в его либерально-пропагандистском обличье, а как империалистическую силу, последовательно осуществляющую давнюю программу фаустовского человека: превратить весь окружающий мир в объект своей воли, в средство удовлетворения своих потребительских appetitov.

Мировая история могла бы разворачиваться таким образом, что инициатором назревшей духовной реформации снова стал бы Запад, приступивший к решительной цивилизационной самокритике ввиду глобальных вызовов и новых установок своего постэкономического человека. Но случилось иначе.

После своей победы в холодной войне Запад пошел в своем духовном развитии не вперед, к рафинированному культурному

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 44.

постиндустриализму и постэкономизму, а вернулся назад, к европо-и экономикоцентризму, к просвещенческим иллюзиям относительно миссии белого человека в мире. Это означает, что инициатива глобальной духовной реформации переходит к Востоку и в авангарде этого движения, по-видимому, будет стоять ныне поверженная Россия. Вставшие перед ней задачи национального освобождения и возрождения нельзя решить в ключе национальной политической идеологии традиционного образца. Россия всегда представляла собой не обыкновенное национальное государство, а особый тип славяно-православной цивилизации, «третий Рим». И возрождаться она сможет завтра, только вооружившись цивилизационной альтернативой фаустовскому человеку, промотавшему общечеловеческое планетарное наследие в ходе технико-индустриальной авантюры модерна.

Если мировой исторический разум существует, то, надо сказать, он очень дорожит перспективой глобальной духовной реформации и в видах этой реформации своеобразно обошелся с Россией. После реформ Петра I, а затем после реформ 1861 года, казалось, шел к благополучному завершению процесс вестернизации России. Россия 1913 года – это многообещающая по западным критериям держава, активно участвующая во внутренних спорах Европы и сопричастная западной системе колониального господства над миром.

И вот этот гигант непредсказуемым образом идет ко дну в 1917 г. Левые западники – инициаторы Брестского мира, со дня на день ожидающие пролетарской революции в Европе, дабы немедленно подключить Россию к социалистической «европейской семье», также терпят поражение. Мировая пролетарская революция не состоялась, а взявшим верх сторонникам победы революции «в отдельно взятой стране» левые западники оказались не нужны – их ликвидировали в 1937 году.

Так Россия неожиданно определяется как аванпост не-Запада, готовый остановить западную мировую экспансию. Демиург Истории блокировал победоносную вестернизацию, которая в условиях прежнего союза России с Западом имела шансы завершиться к концу нашего века. Но и СССР своей структурой и поведением в чем-то существенно нарушал логику биполушарного (западно-восточного) строения мира. СССР был наследником европейского просвещения и формировал единое евразийское пространство, в котором растворялось многообразие незападных культур.

Таким образом, остановив вестернизацию в ее классических колониальных формах, он осуществлял ее в форме насаждаемой всюду

социалистической индустриализации и коллективизации. Иногда этот тоталитарный коллективизм смешивают с традиционными формами восточной общинности и соборности. Но это иллюзия ретроспективы, удаленной от действительной практики 20 – 30 годов и вдохновляющей ее марксистско-ленинской идеологии. Образ, в который отливали пресловутую «русскую безформенность» большевики, – это образ общества как единой фабрики, подчиняющейся механическим ритмам и технократически управляемой. Общество мыслилось как придаток машинной индустрии, подобно тому, как город в советской строительной практике строился как придаток предприятия.

Таким образом, социалистическая коллективность ничего общего не имела с авторитарно-патриархальной органикой традиционного «мира», выстраивающего свою ритмику природно-космически, а не механически. Социалистическая индустриализация представляла собой гигантскую машину отвоения пространства у природного Космоса и подчинения этого пространства дерзновенному волюнтаризму прометеева человека. Противоборство этих двух «прометеев» – западного и советского – позволило глубинному Востоку как-то маневрировать и сохранять свои позиции. Россия сберегла для будущего планетарное восточное «полушарие» ценой самосожжения в домах социалистической индустриализации.

Но другая гигантская задача при этом была отодвинута: Россия приостановила свое участие в планетарной духовной реформации, основанной на критике и самокритике прометеевых обществ и обращении к духовному опыту Востока, в том числе своего собственного, православного. Мгновенный переход от коммунистической к либеральной идеологии, который многим кажется эпохальным, на самом деле тривиален по своему содержанию и весьма краткосрочен по историческим масштабам. Все это – «переворот», целиком остающийся в рамках западного прометеизма (модерна), и ввиду глобальных духовных тенденций, наметившихся еще на рубеже XIX – XX веков, может быть оценен не как продвижение вперед, а как регресс.

Истинный духовный переворот намечается только сейчас, когда вестернизация России на самом деле обернулась ее закабалением, а в поведении Запада в условиях однополярного мира стала проявляться неокOLONиальная и империалистическая архаика. В России царской и в России советской назревание духовной реформации контр-фаустовского типа могло осознаваться лишь очень немногими, ограничиваясь рамками элитарно-эзотерических субкультур. Но в сегодняшней поверженной, побежденной в холодной войне и колонизируемой

России западный «прометеизм» выступает уже не как объект сугубо культурологической критики, а как противник, в борьбе с которым предстоит мобилизовать все резервы национального духа.

При этом нет никаких шансов решить эту проблему в реставрационно-коммунистическом ключе, мобилизовав против Запада идеологию старых левых с их плановым хозяйством, уравнительностью и упованиями на производительные силы. Это левое плагиаторство западного прометеизма уже не способно ни вдохновить кого-либо, ни стать основой для ответа на глобальные вызовы нашего времени. [...]

Итак, мы можем сделать несколько выводов.

1. Глобальный мир не может быть объединен на основе однополярной гегемонистской модели, ибо такое объединение неизбежно вызвало бы протест как несовместимое с достоинством народов и было бы редуccionистским, обедняющим человечество и посягающим на многообразие культур. Просвещение с легкостью оперировало понятием «человечество», ибо понимало под этим один только знакомый ему европейский тип. Остальной мир воспринимался как далекая и архаичная периферия, цивилизовать которую и призвано просвещение.

Когда вместо примитивной европоцентристской дихотомии «цивилизованность (по-европейски) или – варварство» был открыт плюрализм цивилизаций, понятие общечеловеческого единства снова проблематизируется. Чем больше наступающий Запад злоупотребляет софизмами, выдавая собственные ценности и интересы за общечеловеческие, тем труднее нам пробиться к подлинному понятию общечеловеческого, ибо сами поиски в этом направлении могут ставиться под подозрение.

2. Если мир не должны и не способны (по большому счету) объединить сильные, то соответствующая задача выпадает на долю слабых. Но слабые способны стать, и опыт пролетарских революций это подтверждает, не меньшими редуccionистами, чем сильные. Они способны объявить всю высокую культуру «баловством пресыщенных». Принцип социального равенства вообще чрезвычайно опасен в делах культуры, ибо включает механизм выравнивания по низшему уровню: все недоступное пониманию самых темных ставится под подозрение как не соответствующее принципу равенства. Примитивы «пролетарской культуры» убедительно об этом свидетельствуют.

Самые страшные катастрофы истории имеют своим источником объединение низовой революционаристской энергии с потребительскими ориентациями буржуазного типа. Поэтому все те, кто мыслит

объединение человечества в превращенных формах старого революционаризма, просто поставив на место марксистского пролетариата угнетенную «мировую деревню», на самом деле готовят ликвидацию цивилизации.

3. Здесь мы снова возвращаемся к вопросу, однажды уже решенному христианством на примере еврейского народа. Речь идет об имманентных и трансцендентных путях спасения: о Мессии, который придет с мечом и революционным насилием освободит избранный народ, или Мессии, который заявит: «Царство мое не от мира сего».

Исследователи подчеркивают двойственный характер еврейского мессианизма, сочетающего имманентную концепцию освобождения, понимаемую как окончательное земное устройство и торжество, и трансцендентную. Трансцендентная устремленность ведет к появлению Христа, нетерпение имманентной устремленности ведет к выдаче и распятию Христа, не подтвердившего надежд на Царство Божие на Земле. «Духовная жизнь еврейского народа должна была привести к явлению Христа и к распятию Христа. Христос не осуществил упований еврейского народа, не стал земным царем и не осуществил земного царства Израиля»¹.

Об этом же пишет протестантский теолог Пауль Тиллих. Он отмечает устремленность иудаистской пророческой литературы на внутриисторическую и политическую интерпретацию миссии Израиля, при сохранении однако трансцендентно-апокалиптических мотивов. «Эти трансцендентные элементы внутри преимущественно имманентной и политической интерпретаций идеи Царства Божия указывают на двойственный характер последнего... В ходе политических сдвигов, которые испытал иудаизм в период римской империи, двойственный характер пророческого предвидения был почти утрачен, что привело к краху существования Израиля как государства»².

Социализм и был, собственно, целиком имманентной версией спасения. Социалистическая утопия – это трагедия забвения того опыта, который был выстрадан в процессе перехода от Ветхого к Новому Завету. Социализм являет нам парадокс целиком посясторонней эсхатологии: конец мира и осуществление обетования происходят прямо здесь, на грешной земле. «Я думаю, – отмечает Н. Бердяев, – что социализм имеет источники религиозно-иудаистские, связанные с эсхатологическим мифом еврейского народа, с глубокой двойственностью

¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1969. С. 121.

² Тиллих П. История и Царство Божие // Философия истории: Антология. М., 1994. С. 246.

его сознания, трагичной не только для истории еврейства, но и для истории человечества»¹.

Эти предостережения относительно посюстороннего осуществления эсхатологических чаяний имеют важнейшее методологическое значение для философии истории. Они означают, что нельзя банализировать принцип «блаженны нищие духом», прямо отождествляя бедность с добродетелью, а земные чаяния бедных – с целями истории.

Мы действительно убеждены, что **истинная** глобализация мира – не профанированная гегемонизмом, – произойдет не в западной фазе мировой истории, а в следующей, восточной. Но Восток, от которого будет исходить эта новая формационная инициатива, нельзя смешивать с понятием Юга, заимствованным из пресловутой дихотомии «Север – Юг». Замещение культурно насыщенного, богатого смыслами понятия «Восток» одномерно-экономикоцентричным понятием «недоразвитого Юга» закрывает перспективу. Новой инициативы следует ждать не от экономически бедного Юга, а от духовно богатого Востока. Чем больше духовного содержания, заложенного в культурах Востока, окажется проявленным в новом диалоге Востока и Запада, тем больше шансов того, что человечество ускользнет от убийственного революционаризма в своей грядущей восточной фазе, и кое-кем обещанная война «мировой деревни» против «мирового города» все же будет предотвращена.

¹ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 116.

ВСЕЛЕНСКОЕ И ГЛОБАЛИСТИЧЕСКОЕ

Размышления на эту тему возникли у меня в связи с очевидным кризисом православного образования в средней школе. Сегодня в светской системе образования делают вид, что в ней существует возможность православного просвещения, православного образования, но на деле всеми силами отторгают его, как нечто чужеродное.

Также, осмысляя в православном аспекте проблемы семьи, мы должны говорить о тех основных целях, ради которых создается семья, воспитываются дети, живут люди в этом мире. Все, в конечном счете, определяется тем, какова цель, смысл человеческой жизни. А смысл и цель человеческой жизни осмысляются в категориях мировоззрения. Можно называть много видов мировоззренческих оснований, но думаю, что все они разделятся на две категории: это мировоззрение глобалистическое и мировоззрение вселенское.

Если вдумываться в этимологию слов, то понятие «глобалистическое» идет от латинского слова «глобус» – шар, Земля. То есть глобализм – это власть над земным шаром, над земным бытием.

На первый взгляд, это мировоззрение возникло в XX веке как экспансия новых сил – западных, зарубежных, американских. Но на самом деле, думается, что это мировоззрение возникло гораздо раньше и укрепилось как вырождение некой религиозной идеи. Оно возникло, когда Господь пришел на землю и сказал: *Не мир пришел Я принести, но меч* (Мф. 10, 34). И Крест Христов разделил всех людей на глобалистов и христиан. Первые глобалисты – это иудеи, не принявшие Мессию. Когда пришел Смиренный и Кроткий, говоривший: *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18, 36), им это пришлось не по нраву, потому что они ожидали мирового господства. Ждали, что придет царь и положит к их ногам все царства, все народы земные, сделает их властелинами мира. Так они понимали свое богоизбранничество. Когда иудеи между Небесным Царством и царством земным, между Царем Небесным и царем земным выбрали земное, тогда и было положено начало глобализму. То есть у тех, кто выбирает идею глобализма, обязательно есть некоторое религиозное оправдание. Это религиозное оправдание существует в иудаизме: иудеи до сих пор считают себя способными управлять всем миром и полагают это целью своей жизни и Богом данным заданием. Эта идея распространяется и в национальных взглядах

и представлениях, и в неких экономических, финансовых чаяниях, которые, таким образом, тоже становятся религиозными.

Глобализм проявляется там, где отдельные люди считают себя Богом избранными по какому-то принципу. Если евреи считают себя таковыми по крови, по вере, то американцы – по богатству: таков протестантский дух, протестантское мировоззрение. Идея американского протестантизма такова: если Бог тебя любит, значит ты должен быть богатым и процветающим. Потому на Западе так важно количество этажей в твоём доме, наличие бассейнов, дорогих машин, долларов на счете: богатство – это признак любви Бога к тебе, признак некой твоей святости, богоугодности. Американцы уверены, что «Бог любит Америку», потому-то она и процветающая. А кто не живет, как в Америке, – это, скорее всего, люди грешные, маргинальные, которых надо или спасать и поддерживать, или направлять и учить жизни. И американцы искренне полагают, что хорошо бы весь мир признал их идеал. То есть это опять же проявление некой религиозной идеи, пусть и извращенной, упрощенной, приземленной. И эта религиозная идея дает им основание для того, чтобы нести, как они говорят, «свет демократии» другим народам. Идея глобализма появляется тогда, когда у народа возникает некое сектантское представление об особой своей избранности.

Не будем углубляться в тему глобализма: кто хочет подробнее изучить процессы глобализма, читайте труды известного философа, политолога, публициста Александра Сергеевича Панарина. У него есть прекрасные работы по этой теме: «Искушение глобализмом» и «Агенты глобализма», в которых он исследует проявление и развитие глобалистического мировоззрения как в историческом контексте, так и в наше время. Но надо заметить, что философы и большинство ученых боятся выходить за рамки «глобуса», за рамки жизни земной, и поэтому ищут противодействие глобализму именно в перспективе земной жизни. Они считают, и в трудах Панарина мы это отмечаем,

Архимандрит Георгий (Шестун)

что на пути глобализма стоят сейчас традиционные национальные государства. Но на деле мы видим, что такие объединения достаточно легко разрушаются. Разрушаются государственные союзы, национальные государства, разрушаются даже цивилизационные основы жизни. И цивилизации тоже разрушаются. Получается, что, казалось бы, в этом мире нет ничего, что могло бы противостоять глобализму, который несет в себе разрушительный, «просвещенческий» момент пацифизма и толерантности: все люди – братья, все равны, врагов не должно быть, границы и любые разделения нужно разрушить, запреты – отменить. И этот некий «романтизм» придает глобализму особую энергетику. Но мы видим, к чему приводит вся эта борьба за права человека и пропаганда всеобщего равенства – к тому, что «равнее» всех уже становятся всякого рода меньшинства, диктующие и навязывающие большинству свой, подчас прямо патологический, образ жизни.

Но у глобализма есть и другие составляющие. Мировоззрение глобализма давно уже охарактеризовал преподобный авва Дорофей, говоривший, что есть три «с», присущих земной жизни – славолубие, сребролюбие и сластолюбие. Глобалисты рвутся к власти, но это сокрытый уровень их деятельности. Они противопоставляют себя всему миру и считают себя выше того «туземного» сообщества, в котором они живут. Коренные сообщества могут быть по численности больше сообществ с глобалистическим мировоззрением, но глобалисты все равно рвутся к власти над ними. Так проявляется славолубие – одна из греховных особенностей, которая переходит и на личностный уровень в виде эгоцентризма, эгоизма. Следующий греховный корень – сребролюбие, которое приводит к устремлению занять какое-то особое место и положение, позволяющее свободно пользоваться комфортом этого мира. Ну а сластолюбие – это забота о внешней, плотской, земной жизни больше, чем о внутренней, духовной, вечной. Поэтому и характеризуется современное западное общество, как общество потребления. При этом все потребляют по-разному: кто-то власть «потребляет», кто-то «потребляет» экономику, капиталы, – все, что принадлежит миру, а кто-то потребляет лично для себя удобства и комфорт.

Мы все, в принципе, воспитаны в этой атмосфере, потому что большевики по духу – типичные глобалисты, и Советский Союз был опорой глобализма. Ведь идея мировой революции – это же глобализм в чистом виде. Все традиционное, национальное бросается в этот огонь. Любое государство, каждый народ большевиками расценивается только как ресурс для разжигания «пожара мировой революции».

Некоторые говорят, что христиане – тоже глобалисты: вы, мол, хотите, чтобы весь мир стал христианским. Но в этом утверждении кроется большая ошибка, потому что Церкви свойственно понятие «Вселенская». Православная Церковь – Вселенская, католическая. Но если мы заглянем в словари... Правда, сейчас можно найти и такое определение современных «богословов»: «Вселенская церковь состоит из ряда поместных церквей». Такое вот упрощенное определение вселенскости, Вселенской Церкви. Что же тогда значит «Вселенское»? Вселенское – синоним Всемирного, то есть опять глобус, опять земной шар, опять глобализм? Но дальше – славянский вариант: «Вселенная» от слова «вселение» – то, что заселено. То есть «вселенское», как и греческое понятие «ойкумена», – это заселенная часть мира, обитаемая часть мира. Но это опять материальный подход.

Попробуем осмыслить с церковной точки зрения. Полагаю, что понятие «обитаемая часть мира» и является сутью вселенского мировоззрения. Но, говоря о части мира, какой мир мы имеем ввиду? Православие знает, что смерти нет, есть лишь переход в иной мир, иное бытие. Существует Церковь земная и Церковь Небесная. И поэтому понятие «вселенское» в Православии обозначает не глобальное, не всемирное, а то, что выводит наше бытие – и социальное, и национальное, и личное, и духовное – за пределы земной жизни. То есть мы являемся уже представителями не только мира земного, но и мира святых, мира ангелов, мира Божественного, Небесного Царствия, поскольку это тоже заселенная людьми часть мира.

Русский человек, православный человек, следуя Божией воле, жил на том пространстве, которое Господь ему даровал. И заселил одну шестую часть земной суши. Некоторые области даже отдал на освоение американцам: Аляску, Калифорнию. Но жизнь человеческая коротка. Святые отцы говорят, что жизнь, как пар: не успел родиться, как уже и уходить пора. И русский человек, как он привык идти по этой жизни, идет и там осваивать, заселять новые пространства, которые Господь ему благословил, те, что уже за границей земного бытия – Царство Небесное. Сколько же чудных русских святых в этом Царстве! И поэтому Церковь нашу называют Вселенской – заселенной людьми православными. То есть «Вселенная» – это понятие не географическое. Господь сказал: *Царство Мое не от мира сего*. И мы уже *не от мира сего*: мы пришли в этот мир, но он нами не владеет. Мы живем здесь, но не мир хозяин нам, потому что мы – Христовы, мы – Божии. Мы, как странники, пройдем по этой жизни, сделаем то,

что Господь нам повелел, и пойдем дальше – заселять те пространства и трудиться там, где Господь опять нас призывает.

Когда Господь сотворил человека, чтобы он пребывал вместе с Ним, то даровал ему Вселенную и вечность. Когда же человек совершил грехопадение, то есть решил жить по своей воле, он лишился Вселенной, ограничившись землей, и вечности, попав в плен времени, став смертным.

Воскресение Христово разорвало путы пространства и времени, открыв эту клетку, пленившую душу человека. Но многие сейчас не желают выйти из этой «золотой клетки». Ведь выйти из такого плена можно только со Христом и во Христе. Глобалисты – люди, которые или не приняли Христа, или отказались от Него.

Наша православная ойкумена не глобалистическая, она вселенская. Это мир, в котором пересеклись время и вечность. Это мир, в котором соединились люди, живущие на этой земле и уже ушедшие с нее. Это мир, в котором присутствуют и человек, и Небесные Силы. Таково вселенское мировоззрение – православное, христианское представление о мире. И все, что лежит за рамками Церкви, несет в себе дух глобализма.

Глобализм не может противостоять вселенскому миробытию. Почему не может? Потому что «система координат» у него не та. У глобализма есть некая тоска по исполнению Божественного замысла. Захватили, допустим, Землю, а что дальше-то? Смысл всего этого каков?

К тому же, захватить земное пространство – это еще не значит обладать Вселенной. Каждому известно, что на земле все временное. За обладание природными ресурсами воюют народы и государства, чтобы свободно их потреблять, чтобы электричество было, самолеты летали, машины ездили. В плане материальном никаких энергетических ресурсов навсегда всем не хватит. Но даже на эту проблему у вселенского мировоззрения взгляд иной. Потому что энергетический потенциал вселенского бытия – это благодать Духа Святого. Это возобновляемый потенциал, он восполняется через стяжание благодати Духа Святого. По словам преподобного Серафима Саровского, стяжание благодати – главная цель христианской жизни. Таким образом, в отличие от глобалистического общества потребления, общество вселенского мировосприятия – это общество служения, общество аскетического духа. В основе его – любовь, жертвенность, воздержанность.

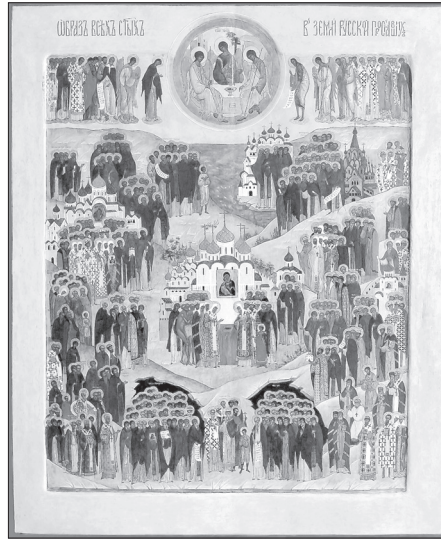
Поэтому, когда мы говорим о семье, вообще о России, о нашем народе, о нашем будущем, то должны понимать, какое же мировоззрение нам необходимо иметь, нести в себе, передавать и воспитывать в наших детях.

Думаю, в нашем воспитании и в нашем образовании не хватает самого главного момента – аскетического. Речь здесь не только о внешней аскетике, но и образе жизни – аскетике мысли, аскетике духа, аскетике воздержания плоти. Совершенно очевидно, что светское культурологическое направление образования эту задачу не выполняет. Ну знают дети что-то о Православии, слышали про Церковь... Разные баптисты, евангелисты вообще Священное Писание наизусть помнят, а польза-то им от этого какая?

В своих планах по духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи мы надеялись на школу, чаяли, что войдем туда со своими программами, мечтали, что дух церковности, дух молитвы, дух аскетизма приживется в рамках системы образования. Не очень получилось, не представилось возможности... И сейчас стало совершенно очевидно – этого и не будет. Что же в данный момент нам остается, исходя из тенденции развития современного образования? Остается нам только самим воспитывать в детях вселенское мировоззрение. И не только мировоззрение, а просто воспитывать их во вселенском духе вне системы образования.

Думаю, что особенность вселенского мировоззрения заключается и в следующем: мы полагаем, что люди не рождаются духовными, вечными, святыми, но они рождаются с потенциальной возможностью такими стать.

Русским мало родиться – надо еще русским стать. И программу воспитания, которую сейчас нам следовало бы разработать, можно кратко назвать «Как стать русским». Как стать русским – значит, как воспитать русских детей, как думать по-русски, жить по-русски, строить социум, хотя бы маленький, вокруг себя, по-русски. Как относиться друг к другу, помогать ближним, как спасти свою душу, исполнять волю Божью. Вот чему надо учить детей и учиться самим. Самим знать и уметь, потому что дух передается духом, здесь одними

*Собор Всех святых, в земле Русской просиявших. Икона, 1934 г.
Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры.
Иконописец монахиня Иулиания (Соколова)*

словами детей не научишь. Некоторые наметки, какие-то необходимые направления стали прорабатываться. Одним из таких подарков в нашей работе стала книга «Несвятые святые» митрополита Тихона (Шевкунова). Прочитав ее, можно хорошо представить, что такое русский тип, русская душа, русское монашество, что такое церковный дух и преданность воле Божией.

Есть и фильмы хорошие, например, о жизни старца Паисия Афонского, снятые игуменом Киприаном (Ященко). Отец Киприан рассказывал, что когда студенты Свято-Тихоновского университета подошли к могиле отца Паисия и поцеловали крест, то вдруг начали плакать и каяться ему. И все, кто там был, – все плакали и каялись. В эти минуты открывается такая связь времен – связь вечности и настоящего! А глобализм разрушает эту связь. Для него история, время и традиции вообще непринципиальны. Он, наоборот, все модернизирует. А что такое модернизация? Это разрушение традиционных связей: мы все разрушим и какой-то новый мир построим.

В этом отношении очень хорошо, вроде бы, выглядят национальные государства. Но обратимся к исследователям в этой области, например, к Алексею Михайловичу Величко, автору многих работ по истории Византии и выдающегося труда в пяти томах «История Византийских императоров». Величко юрист по образованию, но Византия – его увлечение, и он давно исследует церковно-государственные отношения. Он поставил перед собой вопрос: почему в средние века народы Европы, имея достаточно сформированное государственное сознание, политическое сознание, не смогли создать полноценные национальные государства? В XVIII веке в Европе большинства государств, которые сейчас мы воспринимаем как древние, и в помине не было. Это интересный феномен. А в то же самое время империя – это была Византия – обладала прекрасным политическим, психологическим, духовным уровнем бытия. И ученый отвечает на этот вопрос так: предкам современных европейцев в начале эпохи средневековья создание национального государства просто в голову не приходило. Они были воспитаны в духе империи, государственного вселенского мира, на просторе Вселенской Церкви. Они просто не могли, не умели мыслить националистически. Они не представляли национализм в рамках какого-то государства. Считали это оккупацией, кощунством: как бы отнять у Бога часть земной территории, где Господь несет Свой свет, и присвоить ее себе. Вся Европа вышла из Первого и Второго Рима. Европа – это наследие великой Римской империи. Когда Первый Рим пал, то на осколках этой империи была снова со-

здана империя. Имперское государственное устройство европейцы старались сохранить.

Но как империя относилась к иным народам? Народы, готовые жить в империи, способные к культурному преобразению и религиозному преобразению, без затруднений входили в ее состав. А другие? Были, конечно, некоторые народы, сложившиеся в собственную социальную структуру с боевым национальным духом. Чтобы с такими не воевать, старались с ними дружить. При этом император легитимно их вождю давал звание короля. Этот король становился другом, союзником империи, но никогда не был выше императора. Королевская власть оставалась вассальной по отношению к императорской. Поэтому европейские короли никогда не чувствовали себя руководителями неких отдельных государств, они всегда осознавали принадлежность к великой империи. То есть имперский дух был присущ и правителям этих образований, и народу. Поэтому, когда народы возрастали во Вселенской Церкви, во Вселенской империи (империя – это был весь цивилизованный мир в то время), то для них создание национальных государств было непонятно и чуждо. Национальное государство представлялось им оккупацией вселенской части мира какой-то отдельной группой людей. Они представить такого не могли, у них даже не было сформировано государственное национальное сознание.

Национальные государства складывались постепенно, путем не только отрыва от имперской власти, но и отрыва от Вселенской Церкви. Они были, в основном, порождены революциями, когда разрубалась последняя ниточка, связывавшая национальные государства со вселенскими империями и Вселенским Православием. Эта ниточка – уничтоженные европейские монархии. То есть чтобы создать национальное государство, нужно было уничтожить монархию. Та Европа, которую мы сейчас наблюдаем, это есть Европа национальная, практически лишенная связей со вселенским сознанием, преданием, мировоззрением. Национальное государство порождается противодействием другим народам: приходится защищать свою среду обитания от мигрантов, ограждать свои территории от притязаний. Все это – порождение военно-агрессивного мышления, истоки которого – в революционном духе.

То же самое произошло и с Россией. Но поскольку империя наша была очень велика и мощна, хоть и разрубили ниточку связи, а вот изменить мировоззрение разом оказалось не под силу. И по сей день к этому прикладываются все старания.

Как возникла христианская цивилизация? Как произошло преобразование Римской империи в православную империю, а затем в Византийскую империю? Христиане во все времена и во всем мире жили между двумя полюсами: первый полюс – это мученичество, второй – это отпадение от Христа. Это две крайности нашей жизни: стать мучеником или стать христородавцем. Каждый христианин живет между мученичеством и апостасией. Но существует средний – «царский» – путь, который все же позволяет людям жить в этом мире: это и есть христианская цивилизация. Все, что мы в этом мире пытаемся освятить и сделать христианским, – это есть попытка идти «царским» путем, уйти от тех двух крайностей. То есть, если не будет православной христианской цивилизации, – мы обязательно станем мучениками. Кто не выдержит – встанет на путь апостасии, вероотступничества.

И борьба сейчас идет за православную христианскую цивилизацию. Ведутся попытки отбить ту часть мира, в котором мы могли бы жить нормально. Эта часть мира все сужается и сужается. Одно из направлений нападения – семейная жизнь. Ювенальная юстиция, планирование семьи, разращение детей – все новые и новые удары наносятся по семье. Даже мир сакральный, личностный – и тот начинает разрушаться. На наше сознание оказывается колоссальное давление.

А уж что говорить про систему образования! Это область, из которой христианство просто изгоняется, а если и дают нам какую-то возможность, то эта возможность больше мифическая, поскольку затем используется весь административный ресурс, чтобы результат свести к минимуму.

И мы сейчас с вами находимся в особом положении, потому что стоит вопрос уже о выживании, просто о выживании христианства, а значит, и вообще мира.

В наше время даже национальное государство можно считать неким прорывом. Почему? Потому что глобалисты абсолютно не чтят историю, намеренно разрывают связь времен. А национализм «приватизирует» некоторую часть истории, присваивая ее себе. Как, например, сейчас Украина присваивает себе часть истории нашей – Святой Руси. Странно звучит «украинский святой», «украинский писатель» – ведь все они русские. Таким образом, это присвоение – на первый взгляд дело неплохое, потому что хоть что-то в истории останется, хоть какая-то традиция будет храниться. Но если идет погружение в национальную часть традиции все дальше и дальше, то это, во-первых, уже есть попытка отгородиться от всего остального мира, сохранить только что-то «свое» (т.е. как у глобалистов: мол, все вокруг

не наши, все хотят нашу жизнь разрушить), а во-вторых, это попытка освободиться и от общей духовной истории.

Что, например, произошло в конце концов с Византией? Когда римляне – державный имперский народ – стали ощущать себя только эллинами (а «эллин» – это было ругательное слово, означавшее язычника, а не христианина), то они и дух имперский потеряли, а затем и Византию. Во главе национального преобразования Византийской империи были греки, и возглавлял их патриарх, который хоть и назывался Вселенским, но уже стал, по сути, греческим. А имперскую, вселенскую идею нес император.

Думаю, что создание национальных Церквей есть одно из орудий глобализма по разрушению вселенского мира. В связи с этим, та реформа, которая происходит сейчас в нашей Русской Православной Церкви, – это обратный процесс. Очень важно, что поддерживается некая дистанция от государства; создаются новые епархии, которые не совпадают с границами губерний; то, что Украина отстаивает пребывание в рамках общего пространства Вселенской Церкви; то, что в Средней Азии сейчас создаются митрополии; то, что произошло воссоединение с Зарубежной нашей Церковью, – все свидетельствует о том, что вселенский характер Русской Церкви сохраняется, то есть это далеко не национальная Церковь.

Попытка разрушения вселенского характера Церкви идет на уровне попыток разрушения иерархии. Но дух всей Церкви разрушить невозможно, потому что кроме иерархов есть еще кельи, пещеры, горы, пустыни, где идет молитва. Есть семьи, в которых воспитываются дети в православном духе.

Вселенское – это связь вечности и времени. Христос есть вечность, с Ним вечность вошла в этот мир. Поэтому на богослужении мы не говорим о Нем в прошедшем времени, например, что Он «родился», но говорим, что Он «рождается». Он рождается всегда, снова для каждого человека. Это соединение вечности и времени всегда существует в Православии. Глобализм тоже пытается выйти из потока времени, стать вне времени. Но вечности он не знает и найти не может, поэтому свойственное ему несчастное мировоззрение приводит людей к унынию: добился какой-то своей цели, а дальше что? Как часто бывает в западном обществе: дошел до цели, а дальше подумал-подумал – все, нет в жизни смысла и жить не стоит. И часто очень успешные люди на Западе кончают жизнь самоубийством, потому что успеха достигли, а для чего все это, непонятно: вечности нет, иного бытия нет, смысла нет.

Сейчас одна из самых принципиальных задач нашего семейного воспитания, системы образования – это воспитание вселенского духа, вселенского мировоззрения, отличного от того, в котором мы воспитывались и жили, и сейчас еще живем. Исключительно светское образование, как и воспитание, с этой задачей не справятся. Светское – это все равно глобалистическое. Понятие «светский» отражает всего лишь некий элемент просвещения, получение информации, того самого знания, умножающего печаль. То есть для нормальной жизни человеку одного знания недостаточно. Нам нужно вернуться от информации к знаниям, от знаний – к истине, а истина есть Христос.

Поэтому когда Святейший Патриарх Кирилл говорит, что надо воцерковлять всех, это означает, что надо у всех пробудить вселенское мировоззрение. Пробудить связь вечности и времени, связь истории и традиции. Традиция, о которой мы все время твердим, – это и есть как раз часть основания вселенского мировоззрения. И традиция непоколебима. Нужно понимать, что не традиция меняется, когда меняются времена и нравы, а меняется форма передачи этой традиции. Поэтому, когда мы говорим об особенностях нашего времени, то подразумеваем вопрос: как остаться православным в наше время? Вот это и есть самое главное. Как остаться православным, – этот вопрос стоял и в XV веке, и в первые века христианства.

Как остаться православным, – вот о чем мы должны думать. Не стоит вопрос о том, что нам сегодня не обязательно быть православными. А ведь многие в мире так сейчас и считают, что времена сменились, и теперь можно вот так по-протестантски пожить, по-католически пожить немножко, можно по-иудейски, хоть йогой занимайся, хоть каббалой, а можно вообще ничем – как хочешь, так и живи. То есть многие потеряли основу нашего бытия, в отличие от наших предков, которые мыслили имперски, мыслили вселенски, не опускались до уровня какого-то личного присутствия в этом мире, а возвышались до жертвенного подвига. Для православного человека по-прежнему идеалы в жизни – сохранение империи, которая существует, имперского духа.

Следует рассмотреть и такое понятие, как титульная нация. Мы сейчас часто слышим, русский народ – это титульная нация. Это неверно: титульная нация бывает только в национальных государствах. При создании Российского государства титульной нацией были славяне. И когда все виды славян погрузились в Крещальную купель, получился русский народ. Крещеный, русский. То есть

русский – это не этническое понятие. Когда наши политики говорят, что русские – самый большой этнос, это неправда. Русские не этнос, русские – это державный народ.

И поэтому к той программе, о которой мы уже говорили, нужно добавить еще одно понятие: «Как стать русским и как русскому народу стать державным народом». Вот такова наша программа воспитания и образования на ближайшее время.

Быть имперским народом – это особый образ жизни. Если глобализм – это жизнь для себя, то жизнь державного народа – это жизнь для других. В первую очередь – для Бога. Во вторую очередь – для всех остальных, живущих на этой земле. Это забота о других. Это не возможность дать равенство и власть любым меньшинствам, а настоящая забота об их благе в истинном, духовном понимании. Ведение их к просвещению, к культуре, введение их в цивилизацию, введение их в традицию.

В этом отношении державное мировоззрение и понятие «русский народ» являются понятиями вселенскими. Потому что в русский имперский народ можно войти, как входит в него множество народов: и мордва, и чуваша, и татары, и евреи. Есть русские татары – есть нерусские татары, есть русские славяне и нерусские славяне и т.д.

Вопросы вселенского и глобального – главные на сегодняшний день в образовании, воспитании, семье и педагогике. Как бы мы ни бились за просвещенческий светский момент в образовании, все же он не изменит ситуацию, потому что надо менять жизнь. А жизнь, как мы уже говорили, может быть построена на одной из двух мировоззренческих основ. Мир глобализма для неокрепших душ выглядит романтически-заманчивым: как идеал его – современные молодые люди, ухоженные, презентабельные, с гаджетами, со знанием языков, с опытом политической деятельности. Или мир вселенский, где смерти нет, где мы живем по Божией воле, исполняя свое высокое христианское предназначение.

Чтобы исполнить волю Божию, ее надо сначала понять, а понять ее можно опять же в церковном мире, в духовном мире, войдя во вселенское пространство. То есть как воцерковить наш народ? Как воцерковить себя? Как воцерковить наши семьи, наших детей? Это вопрос как раз вселенского масштаба. Иначе мы не выживем. В каком смысле – не выживем? В вечном. Так-то жить можно, но скучно... И я желаю вам исполнить эту данную вам Божию волю и стать святыми.

+ + +

История XX века, история большевизма – это часть нашей истории. Так же как периоды правления Муссолини в Италии или Гитлера в Германии. С экономической точки зрения нацистские лидеры преуспели даже больше, чем большевистские, и при их руководстве проблемы, например, медицины и образования народа решены были лучше, чем в Советском Союзе. Для Италии Муссолини сделал много хорошего: дороги, больницы, университеты и школы, снизил уровень безработицы и т.д. Он достиг в стране значительно роста экономики и вел весьма успешную социальную политику, однако итальянцы не ставят ему почему-то памятников. Да и время правления Гитлера в Германии – заметная часть немецкой истории. В экономическом плане Гитлер поднял страну на колоссальную высоту, но вы не увидите в Германии ни одного памятника фюреру или улицы, названной в честь Геринга, Гимmlера или Геббельса.

Не пора ли и нам понять, что царубийцам, террористам, людям, залившим кровью миллионов жертв родную землю, разрушавшим наши святыни, проводившим геноцид русского народа, отбросившим развитие нашей страны на сотни лет назад, тоже не стоит ставить памятники и называть их именами улицы и площади?

Экономика экономикой, но если государственный строй кровавый, то никакое бесплатное здравоохранение и доступное жилье в расчет не идет и не может ничего оправдать. Экономика развивалась, но что делали эти власти с людьми? Строй признавал только «нового человека», отвечающего определенным требованиям. В этих условиях каждый, выросший в исторических традициях и стремившийся сохранить веру, рассматривался как враг – его либо истребляли, либо жестоко третируют, делая изгоем.

Да и сейчас мы видим почти то же самое и на Западе, и в нашей стране. Экономически Церкви у нас сейчас живется легче, чем в советские времена: есть возможность строить новые храмы, восстанавливать древние. Но Православие пытаются представить лишь как некую этнографическую составляющую: золотые купола, иконы, красивое пение. На деле же, когда касается самого главного, по-прежнему верующие третируются, их мнение властями практически не учитывается, большинство запросов сразу вызывает неприятие на основании все тех же большевистских понятий об отделении Церкви от государства. Нас всячески ограничивают в возможностях возродить традиционный уклад жизни, воспитать

вать и учить детей и молодежь на христианских нравственных началах: хранить семейные ценности, служить своей Родине. Мир стремится купить наше духовное первородство за чечевичную похлебку материальных благ.

Конечно, многие, живущие сегодня, помнят только большевизм хрущевско-брежневского периода, который не менее жестоко относился к православным людям. И в те, уже мирные, годы наш народ по-прежнему жил скудно по одной простой причине, что огромные государственные средства и ресурсы как и прежде шли на поддержку революционных режимов по всему миру, на раздувание «пожара революции» в разных концах планеты. Были социальные гарантии, были бесплатные образование и здравоохранение, но по-прежнему всё в стране направлялось на формирование «нового человека», который бы люто ненавидел и презирал родную великую православную культуру и историю – наследие Святой Руси. Такие люди и сейчас не могут поступиться своими принципами.

И сейчас у власти во множестве стоят не некие новые для страны демократы, а эти же люди, которые продолжают разваливать страну, выращивать по своим параметрам «нового человека», все государственные ресурсы, материальные и человеческие, пуская на свои цели.

Сегодня жизненно необходимо для нас научиться называть исторические личности настоящими именами: предателя – предателем, террориста – террористом, кровавого тирана – кровавым тираном.

Моисей водил свой народ по пустыне сорок лет. Может быть и нам подождать еще лет двадцать, пока не уйдут те, кто по-прежнему верит в «большевизм с человеческим лицом», и вырастет поколение, которое примет Христа и тем самым вырвется из пут земного пространства во Вселенную, освободившись от страха, быстротекущего к смерти времени, и обрета во Христе безсмертие и вечность.

МЫ – ПРАВОСЛАВНЫЕ. ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

Первым обращенным в Православие японцем стал Такума Савабе (1835 – 1913), бывший самурай клана Тоса, жрец старой синтоистской кумирни в Хакодате.

Э то было в позапрошлом веке, полтора столетия назад. В далекую-далекую страну, расположенную на самом краешке земли, приехал из России православный миссионер – так называется священник, который направляется в чужие страны, чтобы ознакомить тех из местных жителей, которые этого пожелают, с основами православной веры: а вдруг кто-то из них найдет в ней так нужную человеческой душе истину и сам станет православным верующим, приняв крещение. никоим образом такой миссионер не навязывает туземцам свои религиозные убеждения, он просто готов ими поделиться, если они будут востребованы.

Вот такой пункт круглосуточной духовной помощи для остро в ней нуждающихся и открыл в заморском государстве наш пастырь. И вскоре к нему пришел первый клиент – служитель своего, местного, культа, в котором на первом месте стоял патриотизм, соблюдение традиций, глубокое недоверие к иностранцам и высокие понятия о воинской доблести и чести. Будем называть его жрецом.

Наш миссионер радушно принял жреца, усадил его, приказал слуге подать им чаю. Но не дотронувшись до угощения, тот, прямо и сурово глядя в глаза хозяину дома, сказал ему:

– Ты знаешь, зачем я к тебе пришел?

– Пока ты не скажешь, – ответил миссионер, – для меня это останется неизвестным.

– Я пришел, чтобы тебя убить. Вы явились сюда, чтобы погубить нашу страну. Мы никому не разрешаем здесь насаждать чужую веру –

Тростников Виктор Николаевич (†29. 09. 2017) – философ, по образованию физик, математик; разрабатывал проблемы теоретической и прикладной философии, профессор богословия. Родился в 1928 году в Москве. Окончил физико-технологический факультет МГУ в 1953 году. Работал в Ленинграде, затем вел преподавательскую деятельность по высшей математике в различных вузах Москвы. Был доцентом кафедры высшей математики МИИТа. Имел ряд публикаций по вопросам физики и математики, в том числе монографии по математической логике. Труды Тростникова в 90-е годы, кроме лекционной деятельности, книг и статей по «научной апологетике», знаменуются постепенным переходом философа от апологетики к экзегетике и от космологии к сотериологии. Центральной темой в них становится тема спасения.

Статья предоставлена автором специально для журнала «Духовный Собеседник».

у нас есть своя, которой мы держимся испокон веков, и она нас вполне устраивает.

– Что ж, – не проявив малейшего испуга, сказал миссионер, – коль мне суждено умереть, я умру. Но справедливо ли отвергать то, чего ты не знаешь? Может быть, ты сначала выслушаешь, в чем состоит та вера, за которую ты собираешься меня убить?

Жрец помолчал с минуту и задумчиво произнес:

– Пожалуй, ты прав. Убить тебя я всегда успею, меч мой, как ты видишь, со мной. А послушать тебя из любопытства я готов.

– Ну тогда отведай моего чайку, который я завариваю по здешним замечательным рецептам, а я начну рассказывать о нашей вере.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

– Для того, чтобы усвоить всю глубину содержащейся в нашей вере истины, нужны многие годы. Но самое главное, что обязан знать каждый православный человек, умещается в ста пятидесяти словах, составляющих так называемый Символ веры. Я бы мог воспроизвести тебе сразу весь его текст, но от этого не будет толку, так как за каждой фразой в нем таится глубокий смысл, нуждающийся в разъяснении. Так что, если ты согласен, я буду не просто цитировать Символ нашей Веры, но и сопровождать цитирование комментариями. Согласен? – Ну что ж, начнем.

Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым.

В этих словах – начало нашей веры: догмат единобожия. В отличие от языческих религий, в частности вашей, где богов много, у нас Бог один. «Во единого» на языке Церкви означает «в одного». И вот этот единственный Бог является Творцом и Вседержителем – Он не только сотворил все, что есть в этом мире, но и держит все это Собой, то есть Своим постоянным присутствием и наблюдением поддерживает в нем порядок, обеспечивает нужный ход событий. Творящие боги есть и в других религиях, но во всех, кроме нашей, эти боги создают мир из некоего неорганизованного сырого материала, существовавшего изначально. У греков этот сырой материал назывался хаосом, а после того, как боги привели его в состояние гармонии и красоты, он стал космосом. Это примерно то же, что делает женщина, накладывающая на себя косметику, – лицо ее становится от этого более красивым. Но лицо, пусть не столь благообразное, у нее было и до этого, так что ее косметическая деятельность, аналогией которой является космическая деятельность ваших божеств, ничего нового не создает, а только преображает то, что было. А наш единый Бог сотворил мир из ничего. Вдумайся в это

Архиепископ Николай Японский и Павел Савабе

и скажи: можно ли сравнить его по могуществу с языческими богами-преобразователями?

Давай мысленно пригласим за этот стол представителей разных верований и начнем диспут на тему «Чей Бог самый великий». Первый выступающий говорит: наш бог создал весь огромный мир, который мы видим, из утино яйца – представляете, как он могуч! Другой встает и усмехается: подумаешь, из утино яйца – оно вон какое большое! А наш бог создал мир из макового зернышка, не ясно ли, что он более велик? И тут пора взять слово и мне, грешному, и сказать: а наш Бог сотворил мир вообще из ничего! Кто же сильнее?

А теперь я расскажу тебе, как наш Господь творил мир. Об этом поведано нам в Ветхом Завете, данном Господом пророку Моисею и запечатленном в нашем Священном Писании в Книге Бытия. Она открывается словами: «В начале сотворил Бог небо и землю». Это было не то астрономическое небо, которое было создано лишь во второй день и названо «твердью», и не та геологическая земля, которую Бог создал только в третий день и назвал «сушей». Это было «ангельское небо» – мир безплотных разумных существ, призванных быть помощниками Бога, и тот самый хаос, который в других религиях существовал изначально. В Книге Бытия он назван «землей», но дальше добавлено: «земля была безвидна и пуста», то есть «божеский вид» ей нужно было еще придать, к чему Бог вскоре и приступил. Как видишь, творчество нашего Бога начинается с более ранней фазы, чем творчество других богов: те приступили к работе, уже имея в своем распоряжении хаос, а Он и этот хаос создал Сам. А после этого... Впрочем, гость мой, ты, наверное, утомился, уже ночь на дворе. Вынимай свой меч и делай, что задумал, я готов.

– С этим я еще успею, – повторил свою прежнюю фразу жрец. – Ты меня заинтересовал, и я должен дослушать тебя до конца. Завтра приду в то же время.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

На другой день жрец пришел даже раньше, чем накануне, – видно не терпелось дослушать миссионера. И очень кстати – на этот раз разговор получился особенно долгим. Священник начал его с продолжения чтения Символа веры.

– И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша.

Пока это говорилось, жрец аккуратно все записывал замысловатыми иероглифами. Получилось очень красиво.

– Я думаю, – продолжил миссионер, – ты пока мало что понял. Давай осмысливать все по порядку.

– Нет, кое-что я уже понял, – сказал гость, – а именно то, что понять этого нельзя. Ты же мне вчера сказал, что у вас один Бог, и не прошло суток, как возникает другой. Может завтра и третий появится?

– Ты как в воду глядишь, досточтимый гость. Появится и третий, правда, может быть не завтра. Только Бог-то у нас все равно один.

– Как же это так, разъясни мне хорошенько.

– Попробую. Давай начнем с примера. Возьмем какого-нибудь человека, скажем, тебя. Как тебя зовут?

– Савабе мое имя.

– Так вот. Ты ведь один человек, не правда ли? Никто не говорит, что Савабе – это три человека, верно?

– Никто не говорит. Разве пьяному это померещится.

– Правильно. А ведь в самом себе, внутри себя ты не одинок.

– Как это?

– Посуди сам. Есть в тебе воля, которая выражает себя в принятии решений?

– Есть, конечно, все мои поступки диктуются моей волей.

– А есть в тебе разум, который выражается во владении речью, в умении произносить и понимать слова и логично рассуждать?

– Есть, конечно. Вот мы же беседуем с тобой, и в этой беседе придерживаемся логики.

– И последний вопрос: есть в тебе способность схватывать что-то без слов, называемая интуицией?

– Еще бы, без нее я не прожил бы и дня.

– И не справедливо ли будет назвать эту интуицию вдохновением, поскольку тут происходит будто какая-то подсказка свыше?

– Мы так ее иногда и называем.

– Прекрасно. А теперь ответь: правильно ли будет сказать, что Савабе – это не один человек, а три: человек волевой, человек разумный, или словесный, и человек вдохновенный?

– Нет, неправильно. На свете существует только один Савабе, и он перед тобой.

– Вот от этого и будем отталкиваться. Как существо, именуемое человеком, Савабе один. Иначе можно сказать так: по своей сущности это единица, а не тройка. Вот так же обстоит дело с нашим Богом: по Своей сущности Он один, поэтому наша религия есть единобожие. Но как Он сам сообщил нам это¹, внутри Него, внутри этой Единицы имеются три Ипостаси, или три Лица, у которых одна и та же сущность (существование), но разные по своему характеру проявления: одна Ипостась олицетворяет волю, другая – разумное Слово, третья – общий для обеих этих Ипостасей Дух, благодаря которому они понимают друг друга безо всяких слов. Все эти Ипостаси единосущны и поэтому образуют единое существо. О единосущии двух первых Ипостасей сказано в том отрывке Символа, который ты сейчас записал, но то же относится к третьей Ипостаси, о которой будет сказано дальше. Тут нам пришлось забежать вперед. Но раз начали, надо и закончить. Вот точная формулировка предмета нашей веры: это Единый Бог, реализующий себя в трех единосущных Лицах. А поскольку общая сущность этих трех лиц божественна, то каждое из Лиц обладает статусом истинного Бога, хотя в самом объемлющем смысле Богом следует называть только всю Троицу в целом.

Опять вернемся к аналогии. Ведь я могу сказать, что в тебе живет волевой человек, разумный человек и догадливый человек, действующий по вдохновению. Почему я к каждому из них могу применить название «человек», хотя отдельно он не существует? Потому, конечно, что все они коренятся в одном человеческом существе по имени Савабе и от него получают человеческий статус. Тем не менее, ты только один на земле, это ты верно заметил.

После некоторого раздумья жрец сказал:

– Так. Здесь, кажется, дело прояснилось. Но почему «Отец» и почему «Сын»?

– Тут еще одна тонкость, которую ты, я думаю, без труда поймешь, ибо твоя сообразительность и желание познать истину для меня очевидны.

¹ См. Мф. 28, 19.

Первая Ипостась нашего единого Бога – воля. Все движение, всякая деятельность начинается с акта воли, с волеизъявления. Начало всякой жизни – «Я хочу!» И заметь по себе: хотение возникает не в словесной форме, оно целостно и не имеет частей, не структурировано. Когда ты узнал, что к вам приехал православный священник и захотел его убить, это желание вспыхнуло в тебе не в словесном виде. Но чтобы осуществить это неделимое приказание воли, ты должен был перевести его в развернутую словесную форму и сказать себе: «Мне нужно взять свой меч и пойти к нему, чтобы заколоть его, поскольку он нарушает наш запрет на иноверную проповедь». План действий должен быть выражен структурно, ибо сами действия, в силу протекания во времени, образуют структуру. Что же внутри тебя произошло? Целостный волевой импульс развернулся во фразу, состоящую из частей, заставил прозвучать ряд последовательно произнесенных слов. Твой «волевой человек» активизировал твоего «словесного человека», иначе, родил его себе в помощь. Примерно так же происходит и на уровне Бога: человек ведь создан по Его образу и подобию, то есть представляет собой Его уменьшенную модель. Возьмем, например, сотворение мира. Оно началось с того, что волевая Ипостась захотела сотворить мир. Но для исполнения этого желания его необходимо было облечь в последовательность слов, описывающих этапы творения и составляющих в совокупности программу творения мира. И что же делает волевая Ипостась? Развертывается в словесную Ипостась, которая сохраняет в себе весь объем желаемого, но выражает его в удобоисполнимом виде текста. Можно ли сказать, что Воля родила Слово?

– В общем, думаю, можно.

– Да, ты прав, именно «в общем». И с долей условности. Все-таки то, что происходит на уровне Бога, отличается от происходящего на Земле. Но других терминов у нас нет и приходится использовать те, которыми мы располагаем. С этой оговоркой можно выразиться о сотворении мира так: «волевой Бог» родил «словесного Бога» и тот осуществил Его желание. Поэтому в нашем богословии мы именуем первого «Отцом», а второго – «Сыном». При этом обязательно надо помнить, что это не отдельные боги, а Ипостаси Единого Бога, а именно – нераздельной Троицы. В то же время, поскольку сущность каждой Ипостаси, или каждого Лица Троицы, божественна, то и Отца, и Сына мы вправе назвать «Богом истинным». А поскольку в божественном бытии нет времени – оно создано Творцом только для мира, – то можно говорить, что Бог Отец рождает Бога Сына вечно.

– Это до меня, вроде бы, доходит. Но я не понимаю вот чего: вчера ты мне сказал, что творец мира – Отец, а сегодня я слышу о Сыне, что «Имже вся быша», то есть им все создано. Так как же – Отцом или Сыном?

– Этот твой вопрос показывает, что ты любишь ясность. Мы, православные, тоже всегда стараемся ее достигнуть. Отвечаю. В вашей столице возведен много лет назад прекрасный императорский дворец, я его видел. Кто его создал – архитектор или производитель работ?

– Оба. Архитектор придумал, а прораб осуществил его замысел.

– Вот ты сам и рассеял свое недоумение. Отец замыслил мир, а рожденный Им Сын воплотил Его замысел «в материал». Отец – зодчий, Сын – инженер-строитель. И слова Символа Веры о Сыне «Имже вся быша» означают не что иное, как «через Него все, замысленное Отцом, осуществилось». Об этом еще конкретнее сказано в другой нашей священной книге – в Евангелии: Без Него [без Сына] ничто не начало быть, что начало быть (Ин.1, 3). Точнее было бы это место Символа перевести с греческого не «Имже вся быша», а «через Него вся быша». Но переписывать такой текст уже нельзя, так что нужно просто правильно его понимать.

Надо добавить, что Бога Сына мы именуем еще Богом Словом, и теперь ты, наверное, понимаешь, почему. Ну что ж, самое трудное я тебе объяснил, может теперь и убьешь меня?

– Нет, мне любопытно, что ты расскажешь дальше.

– Тогда приходи завтра, и мы продолжим.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

Савабе уселся и устремил на священника внимательный взор.

– Читаю дальше. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И восшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца.

Записал? Видишь, какой большой текст нам предстоит сегодня освоить. Но это все на одну тему, так что, думаю, мы справимся. До сих пор мы говорили с тобой о нашем Боге, о том, что Он собой представляет. Теперь пора перейти к другой теме: к взаимоотношениям Бога и человека. Готов ты к этому?

– Это очень интересная тема.

– Но скажи сначала, было ли для тебя в моем рассказе о собственно Боге, как его понимают христиане, что-то новое, неслыханное, такое, чего нет в других религиях и что тебя поразило?

– Да, новых для меня вещей тут было две: во-первых, что Бог создал мир из ничего, а во-вторых, что Он один в трех лицах. В последнем утверждении я чувствую особенную глубину, но еще не понял, в чем она состоит.

– Скоро я тебе об этом скажу. А пока перейдем к человеку.

Священное Писание сообщает нам, что мир был создан за шесть периодов, называемых «днями». Человек был сотворен в шестой, заключительный день, поэтому он называется венцом творения – он лучше всего, созданного раньше, и дороже всего Богу. И тут опять уникальность нашей веры: нигде больше человек не оценивается так высоко. Но даже не это главное. Гораздо важнее, что только мы, православные, знаем великую тайну о человеческой природе, о которой не догадываются врачи и философы и которая не открыта ни одной другой религии. Миссионер умолк и перекрестился, показывая этим особое значение того, о чем хочет поведать.

– Ну, говори же, что это за тайна, – сказал жрец, – ты меня заинтриговал.

– Слушай же внимательно. Как ты уже знаешь, человек был заключительным творением Бога, поэтому Бог хотел сделать его совершенным существом. Абсолютным совершенством обладает только сам Бог, и ни для чего сотворенного оно недостижимо, поэтому замысел Творца состоял не в том, чтобы удвоить Себя самого, изготовив Свою копию, а в создании Своего подобия, повторяющего в миниатюре главные божественные достоинства. Поскольку Бог есть Троица, Она и должна была служить образцом, и, приступая к делу, Творец сказал: *сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему*, употребив здесь множественное число. В подобие Отцу человек наделялся волей; в подобие Сыну – даром слова, то есть разумом; в подобие Святому Духу – интуицией, способной согласовывать между собой волю и разум. Все три эти составляющие человека должны были быть благими, ибо Бог, помимо прочего, есть Благо. Что это значит? Как ты думаешь об этом?

– Мне кажется, это значит, человек должен желать блага, думать о том, как сделать что-то благое и чувствовать сердцем, что есть благо, а что таковым не является.

– В общем это правильно. Но этот ответ надо конкретизировать. Начнем с воли, ибо с нее и вправду все начинается. Что есть благая воля, или, как говорят православные, благоволение человека?

- Благая воля есть желание добра людям.
- Опять неконкретно. Ты определяешь понятие блага через понятие добра, а второе несколько не яснее первого.
- Тогда скажи сам.
- Определение благой воли у нас предельно простое: воля человека является благой, если она совпадает с волей Бога. Другого критерия быть не может.
- Да, это ставит все на свои места. Правда, только в отношении воли. А что насчет разума и чувств?
- Как ни странно, о них можно уже не говорить. Импульс к мышлению, к рассуждению, к красноречию, к сердечным переживаниям и к эмоциям дает именно воля, и если она благая, то и все остальное в человеке станет благим. Поэтому основная задача Творца состояла в том, чтобы сотворить существо, обладающее благой волей. Чтобы понять, насколько она трудна, вообрази себя на минуту творцом, перед которым она поставлена, точнее, который сам перед собой такую задачу поставил.
- Вообразил. Что дальше?
- Дальше начнем рассуждать логически. К своему изделию ты предъявляешь два требования: чтобы оно обладало собственной волей и чтобы эта его собственная воля совпадала с твоей волей. Не так ли?
- Именно так.
- Как же ты стал бы решать эту проблему?
- А какая тут проблема? Я взял бы и вложил в это, как ты говоришь «изделие» свою волю. Только давай лучше называть его не изделием, а человеком.
- Пожалуйста. И ты считаешь, что тактвой замысел будет реализован?
- Конечно.
- Проверим, так ли это. Ты ведь чего хотел? Чтобы человек был похож на тебя и, следовательно, как и ты, обладал бы волей, не так ли?
- Так.
- Пойдем дальше. «Воля» есть синоним слова «свобода». Например, когда говорят «крестьянам дали волю», это означает, что им дали свободу от крепостной зависимости. Или обиходное выражение «я – вольный человек» понимается как «я – свободный человек». Это во всех языках, и в вашем тоже. Я прав?
- Абсолютно.
- Давай еще раз сформулируем задачу, теперь в нашей терминологии. Тебе надо создать существо, похожее на тебя, а поскольку ты обладаешь свободой, оно тоже должно обладать свободой. Верно?

– Несомненно.

– И для этого ты вкладываешь в него свою волю? Заставляешь его автоматически хотеть того же, что хочешь ты, неукоснительно выполнять все твои желания? Какая же тогда у него будет свобода?

– Ни малейшей.

– Значит, весь твой план рушится, разве нет?

– Должен признать, рушится. Ну а ваш Бог – неужели Он нашел решение задачи? На мой взгляд, в ней уже при постановке заложен неуспех, ибо тут присутствует какое-то внутреннее противоречие.

– На то Он и Бог, чтобы решать то, что неразрешимо для людей.

– Расскажи же поскорее, как Он вышел из затруднения.

– Говорят же, все гениальное просто. То, что изобретает Бог, сверхгениально, а потому сверхпросто. Вот как Он поступил, создавая человека: немного его «недоделал». Он наделил человека всеми свойствами, которые хотел в нем видеть, кроме одного: качества его воли, то есть не определил заранее, какой будет эта воля – благой или нет, совпадающей с Его, Господа, волей или ей противоречащей. Православные богословы не сами додумались до этого факта, они узнали о нем из Священного Писания, которое им пришлось расшифровывать. Но теперь, когда мы знаем, как поступил Творец, нам понятно, что иным образом Он поступить и не мог. Задним умом все мы крепки.

Действительно. Если бы Бог предписал человеку все свойства, Он должен был бы вложить в него либо благую волю (всегда совпадающую со Своей), либо не благую (которая может и не совпадать) – других вариантов не существует. Давай рассмотрим оба случая.

– Это очень интересно. Позволь мне попробовать порассуждать самому.

– Могу только пожелать тебе успеха.

– Возьмем первый вариант: Бог вкладывает в человека волю, всегда совпадающую с Его волей, то есть Свою, Божию, волю. Такое решение мы только что признали неприемлемым, ибо оно лишает человека свободы и, значит, делает не подобным Богу. Берем другой вариант: Творец наделяет человека волей, которая не обязательно совпадает с Его волей. Но тогда непременно настанет момент, когда в каком-то действии воля человека пойдет вразрез с волей Бога, он начнет вести себя не так, как повел бы Себя в этих обстоятельствах Бог, а значит, богоподобия опять не будет, хотя и по другой причине. Следовательно, задавать человеку заранее качество его воли и в самом деле нельзя. Но с таким «белым пятном» оставлять человека негоже – ведь Бог задумал создать в шестой день совершенное существо, а какое же совершенство может быть в незавершенности?

– Ты несомненно прав, не может. Заполнить оставленный пробел необходимо.

– Но как? Ведь обе возможности заполнения мы отвергли!

– Да, отвергли. Но заметь: отвергли в предположении, что содержание заполнения целиком определяется Богом, что оно «спускается сверху», предписывается человеку приказным порядком. А если допустить, что Бог подключает к выработке этого содержания и самого человека, делая его таким образом Своим сотворцом? Не во всем замысле, конечно, а лишь в нанесении последнего штриха?

– Чувствую, что здесь затаилась какая-то глубокая мысль, но уловить ее мне не по силам.

– Не скромничай. Ты, как я давно понял, очень умен. Кроме того, как уже было сказано, все сверхгениальное сверхпросто. Речь идет о последнем штрихе, о качестве человеческой воли. Раз этот штрих последний, значит все остальное уже есть, в частности, есть и воля как таковая, пока не имеющая качества. Так?

– Так.

– И что будет, если в этот момент Бог скажет человеку: до сих пор Я все в тебе создавал Сам, теперь же прошу тебя Мне помочь. Я не могу предписать твоей воле ни благодати, ни неблагодати, ибо в обоих случаях ты не станешь богоподобным существом: в первом из-за отсутствия свободы, а во втором из-за несправедного поведения. Поэтому сделаем вот что: ты сам, по своей собственной воле, которую Я тебе уже даровал, реши: хочешь ли ты, чтобы твоя воля всегда совпадала с Моей или чтобы она могла ей и противоречить? Никакого нажима Я на тебя не оказываю, решай совершенно свободно.

Священник умолк и вопросительно взглянул на жреца. Тот погрузился в глубокое раздумье. И вдруг, всплеснув руками, воскликнул:

– И ведь в самом деле как просто! Допустим, человек выбрал для своей воли благодать – попросил навсегда согласовать ее с волей Творца. С этого момента все, что он делает, будет угодно Богу. Но поскольку он выбрал этот вариант совершенно свободно, безо всякого внешнего давления, это означает, что первопричиной любого его поступка будет этот сделанный им самостоятельно выбор, то есть его поведение на всю оставшуюся жизнь будет проявлением его свободы. Вот и решение проблемы: он останется свободным и в то же время будет делать только то, что хочет Бог. Какая мудрость!

Впрочем, погоди. А если он свободно выберет второй вариант? Если скажет Творцу: сделай мою волю такой, чтобы она могла и не совпадать с Твоей волей? Тогда он будет совершать то угодное Богу, то негодное.

Свобода у него при этом останется, а вот богоподобия не будет: не может же быть назван богоподобным тот, кто хотя бы иногда ведет себя не по-божески. Так что приглашение человека для доработки его же самого – дело рискованное.

– Ты нашел очень точное слово. Православные богословы так и называют этот критический для всего будущего людского рода момент предоставления первому человеку этого выбора – божественный риск.

– Так что ж, Бог так прямо и спросил сотворенного Им человека: «Послушай, какой сделать твою волю – доброй или злой?»

– Разумеется, нет. В такой обнаженной форме сам вопрос уже повлиял бы на ответ, и подлинной свободы выбора не было бы. Кто же сознается, что хочет иметь злую волю? Альтернатива была оформлена так, что в ней не фигурировали оценочные категории. Это все равно, что на выборах старосты деревни спрашивать: «Вы за кого – за плохого Циппи или за хорошего Дриппи?» Господь сделал все очень деликатно.

– Как же именно?

– Сотворив человека, Он поселил его в райском саду, где было множество деревьев, прекрасных на вид и приносящих вкусные и питательные плоды. Подведя Адама (так звали первого человека) к одному из деревьев, Господь сказал: «А с него плодов не срывай и не ешь, Я не хочу, чтобы ты это делал». И предоставил Адама самому себе, сделав вид, что удалился. Сам же невидимо продолжал за ним наблюдать.

В тот момент воля Адама еще не имела определенного качества – она не была ни доброй, ни злой. И эту последнюю чистую страницу пора было уже заполнять. Творец решил заполнить ее в зависимости от того, как поведет себя человек в той ситуации, в которую Он его поставил.

– Да, я понимаю. Это очень мудро. Если человек, оставшись наедине с соблазнительными плодами, скажет себе: «Хочу съесть этот плод, но еще больше хочу согласовывать свою волю с волей Бога, а Он не желает, чтобы я сей плод вкушал», – и отойдет, Творец навсегда закрепит за ним этот свободный выбор и сделает его волю по этому выбору благой. Если же он скажет: «Бог не хочет, чтобы я отведал этого плода, но поскольку мне этого очень хочется, я все-таки отведаю: не всегда же мне согласовывать свою волю с Его волей», – и отведаст, Бог заполнит последнюю страницу в соответствии с этим выбором, то есть впишет туда в качестве его последней характеристики своеволие.

– Лучше я и сам не мог бы об этом сказать.

– Значит «божественный риск» состоял в том, что человек может съесть запретный плод?

– Да, эксперимент был поставлен так, что вся дальнейшая судьба человеческого рода зависела от того, съест его Адам или не съест. Ведь он делал выбор не только за себя, но и за всех своих потомков, в частности, и за нас с тобой, поскольку после заполнения последней страницы в свойствах человека уже ничего изменить было нельзя, и они становились наследственными.

– Ну и он, конечно, съел.

– Откуда ты знаешь?

– По себе. Ты же сказал, что это был первый человек, от которого все мы пошли, в том числе и я. Если бы он не вкусил запретного плода, мною, как и всеми остальными людьми, руководила бы только благая воля, и все мои поступки были бы благими. О других людях говорить не буду, но о себе я знаю точно, что многое из того, что я совершаю, благим никак не назовешь. Значит Адам съел плод.

– Да, к сожалению, съел.

– А как это было? Просто подошел, сорвал и съел?

– О нет, тут была целая история. Во-первых, надо заметить, что Адам в райском саду жил не один, а с женой по имени Ева, которую Бог создал из его ребра, чтобы ему не было одиноко и чтобы эта пара дала потомство, которое будет населять землю, охраняя ее и возделывая. Она-то первая и соблазнилась запретным плодом.

– Значит она подошла и съела?

– Да нет, и с нею было не так просто. Ну ладно, если ты хочешь знать подробности, придется вывести на сцену еще одно действующее лицо. В райском саду помимо Адама и Евы жили разные птицы, звери и пресмыкающиеся, и среди них был лукавый змей. Вот он-то и начал соблазнять Еву, уверяя, что если она и Адам съедят запретный плод, они станут как боги.

– Почему же Творец допустил такое искушение?

– Как же, это же и была самая лучшая проверка, самая принципиальная альтернатива. Ведь тут дилемма ставилась ребром: не сорвешь плод – станешь богоподобным, сорвешь – сделаешься богом. Что перетянет – благочестие или тщеславие? Выбор был сделан в пользу тщеславия и гордыни, и это сделало людей такими, какими они с тех пор являются: от богоподобия сами отказались, а богами, конечно, не стали, ибо обещая им этот статус, змей нагло лгал. А последовательность поступков была такая: змей соблазнил Еву, Ева соблазнила Адама, и оба ели плод, а когда Господь уличил их, Адам стал валить вину на Еву, а Ева на змея. Огорченный их трусливым и недостойным поведением, Бог изгнал их из рая, сказав

Адаму, что отныне он будет добывать себе пищу в поте лица, а Еве, что она будет в муках рождать детей. Так и идет до сих пор.

– А почему о Сыне говорится «нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес?»

– Это уже следующий акт. Но не думаешь ли ты, что если мы и его начнем обсуждать сегодня, это будет перегрузка?

– Я мог бы слушать и дальше. Но ты, я вижу, устал. Поэтому приду завтра в то же время.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Солнце клонилось к закату. Миссионер поймал себя на том, что нетерпеливо поглядывает на часы. Да, этот суровый воин определенно ему все больше и больше нравился. А ведь верно сказал Тертуллиан, подумал он, – что всякая душа по своей природе христианка: как живо этот язычник впитывает то, что я ему излагаю. Неужели он будет первым туземцем, познавшим Христа? Если так, то я не зря с такими трудами добирался сюда, за тридевять земель. Дай-то Бог!

В дверь постучали. Савабе был сегодня как-то особенно возбужден. Без промедления сел за стол, раскрыл свою тетрадь и сказал:

– Всю ночь думал, почему Сыну Божию надо было спасти людей и как Он это сделал. Объясни мне это.

– Попытаюсь, хотя тут тебе придется быть очень внимательным и напрягать свое воображение.

– Я готов к этому.

– Тогда начнем. Ты сейчас задал сразу два вопроса, давай будем отвечать на них по отдельности.

Итак, вопрос первый: от чего Сыну Божию надо было спасти людей? Самый краткий ответ таков: от печальной участи, которая ожидала душу всякого человека после смерти его тела.

– Каждого?

– Да, именно каждого, обращаю на это твое внимание. Теперь нам нужно расшифровать сказанное.

Все религии признают факт бессмертия души и, насколько я знаю, ваша тоже. Это так?

– Еще бы. Наши умершие предки все живы на небесах, мы их помним, обращаемся к ним за помощью, и они действительно нам помогают. А мы, живущие пока на земле, стараемся вести себя так, чтобы им за нас не было стыдно. У нас даже самый простой человек знает девять поколений своих предков, а знатный гораздо больше.

– А ты знатный?

Савабе потупился и после паузы сказал негромко:

– Я принадлежу к славному древнему роду, поэтому для меня будет особенно позорно, если я поступлю не по чести. Если это случится, я должен буду вспороть себе живот и выпустить кишки – только таким страшным способом я смогу смыть оскорбление, нанесенное предкам, и умиловать их.

– Тогда тебе будет понятно дальнейшее изложение. У нас, православных, тоже душа признается бессмертной. Но на вопрос о судьбе души после ее расставания с телом мы отвечаем по-своему. Вот что говорит об этом наше учение.

Бог, сотворивший человека, уготовил душам умерших посмертные обители, соответствующие качеству этих душ. В этом сказался высочайший принцип божественной справедливости и нелицеприятия. Нашему Творцу совершенно чуждо чувство мести, и когда Он решает, куда определить ту или иную душу, Им ни в малейшей степени не руководит желание ее наказать. Он просто определяет, к чему навькла душа в течение своей земной жизни, к чему пристрастилась, в какой обстановке ей стало естественнее всего находиться, в каком окружении она чувствует себя как рыба в воде, и отправляет ее в ту обитель, где царит именно эта атмосфера и имеется именно это окружение. Тут нет никакого насилия: что выбрал на земле, то получаешь и на небесах. Скажем, если человек был заядлым курильщиком, было бы жестокостью помещать его в какой-нибудь небесный сад, где свежий воздух и благоухание цветов – он страдал бы там от отсутствия курева. Поэтому вполне справедливо отправить его в душный подвал, наполненный зловонием и чадом – пусть и дальше отравляет свои легкие, он ведь без этого не может.

Приведу еще одну иллюстрацию. В одной западной стране в больших городах появилось много бездомных бродяг. Они слонялись по улицам, напялив на себя спасающее от холода тряпье, рылись в помойках, ночевали на чердаках или под мостами. И вот к власти в той стране пришел сердобольный президент, который пожалел несчастных. Страна была богатой, и президенту не составило проблемы построить для обездоленных большой благоустроенный дом с удобными комнатами и мягкими постелями, где поселенцам было предоставлено бесплатное питание. Бродяг выловили и переселили в этот пансионат. И что же? Через неделю все они сбежали и вновь стали слоняться по улицам. Господь мудрее этого президента: тех, кому в раю будет скучно, Он не заставляет туда идти.

– Значит у вас получается так, что после смерти все счастливы: каждый попал туда, куда хотел и где ему нравится.

– А вот и нет! Возьмем того же курильщика. Он ведь мучается, кашляет, задыхается, голос его становится хриплым, а главное – он знает, что его ждет мучительная смерть от рака легких. Он страдает, да еще как, но беда в том, что если его лишить табака, он будет страдать еще больше, так что мука от курения является для него минимальной мукой из всех возможных, и такую судьбу он избрал для себя добровольно. Можно ли назвать ее счастливой? Конечно, нет. Но ничего другого он не знает, ни к какой радости, кроме затыжки дымом, он себя не приучил, подлинной радости не научился, и если бы Бог на Страшном суде спросил его: куда ты хочешь пойти? – он ответил бы, не раздумывая: туда, где курят. Но Богу не надо ничего спрашивать, Он и так видит душу насквозь, поэтому и отправляет умершего курильщика в вонючее место, называемое адом. Хотелось бы тебе спасти этого несчастного от его горестной судьбы?

– Конечно, мне ведь не чуждо сострадание.

– И если бы такая возможность представилась, ты совершил бы усилие?

– Насколько меня хватило бы, совершил.

– Что ж, ты человек крепкий, одного или двух спасти, я думаю, смог бы. Перевоспитал бы их и научил быть по-настоящему счастливыми. А если бы все люди на свете были бы обречены идти в ад, мог бы ты их спасти?

– Куда уж мне.

– А какой-то другой человек, решительный, гениальный, отважный, в общем из тех, кого мы называем героями, – он мог бы всех спасти?

– Думаю, и он не смог бы. Ведь он всего лишь человек.

– А кто, по-твоему, мог бы совершить дело всеобщего спасения?

– Только Бог. Я понял, к чему ты клонишь: ты хочешь сказать, что Сын Божий пришел спасти все человечество от уготованного ему ада. Но почему он был уготован всем людям, разве среди них не было достойных рая?

– Слово «достойных» здесь не очень подходит. Достойные в смысле «хорошие» – добрые, милые, скромные, самоотверженные, боголюбивые, – конечно, были. Но не было ни одного соответствующего раю, поэтому путь туда был закрыт для всех. Догадайся, почему?

– Наверное, по той причине, что все они были потомками Адама, избравшего для себя неблагую волю, и она досталась им в наследство.

– Догадливый ты человек, Савабе. Все обстояло именно так. Как человека с ненадежной волей можно допускать в Царство Божие? – А вдруг там его желания начнут не совпадать с желаниями Хозяина этого Царства? В раю, под боком у Бога, положено находиться только

богоподобным людям, а после послушания Адама все люди были отмечены не подходящим для пребывания в раю своеволием, которое мы именуем первородным грехом.

– Понятно. От чего надо было спасти человечество, ты объяснил. Скажи же, как Бог его спасал.

– А это определялось тем, от чего надо было спасать, то есть спецификой первородного греха. Он, как мы знаем, был вписан по воле самого человека в его генетику – вошел в его плоть и кровь. Значит, для спасения человека от ада, для того, чтобы сделать его пригодным для Царства Божия, оставался только один способ: дать ему новую плоть и новую кровь, уже не содержащие в себе адамова греха. Но как? Казалось бы, здесь только один выход: уничтожить всех людей и создать новых, уже «хороших». Но это значило бы повторить сотворение человека, и это второе сотворение неизбежно сопровождалось бы тем же «божественным риском», что и первое. А если риск не оправдается – творить в третий раз?

– Да, ведь и во второй раз, и в третий человеку все равно придется предоставлять свободу, иначе он не будет богоподобным, а свободное существо непредсказуемо.

– Конечно. Все упирается именно в это. Ах, если бы не эта свобода человеческая! А без свободы человек Богу и не нужен – зачем Ему марионетка. Творец не желал насильственно навязывать человеку благую волю, не может он без его согласия изменять и его плоть.

– Что ж, пусть спрашивает согласия.

– Он это и делает: поступает прямо по твоему совету. Поправка, которую Господь внес в Свой замысел о человеке, состояла в следующем. В единичном экземпляре в качестве образца или эталона создается новая плоть, в которую не допускается первородный грех. После этого люди оповещаются о том, что всякий, кто этого действительно захочет, может получить эту новую плоть взамен старой, в результате чего станет пригодным для пребывания в Царстве Небесном. Как видишь, священный для Господа принцип добровольности полностью соблюден: новая плоть будет дана только пожелавшим ее получить, причем желание должно быть искренним и сильным, выношенным и созревшим, окончательным и безповоротным. Поэтому человек, выразивший такое желание, должен подтверждать его серьезность делами, а именно – выполнением некоторых, весьма нелегких, требований, которые Бог ставит перед ним в качестве испытания. Эти требования – соблюдение Божиих заповедей.

– В чем же они состоят?

– Вот две главные из них. *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим* и вторая: *возлюби ближнего твоего, как самого себя*¹. И, подчеркиваю, соблюдение этих заповедей обязательно должно подтверждаться делами, а это-то и есть самое трудное.

– Хорошо, допустим человек исполнит заповеди. Откуда берется выдаваемая ему обновленная плоть?

– С упомянутого мною единичного эталонного экземпляра такой плоти снимается копия.

– Ну а сам-то эталон откуда взялся?

– А вот это во всем деле нашего спасения самый драматичный момент.

Заметим прежде всего, что Творец взялся не создавать новую плоть для человека, а исправлять уже существующую, очищая ее от первородного греха. А этот грех ведь не наличествует в ней сразу во всем объеме уже в момент зачатия: там ему и поместиться негде, ибо есть только крошечный зародыш будущего человека. При зачатии грех существует только в потенции, в таком же зародышевом состоянии, как и сам человек. Эта пагубная наследственность должна еще развиться вместе с человеком, вырасти и набрать силу. А чтобы развиваться и крепнуть, она на каждой стадии роста человека должна непременно в чем-то проявляться, чтобы обрести навык. Ведь всякая идея без практического применения чахнет и угасает. А в момент зачатия первородный грех существует только как идея. А что будет, если с самого начала, как только первородный грех захочет себя проявлять, тут же пресекать его проявление, и так на протяжении всего времени, пока организм еще формируется? Чуть он оскалит зубы, тут же кулаком ему по зубам?

– Полагаю, что в этом случае он так и не разовьется, а когда человек полностью сформируется, он от него отстанет.

– И плоть окажется безгрешной?

– Конечно. Вот так и был изготовлен образец обновленной плоти. Эту плоть выращивала в качестве своей телесной оболочки некая личность, которая от самого зарождения в утробе матери неизменно отвергала все попытки греха в чем-то выразиться, иными словами, не поддавалась никаким соблазнам, и так до полного формирования этой оболочки, до тридцати трех лет.

– Но какой же человек мог бы такое совершить, тем более от пребывания во чреве матери?

¹ Мф. 22, 38 – 39.

– Ты прав, никакой человек не смог бы. Но это был Богочеловек, и в этом вся суть.

– Скажи понятнее.

– Представь себе, что в одном лице, в одном «Я» совмещены две природы – божественная и человеческая. Как это возможно – не наша с тобой забота: для Бога, который осуществил такое совмещение, все возможно. Это уникальное «Я» – одновременно совершенный Бог и совершенный человек, во всем подобный нам. У него также и две воли – божественная и человеческая: первая благая, вторая – нет. В той мере, в какой это лицо было человеком, оно ощущало силу соблазнов, и нередко эта сила была столь велика, что никакой человек не смог бы перед нею устоять. Но поскольку в этой личности бок о бок с человеческой волей жила контролирующая ее Божия воля, последняя в этих ситуациях вмешивалась и помогала устоять перед соблазном. Как человеку этому существу было трудно и мучительно побеждать соблазны и как человек Оно страдало. Его жизнеописание, называемое Евангелием, изобилует примерами такой внутренней борьбы, которая неизменно кончалась поражением греха. В таких страданиях Богочеловек провел всю Свою земную жизнь и в самом ее конце смог сказать: «Я победил мир», имея в виду под «миром» господствующее в нем зло. Самым жестоким испытанием, а значит, и самым сильным соблазном, были пытки, которым предали Его враги: вспомнив о Своей божественной природе, а следовательно, о способности творить чудеса, Он понимал, что может обратить в пепел своих мучителей, – это и был последний соблазн, – но не сделал этого. И только в самом конце жизни, пребываящий в Нем Бог оставил Его, и Он стал просто человеком.

– Почему?

– Ну как же: Бог не может умереть, а Он должен был умереть плотью, чтобы умертвить вместе с нею последние остатки первородного греха, которые могли как-то в нее просочиться. После такой, окончательно очистившей ее смерти, плоть была воскрешена Богом, и она-то и стала телесной оболочкой для «нового Адама», в которую мог теперь облечься всякий, сильно этого пожелавший, при условии выполнения упомянутых требований. Это значит, что тот свободный выбор, который Адам делал за все человечество, теперь всякий может сделать лично за себя.

– А каким же образом пожелавший этого и исполнивший требования может новую плоть обрести?

– Конечно, надеть ее, как шубу, он не может. В этой таинственной операции принимает участие вся Троица. Сын воплотился в человека и стал Богочеловеком, выстрадавшим безгрешную плоть. С этой новой

плотью после ее Воскресения Он вознесся к Отцу. Теперь по воле Отца исходящий от Него Святой Дух, источник всего чудесного, может невидимо преобразить «ветхую» плоть просящего спасения от ада человека и сделать ее пригодной для пребывания в раю.

– Как, прямо в теле праведник войдет в рай?

– Разумеется, нет – войдет туда душа. Но ведь на ней сохраняется отпечаток того тела, в котором она провела много лет и с которым прочно срослась. Так что если тело на момент смерти было поврежденным, то и душа будет поврежденной и в райские порядки не впишется.

– А какие-то внешние признаки того, что плоть исполняющих заповеди преобразовалась, существуют?

– О да, еще какие заметные! Преображенный человек, которого мы называем святым, очень сильно отличается по свойствам своего тела от остальных людей. Известны случаи, когда он переходил реку как посуху, поднимался на несколько вершков над полом при молитве. Очень часто святые ходят босиком по снегу, почти не спят. Иногда люди видят, как их лица становятся светоносными. Они одним прикосновением руки могут исцелять больных. Один наш святой несколько лет питался лишь высушенной травой, так изменилась его пищеварительная система. Этих признаков просто не перечислить. А после смерти их плоть остается нетленной, нарушая все законы химии и биологии.

Ну что, Савабе, дошел до тебя смысл слов Символа веры «Нас ради человек...» и так далее, до «Егоже Царствию не будет конца»?

– Надеюсь, да. Уточни только последнюю часть о суде над живыми и мертвыми.

– Ну, здесь все достаточно ясно. История человечества не будет длиться вечно, как и все на этом свете, она когда-нибудь кончится. И тогда все, кто жили когда-либо на земле, будут воскрешены Богом, и Он распределит их в соответствующие обители вечной жизни. Если вопросов нет, пойдем дальше.

И в Духа Святаго, Господа, Животворящего, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.

Пожалуй, многое из того, что мы обсудили прежде, проливает свет и на это место. Так это?

Жрец, после внимательного прочтения записанного им только что в тетрадку текста, кивнул головой.

– Кажется, да. Уточни только, что такое «глаголавшаго пророки».

– Это означает, что всё, возвещаемое пророками, было внушено им наитием Святаго Духа – одного из божественных Лиц Троицы. Двинемся дальше.

Архиепископ Николай Японский

Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Свята наша Церковь потому, что в ней дышит Святой Дух, наставляющий ее членов на истину; Соборную она именуется потому, что собирает под свое окормление всех, кто желает истины, то есть является вселенской Церковью. Апостолы же – это первые ученики воплотившегося Сына Божия, или Иисуса Христа, которые записали главные положения Его учения, до сих пор исповедуемые Православной Церковью.

– А почему она «единая»?

– «Единая» означает «одна».

Только православная Церковь в строгом смысле есть Церковь, все другие собрания религиозного

назначения могут быть названы церквями лишь условно, ибо в них отсутствует полнота истины.

– Не рискуешь ли ты этим утверждением меня обидеть – ведь оно означает, что наша религия тоже какая-то неполноценная?

– Это в очень строгом значении слова. Ваша религия содержит частичную истину – например ту, что предки продолжают жить на небе. И этим она полезна. Впрочем, если ты сильно оскорбился, можешь сделать то, что хотел с самого начала – заколоть меня своим мечом.

– Опять ты меня торопишь? Сейчас я хочу тебя дослушать.

– Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь.

Савабе записал эти слова, захлопнул тетрадку и сказал:

– По слову «аминь» я понимаю, что это весь Символ православной веры.

– Да, его разбор, если сказанное сейчас тебе понятно, мы закончили. Что будем делать дальше?

– Сейчас я пойду домой и буду обо всем думать. Решающий день для нас с тобой будет завтра. Я приду в обычное время. А тебя я попрошу составить для меня краткий словарь православного богословия. Всего на несколько страниц. Сделаешь?

Павел Савабе – первый японский православный священник

– С удовольствием.

– Тогда до завтра. Нынче мы сильно засиделись, наверное, скоро рассветет.

Савабе встал и своей твердой походкой пошел к двери.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

Перед приходом Савабе миссионер был в тревожном состоянии. Мысль его все время возвращалась к словам жреца о том, что этот день будет решающим. Что он подразумевал под этим? Получив представление о главном в учении Христа, примет он его или отвергнет? Во втором случае надо будет готовиться к смерти. Но даже не это было для него страшнее всего, а то, что провалится миссия, которая так долго готовилась и на которую Церковь возлагала столько надежд. Только на предварительную работу по изучению здешнего языка и местных обычаев ушло много лет.

Когда Савабе вошел в комнату, священник взглянул на него и немного успокоился: лицо гостя было мирным и даже благожелательным. Поклонившись хозяину, он по его жесту уселся и сказал:

– Господин, я хочу с твоего разрешения построить нашу сегодняшнюю беседу так. Я попытаюсь самостоятельно подвести итоги нашим занятиям и в самых общих чертах ответить на вопрос «Что есть православная вера?», а ты, если я скажу не то, будешь меня поправлять.

– Иными словами, ты хочешь сдать экзамен по пройденному материалу. Прекрасно, я готов его принять.

– Сначала я попробую охарактеризовать вашу религию одной фразой. Православие есть религия спасения, то есть наука о том, как после смерти обрести вечное блаженство.

– Совершенно верно, как говорили средневековые богословы, это наука о том, как попасть на небеса. И, признайся, разве для человека может существовать какая-то более важная наука?

– Разумеется, не может. Всякое другое знание приносит временное благо, а это – вечное. Какое же тут может быть сравнение. Но, мой господин, здесь возникает вот какой вопрос. Да, не исполнять рекомендации, обещающие вечное блаженство, может только сумасшедший. Это очевидно. Но здравый человек хочет убедиться в том, что это не пустые слова, а абсолютно надежные предписания, опирающиеся на знание мироустройства. Мало ли чего могут наобещать всякие разные учителя! Где гарантия, что поставив на эту карту, ты не потеряешь все, если она окажется фальшивой?

Миссионер хотел ответить, но Савабе перебил его.

– Нет, я не тебя спрашиваю, а самого себя. Сейчас сам и отвечу, а ты скажешь, правильно или нет.

Чтобы проверить, надежны ли православные рецепты попадания на небеса, нужно понять, как эти небеса устроены. Так вот, помимо рецептов, то есть заповедей, православная религия дает и описание их устройства. Оно включает в себя три момента: поврежденность людской природы, возникшую из-за того, что первый человек дурно распорядился своей свободой выбора («первородный грех»); непригодность поврежденных наследственным первородным грехом душ для пребывания в блаженном Небесном Царстве; взятие на Себя Сыном Божиим всех грехов мира, чтобы умертвить их и взойти в новой плоти к Отцу, приглашая и нас последовать тем же путем и обрести вечную жизнь.

Ясно, что человек, принявший эти космологические утверждения православной веры, примет и ее нравственное учение и станет исполнять все, что заповедует Евангелие. Первый пункт не может вызвать сомнения, ибо достаточно понаблюдать за маленькими детьми, которые еще не успели подвергнуться воздействию воспитания,

чтобы заметить, сколько в них бывает злобы, эгоизма, агрессивности и зависти, чтобы тезис о поврежденности человеческой природы стал аксиомой. Верность третьего пункта вытекает из его внутренней логичности, противопоставить которой просто нечего. Но почему Бог так захотел нам помочь, что послал нам во спасение собственного Сына на страдания? Это мне пока не понятно.

– Послал потому, что сильно возлюбил нас.

– А почему в такой степени возлюбил?

– Потому, что *Бог есть любовь*¹. А любовь Он есть потому, что в Нем три Лица. Они были в Нем изначально, когда и мир Им не был еще сотворен, и потому любовь, соединяющая Лица, является тоже изначальной, дотварной – внутренней характеристикой Бога, Его неотъемлемым качеством. Она-то и проявилась в том, что Он поспешил к нам на выручку в нашей беде.

– Значит Православие можно назвать не только религией спасения, но и религией любви?

– Так ее богословы и называют. Только тут надо вот что добавить. Нельзя понимать Православие как любовь Бога к человеку, в нем обязательно предполагается и любовь человека к Богу, эта заповедь недаром дана первой. И знаешь, почему? Если человек не возлюбит Бога всей душой, всем сердцем и всем помышлением, он не захочет в Царство Божие, а значит, у него не будет достаточного стимула исполнять обременительные заповеди, а главное – он не будет каяться в грехах. Вот ты говорил, что вам стыдно перед предками совершать плохие поступки, а православному человеку должно быть стыдно их совершать перед Богом, а если Его не любишь, не будет и стыдно, значит не будет и покаяния – твердой решимости никогда больше не грешить.

– Тогда еще один вопрос. Почему мы все время говорим с тобой «Православие», а не «христианство», как именовал вашу веру один европейский купец, с которым я имел кое-какие дела?

– Я говорю «Православие» специально, чтобы не путать ту веру, о которой я тебе рассказывал, с верой европейцев, которые тоже почитают Иисуса Христа, но отошли от данного Им через Евангелие и апостолов учения, внося в него недопустимые изменения. Только наша вера осталась неискаженной, правильной, поэтому и именуется православной. А их вера – католическая.

– Какие же между вашими верами возникли расхождения?

¹ 1 Ин. 4, 8.

– Скажу только о главных. Во-первых, католическая Церковь возглавляется лицом, которого называют Римским Папой и которое провозглашено непогрешимым заместителем Христа. Во-вторых, католики приняли так называемый догмат «о непорочном зачатии» Самой Девы Марии, земной Матери Иисуса Христа, согласно которому с Нее, в момент зачатия Ее родителями, был снят первородный грех. Это очень неудачная выдумка, ибо, если было бы так, рожденный от Нее по плоти Христос не ощущал бы никаких соблазнов и Ему не надо было бороться с искушениями, а об этой борьбе ясно свидетельствует Евангелие. В каком бы смысле можно было тогда говорить, что Богочеловек взял на себя грех мира?¹ Как видишь, учение о спасении получается у них внутренне противоречивым, а оно является центральным элементом всей нашей веры. В-третьих, католическая теория спасения пропитана духом «юридизма»: отношения спасающего Бога и спасаемого человека определяются у них принципом «ты – Мне, Я – тебе». Это означает, что существует определенный объем добрых дел и молитв, после которых Бог просто обязан ввести человека в рай. Мы же, православные, считаем, что никакие наши дела не могут быть равноценной платой за вечное блаженство и что его можно получить только по великому Божию милосердию, если заслужить его. У них человек и Бог сходятся на середине, у нас мы делаем по направлению к Богу один шаг, а Он делает нам навстречу девяносто девять.

– Понятно. И вот мой последний вопрос, который я считаю для себя решающим. Почему для спасения нужно принять крещение и стать членом Православной Церкви? Почему недостаточно просто выполнять заповеди?

– А это вытекает из того, что мы уже обсуждали. Помнишь, что для спасения нам нужно облечься в обновленную плоть, из которой первородный грех выжжен?

– Помню.

– А кто осуществлял это выжигание, когда Сын Божий готовил для праведных эту плоть?

– Святой Дух, конечно, посылаемый Богочеловеку Иисусу Отцом.

– И можем ли мы назвать эту плоть Телом Христовым?

– Несомненно. Она им и является по самому происхождению.

– Ну вот, ты сам и дал ответ на свой вопрос. Какая у нас Церковь, согласно Символу веры? Святая, то есть дышащая необходимым

¹ См. Ин. 1, 29.

для нашего обновления Святым Духом. Куда же еще идти за обновлением, как не в Церковь? Нам нужно облечься в Тело Христово, вырастить его в себе – Церковь и дает росток этот в таинстве причащения, когда священник, держа в руке Чашу, от имени Христа возглашает: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов!» За способность осуществлять это таинство нашу Церковь именуют «Телом Христовым».

Савабе долго сидел неподвижно, затем резко поднялся и произнес с торжественностью в голосе:

– Я принял решение. Прошу тебя окрестить меня в православную веру. Скажи, как надо к этому готовиться, и я подготовлюсь...

ЭПИЛОГ

Все, о чем вы только что прочитали, было на самом деле. Языческого жреца, первым посетившего православную миссию в далекой стране, и вправду звали Такума Савабе, а страной этой была Япония. Миссионера же, который его окрестил с именем Павел, звали Иван Дмитриевич Касаткин, в монашестве он стал Николаем, а жизнь закончил в сане архиепископа, ныне это прославленный в лике святых равноапостольный Николай Японский. Павел Савабе стал первым православным священником из японцев. К моменту кончины владыки Николая в Стране восходящего солнца было уже более тридцати тысяч православных христиан.

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ

БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «ДС» АРХИМАНДРИТА
ГЕОРГИЯ (ШЕСТУНА) С М. И. ВИННИКОВОЙ

Сегодня мы беседуем с Марией Ивановной Винниковой. Она уже много лет работает редактором журнала «Духовный Собеседник», и в сотом номере журнала, конечно, интересно поговорить о его истории, о редакторах этого журнала и том круге авторов и читателей, который складывался вокруг журнала.

Хотелось бы узнать, Мария Ивановна, о том, где вы родились, какова история вашей жизни, как вы пришли в литературу и оказались сотрудником журнала, чтобы читатели знали, что стоит за именем и фамилией редактора «ДС».

– Один из героев Андрея Платонова говорил: «Без меня народ не полный». На таких условиях, – чтобы восполнить народ, – повествую и я

Мои родители – Иван Павлович и Екатерина Алексеевна Чекины. 1928 г.

о своей персоне, которая если чем и может быть интересна, то только причастностью к своему народу, семье, родителям, бывшими не сторонними зрителями, а прямыми участниками событий, постигших нашу страну.

Родители мои, Иван Павлович и Екатерина Алексеевна Чекины, переехали в Самару в 30-е годы XX века. Отца ценили на производстве как специалиста, но как только в отделе кадров становилось известно, что у него родственники за границей, его увольняли в двадцать четыре часа с выселением из квартиры. Когда отца в очередной раз должны были уволить, мама, расстроенная, переходила улицу, и её сбила машина. Маму привезли домой, испуганные дети столпились возле кровати и тут в дверь постучали. Пришел человек из «органов» с ордером на арест. Папа собрался и ушел с этим человеком. Дальше произошло то, о чем папа всегда рассказывал с улыбкой, как о маленьком чуде. Шли они с конвоиром на трамвай, а трамвай тогда в Самаре ходил до Оврага подпольщиков. И вот то ли конвоир проникся бедственным состоянием семьи, из которой увел отца, то ли забылся, только, когда они подошли, и трамвай разворачивался по кольцу, конвоир неожиданно запрыгнул в открытые двери и уехал, а папа прыгать не стал. Постоял-постоял, да и вернулся к семье. Семья между тем прибывала, и все тяжелей становилось оказываться на улице с малыми детьми, и когда отец неожиданно заработал огромную сумму денег, – а это отдельная, трагикомическая, как многое по тем временам, история, то они с мамой решили построить дом. История эта заслуживает внимания как характерное явление тех лет. – В Америке были закуплены для нескольких промышленных центров страны дорогостоящие станки. Туда же для обучения послали наших специалистов, а по возвращении их в чем-то таком разоблачили и расстреляли, как врагов народа. И вот отец мой, разобравшись с документацией, освоил и запустил такой станок. Когда об этом стало известно на остальных заводах страны, в Самару

Родители мои со старшими, «довоенными» детьми. Здесь нет брата, родившегося в 1941 году, и нас с сестрой – «послевоенных». 1939 г.

(возможно, к тому времени переименованную в Куйбышев, поскольку происходило это все в 1935 – 1937 годы) прислали на обучение инженеров. Обмен опытом состоялся, люди поразъехались, а потом из тех городов стали поступать за обучение переводы, и сумма оказалась значительной. Так перед самой войной родители обзавелись своим жильем. И, как мама говорила, если бы не этот дом, при котором был небольшой земельный надел, то она вряд ли бы выжила с детьми в войну, а земля не дала умереть с голоду.

Вот еще один пример Божьего промысла. Когда из военкомата пришла повестка, от цеха, где трудился отец, должен был идти на фронт его сотрудник, но он как-то похлопотал за себя, и отправили моего отца, хотя у него была бронь. Папа прошел всю войну и, пусть и с тяжелейшими ранениями и контузией, вернулся к семье, дорастил детей, еще и мы с сестрой родились после войны. А тот человек погиб от осколка снаряда, выйдя из проходной завода в Сталинграде, куда его послали на срочную эвакуацию станков в Куйбышев, когда враг был на подступах к Сталинграду.

Мама, в тридцать три года оставшись в войну с пятерыми детьми, страдала, как и весь народ, и в этой страде многое переоценилось в её жизни. Она пришла к осознанной вере в Бога, начала бывать в Покровской церкви, где в это время настоятельствовал бывший обновленческий священник Петр Свиридов. Православный народ настолько не доверял ему, что многие считали за грех ходить в Покровский собор. Здесь мама встретила однажды матушку бывшего своего приходского священника о. Александра Разсудова. Матушка Зинаида была в крайне бедственном состоянии, мама пригласила ее переночевать, и матушка рассказала ей о своих мытарствах. Отца Александра забрали в 1936 году, матушка, оставшись без средств к существованию, обратилась к управляющему в 1941 – 1942 годах Куйбышевской епархией Свиридову, но он ей в помощи грубо отказал. В те годы начало бытовать мнение, что «истинная Церковь ушла в пустыню», ходили среди верующих слухи о неких старцах. Из этого взбаламученного репрессиями и войной человеческого моря появилась и навсегда вошла в круг жизни нашей семьи бывшая послушница разоренного Иверского монастыря. Ей было около пятидесяти лет, но звали ее, как блаженную – Настенька. Она юродствовала, была прозорлива, посещала в тюрьмах и ссылках сидевших за веру чад епископа Катакомбной Русской Церкви Сергия (Кудрявцева), отбывавшего свой срок в Потемских лагерях, где он и скончался 16 апреля 1954 года. Смерть наступила внезапно, и очевидцы говорили о признаках отравления. В те же годы (с 1949 по 1955) в Потемских лагерях нахо-

дился архиепископ Мануил (Лемешевский), который включил епископа Сергия (Кудрявцева) в «Каталог русских архиереев за шестьдесят лет (1897 – 1957 гг.)» с оговоркой, что перед смертью он принес покаяние «во враждебных взглядах на Московскую Патриархию». Но поставленный им во епископы духовный отец моей мамы, вернувшись из заключения, остался в Катакомбной Церкви.

Не передать тот благоговейный трепет, с которым мама относилась к людям, пострадавшим за Христа и продолжавшим нести крест исповедничества и гонений. Многие из упоминавшихся в разговорах, чьи имена ныне прославлены или будут прославлены в лике святых, остались в памяти с детства. Та строжайшая тайна, в которой надлежало хранить имена и пребывание у нас людей такого рода, наложила на мое детство особый отпечаток таинственности, значительности и многомерности жизни. Спустя многие годы задаюсь вопросом: почему родители, обремененные большой семьей, были так странноприимны? – Наверное, их собственный опыт невольного скитальчества, когда приходилось с детьми искать прибежища, не позволял им закрыть дверь перед нуждавшимся в приюте человеком. И хотя это было небезопасно, – отца неоднократно вызывали в КГБ по поводу некоторых лиц, бывавших у нас, – обычаю своему они не изменяли.

Разговоры, которые доводилось тогда слышать, открывались книгой жизни русского человека. Раскулаченные, раздворянные, бывшие насельницы монастырей, – множество люда той, потаенной Руси перебивало у нас. А однажды приплелось совсем уж ветхое существо. От чаю отказалось и, молча обозрев обстановку, скорбно заметило, что уже, видно, некому и передать «Голубиную книгу». Вот и в этом доме: чай пьют, электрический свет горит, в общем, полный конформизм и ренегатство. И таинственная эта «Голубиная книга» проплыла мимо нашего дома, растревожив мое воображение, и долго я все пыталась представить себе ее, эту птичью библию.

Моя душа, благодаря странноприимству родителей, с малолетства прилепилась к странникам и пришельцам нашей земли, которых, по словам мамы, не стоил весь мир и, как она утверждала, кто принимает их в своем доме, принимает Самого Господа. Но не все домочадцы были готовы к этой высокой миссии. Мои старшие братья и сестры явно тяготились и такими людьми, и той обстановкой аскезы, поста и молитвы, которая создавалась у нас. В те послевоенные годы их самонадеянная юность выбирала иной, широкий путь. На нашей семье начинали сбываться слова Евангелия: *Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее... И кто любит сына или дочь более, нежели Меня,*

Брат мой Витя (1941 – 1978).
Туркменистан, Байрам-Али. 1961 г.

не достоин Меня. Жизнь поманила моих сестер и братьев, и они разлетались по свету, но до сих пор бунинские строки:

Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказав прости родному дому, –
так щемяще отзываются в сердце,
когда вспоминаю их, моих дорогих,
так рано ушедших.

Мама, чьи нравственные устои и однажды принятые установки были неколебимы, тяжело переживала разрыв со старшими детьми, здоровье её начинало давать серьезные сбои. Из детей дома оставались только мы с сестрой, которая заменила мне часто и тяжело болевшую маму. Это она, пятиклассница, отвела меня в первый класс, а когда после уроков родители разобрали своих дорогих первоклассников, и я в тревоге сидела одна в пустом классе, не зная дороги домой, – каким тогда счастьем было увидеть её, Верочку, возникшую на пороге класса с цветными карандашами «Спартак» и альбомом, которые она тут же и вручила мне в подарок. Но главным подарком в жизни была и осталась она сама. Ее любимые книги и писатели становились и моими любимыми, она записала меня (о, счастье!) в библиотеку, с ней состоялись позднее наши тайные от мамы походы на вечера поэзии и в кино. И когда она после окончания института уехала по направлению, это стало первой большой утратой в моей жизни. Большею была только смерть младшего из братьев, Вити. Когда он облучился, служа в ракетных войсках, и стало известно, что он умирает от лейкемии, каждый из нас, оставшихся, кто вслух, кто про себя выговорил, как молитву: «Господи! Если можно, возьми вместо него меня». Мы не знаем, сколько их, таких молодых, безвременно в муках отлетевших с земли, не знаем их имен, – но среди тех, кто отдал жизнь, создавая ядерный щит нашей Родины, есть и родное мне имя.

У отца, когда ему сообщили, что брат безнадежен, отнялись ноги. Он и до этого часто попадал в госпиталь, – сказывались ранения, – а безвременный уход сына, у которого оставалось трое маленьких детей, стал для него последним ударом, после которого он уже не смог подняться.

У отца, когда ему сообщили, что брат безнадежен, отнялись ноги. Он и до этого часто попадал в госпиталь, – сказывались ранения, – а безвременный уход сына, у которого оставалось трое маленьких детей, стал для него последним ударом, после которого он уже не смог подняться.

– Расскажите о себе, как вы учились?

– Как может учиться мракобес и предатель? – Именно так называли меня, – не октябренька, не пионерку, не комсомолку те, кто в безбожные хрущевские пятилетки призваны были искоренить «последнего попа» и всех, «кто не с нами». Так что мои «школьные годы чудесные» (хотя они и вправду чудесные, несмотря ни на что, и училась я хорошо) были потрясаемы и омрачаемы всякого рода разборками, когда взгляды своих и пришлых «агитаторов, горланов, главарей» уничижающе скрещивались на позорном пятне школы и класса, и этим пятном была я.

Секретарь партийной организации школы, наш учитель литературы и русского языка (замечательный, кстати, учитель) с грустью говорила, имея в виду мои школьные сочинения, что я могла быть гордостью школы, а вместо этого доставляю ей головную боль наравне с исключенными из пионеров хулиганами. Было в школе двое таких, по прозвищу Куфыня и Муфыня, с которыми и в коридоре-то было страшно столкнуться, – вот в такой компании я и позорила школу, всю статистику портила.

Случались у меня и моменты торжества. Однажды очередной агитатор спросил семиклассников о предшественниках философии Маркса – Энгельса. И вдруг «мракобес», не дав ему до конца насладиться почтительной тишиной, выпалил: «Кант, Гегель, Фейербах!» За этой мантрой, застрявшей в моей памяти с раннего детства из разговоров старших, ровно ничего больше и не стояло, но этого оказалось довольно. Агитатор как-то стусевался, диспут кончился, не начавшись, а отмщенный «мракобес» пользовался некоторое время незаслуженным уважением и очередной кличкой, на этот раз «философ».

А вообще-то дело шло к тому, что мой классный руководитель грозилась оформить меня в детдом, чтобы исключить «вредное» влияние семьи. Мама за все годы обучения в школе не была ни разу. Объясняться

Сестра моя Верочка. 1968 г.

по поводу моей «беспартийности» предстояло отцу, и тогда жившая у нас в то время после ссылки монахиня разоренного Свято-Троицкого Раковского монастыря посоветовала папе сказать в школе, что они, родители, не запрещают мне быть пионеркой, что я сама так решила.

Помню, как жалко мне было папу, когда он, прошедший войну человек, воспитавший семерых детей, стоял перед моей классной руководительницей. Она, не предложив ему сесть, говорила что-то обидное, а когда папа поинтересовался, есть ли у неё претензии к моему поведению или успеваемости, почти выкрикнула: «Да лучше бы она была двоешницей и хулиганкой!»

– Жил в Нероновке такой известный батюшка, митрофорный протоиерей отец Иоанн Державин, – так вот он рассказывал, что ему в то время доставалось за то, что его дети не пионеры, а он отвечал: «Почему вы ко мне претензии предъявляете? Вы у детей спросите». И все дети заявили, что они сами не хотят вступать в пионерскую организацию. Наверное, и вам такой совет неспроста дали.

– Да, отец Георгий, ведь в этом случае вся ответственность падает на ребенка, – а какой спрос с маленького упряма? Оценить мудрость этого простого совета я смогла лишь со временем. Но не проста была сама по себе ситуация мучительной разделенности с близкими людьми – одноклассниками, старшими сестрами и братьями.

– Какова их судьба, ваших братьев и сестер?

– Наверное, это судьба многих и многих наших соотечественников, вступивших в пору юности после войны. Поколение, окрыленное Победой, устремлялось в «светлое будущее» без Бога. Искренние в своем заблуждении мечтатели, они поверили в коммунистическую идею, и как жестоко именно над ними поглумилась эта идея в лице её адептов, «последовательных материалистов», раздраконивших в 90-е годы страну и ее материальное достояние.

Строить светлое будущее хотелось и мне, только вот брать меня туда без яркой звездочки на груди никто не собирался, а одеть эту звездочку – означало снять крестик. Так и зависло мое будущее с малых лет в неизвестности: то я в одиночестве спасала все человечество от какой-нибудь чумы, то погибала за него на войне. К окончанию школы мечты мои стали ближе к реальности, человечество как-то худо-бедно без меня обходилось, а вот родители мои в помощи уже нуждались. Я решила стать врачом. Но и этой скромной мечте не суждено было сбыться: четыре года сдавала я в мединститут, но там был такой высокий проходной балл, что каждый раз, получив четверку по одному из предметов, я не проходила

по конкурсу. Родителям в это время было уже за шестьдесят, и они очень переживали мои неудачи. На пятый год после окончания школы я послала свои стихи на творческий конкурс в Литинститут и получила вызов из Москвы. Родители, прочитав на конверте обратный адрес – Литературный институт им. Горького Союза писателей СССР – с большой иронией отнеслись к моему намерению: в семье авторитет слова был высок. Правду сказать, я и сама не верила в осуществление этого проекта, но в Москве меня ждали брат и его жена, которая в то время училась на режиссерском отделении ВГИКа. Там мы по вечерам ходили на спектакли гастрольного лета, а возвращаясь в общежитие, я тихонько пробиралась в свою комнату, чтобы не потревожить творческий покой настоящих писателей, и готовилась на всякий случай к очередному экзамену в Литинституте, куда неожиданно для себя и поступила.

– Но ведь что-то предопределило склонность к литературному труду?

– С детства я была выдумщицей и мечтательницей. Общение с ровесниками мама строго ограничивала, в пост, например, не разрешалось играть на улице, оставались обязательные дела, книги и безудержная фантазия.

– Есть такое понятие, как круг чтения. Какой круг чтения был у вас?

– Одно из счастливейших воспоминаний раннего детства как раз и относится к кругу чтения. Это был в прямом смысле круг, – тесно сидели за столом родители и мы, и еще кто-то из гостей, – всех не помню, помню только, что кто-то читал, а все остальные слушали: вместе вздохнут, вместе рассмеются. Как весело, как чудесно и хорошо быть в таком сопереживании с родными и близкими людьми! Жилин и Костылин спаслись – какое счастье! Все радуются, а я прыгаю от восторга, и все смеются, глядя на меня. Пушкин, Гоголь, Толстой, Некрасов, Кольцов, – многие, многие, прочитанные неспешно и с чувством в близком кругу, – с этим золотым запасом душа росла и наполнялась любовью. Но этот круг где-то ближе к школьным годам распался. Мама переключилась полностью на духовную литературу, папа углубился в книги о садоводстве и военные мемуары, а я читала то детскую Библию и Жития святых, то все остальное. И героями моими становились то Филарет Милостивый, то Зоя Космодемьянская, эпоха Пушкина и Лермонтова сменялись эпохой Есенина и Блока, когда живешь и дышишь только их словом. На какое-то время всех отодвинул Достоевский. – Но чего-то, самого главного, не улавливала, не понимала душа. Мне было уже за двадцать, когда я впервые прочитала Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе».

Я прочитала книгу за одну ночь, а когда шла отдавать её, – я была другим человеком, с новым сердцем и новым зрением, так мне казалось тогда. Во всяком случае, если и не получалось долго жить высоким напряжением слова кронштадтского праведника, стало необходимо и условием жизни постоянно возвращаться к святоотеческому слову.

– Издревле, начиная со «Слова о законе и благодати» митрополита Киевского Илариона, литературный труд на Руси был особой формой молитвы. Интересно, как и чему учат в Литературном институте, есть ли там академические лекции и как можно человека научить писать, – до сих пор не понимаю.

– Алхимики, после долгих опытов по претворению металлов убедившись в их тщетности, признались, что золото можно делать только из золота. Так и с писательским даром, и конечно, не все окончившие Литинститут, становятся писателями. В дипломе выпускника указывается его квалификация – литературный работник. То есть он может быть журналистом, редактором, литсотрудником. Но кроме обязательного курса филологических дисциплин в Литинституте есть творческие семинары прозы, поэзии, драматургии, художественного перевода, на которых и выясняется, кто есть кто.

Руководителем моего семинара на первом курсе был известный тогда «поэт по партийной линии» А. А. Жаров. Он как вступил в 1918 году в комсомол, так и пребывал в этой руководящей и направляющей стихии партии до конца своих дней. В романе Булгакова «Мастер и Маргарита» Жаров стал прототипом поэта Александра Рюхина, представителя МАССОЛИТа, который писал стихи к советским праздникам. Этой привычке он не изменил до преклонных лет, и руководя нашим семинаром, требовал от своих «семинаристов» стихи к 7 ноября и так далее. Что-то у меня не ладилось с «датской» поэзией. На один из семинаров он явился крайне возбужденный. Весь вид его говорил: случилось страшное. Жаров заявил: «Товарищи! Я сейчас на кафедре творчества ознакомился с вашими личными делами. Оказывается, Мария Чекина у нас не комсомолка. Я вынужден поставить вопрос об её отчислении». Вопрос он поставил. Ректором в Литинституте был в то время В. Ф. Пименов, – отец Пимен, – как с любовью звали его в семинаре драматургии, которым он руководил. Как позже выяснилось, он был сыном священника. Меня тихо перевели в семинар Е. А. Исаева, одного из самых титулованных тогда советских поэтов. К нам, своим «семинаристам», относился он по-отечески, дипломы некоторых из нас, в том числе и мой, он, будучи на тот момент секретарем Правления Союза писателей СССР, рекомендовал к изданию. Уже и после окончания института он, как писала мне

однокурсница-москвичка, спрашивал, почему я не появляюсь в издательстве. И я уже было собралась в Москву, купила билет на самолет, но тут жизнь моя развернулась в другом направлении, я далеко и надолго оказалась оторванной и от творчества, и от привычного мне круга близких людей.

Говоря об Литинституте, трудно в двух словах сказать обо всех преподавателях, – с особой благодарностью вспоминаются лекции А. А. Тахо-Годи, С. Д. Артамонова, В. П. Смирнова, но был преподаватель, о котором хочется сказать словами Пушкина о своём любимом учителе:

Куницыну¹ дань сердца и ума!

Он создал нас, он воспитал наш пламень.

Поставлен им краеугольный камень,

Им чистая лампада возжжена.

Только на лекциях Михаила Павловича Еремина недвусмысленно и ясно звучала мысль о божественном предназначении слова, и в сердцах многих из нас она благодарно отозвалась.

– **А какие еще знакомства состоялись у вас в институтском кругу?**

– У меня там была единственная подруга, Оля. Она и её муж Володя Данчук, это те самые О. С. и В. Д., кому посвящены многие стихи опубликованного у нас в прошлом году поэта-философа Владимира Гоголева. С Олей и Володей мы однажды отправились на пасхальную службу в храм в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», что в Марьиной Роще. Приехали рано, но когда хотели выйти на улицу, оказалось, что уже дежурят дружинники и в храм пускают только старушек. Мы вернулись, простояли всю службу. Какие-то люди в штатском, стоя рядом с нами, все пытались нам растолковать, что служат артисты, а после службы они же предлагали нас подвезти на серых «Волгах». Тут уж мы испугались и, кое-как отвяжавшись от них, вернулись какими-то закоулками в общежитие. На громаде здания светилось несколько окон, и нам стало весело, что мы не совсем одни встречаем Пасху. После окончания института они приехали в Самару. Володя трудился в Покровском соборе, Оля посвятила себя своей большой семье. Как при такой загруженности она умудрялась писать, – уму непостижимо, но даже по тем воспоминанием её о Володе Гоголеве, что опубликованы у нас, можно сказать, что мы имеем дело с серьёзным, искренним и глубоким писателем.

¹ Александр Петрович Куницын (1783 – 1841) родом из деревни Кой Тверского наместничества. Сын дьячка, он обучался в Тверской семинарии, затем в педагогическом институте в Санкт-Петербурге. В 1808 году как лучший выпускник был направлен за границу, слушал лекции в Геттингенском и Парижском университетах. Первым местом его службы стал Царскосельский Лицей, где он преподавал с 1811 по 1821 год.

– Да, прекрасная, интереснейшая просто статья. Когда я был рукоположен в Покровском соборе во священники, мне говорили о Володе Данчуке и его жене, о том, что они выпускники Литинститута. Кстати, с Володей Гоголевым я тоже был знаком, он тогда и подарил мне свой диплом, – сборник стихов, – четверть тиража, как уточнил Володя, вручая мне стихи. Только вот когда мы издали его стихи в «ДС», никакого отклика не последовало. Настолько иная поэзия, иное содержание, иное бытие.

– И всё-таки я очень рада, что состоялась эта публикация. Как писал Баратынский:

И как нашёл я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

У Володи были друзья в поколенье, будем надеяться, что найдутся и те, в чьём сердце отзовется слово поэта.

Говоря о Литинституте, нельзя не упомянуть такого руководителя творческого семинара, как Михаил Петрович Лобанов. Это о нём писал священник Димитрий Дудко: «Я Лобанова давно уже заметил по его произведениям, они... удивительно духовны. Как он все хорошо понимал в безбожный период в нашей стране и безбоязненно обо всем говорил, его статья «Освобождение» наделала большой переполох, Лобанова наказали. Вот они, герои, а всё выставляют кого-то, кто и в подметки им не годится». А известный критик Вадим Кожинов говорил: «Читая статью Лобанова, я испытывал... чувство великой радости от того, что честь отечественной культуры спасена, что открыто звучит её полный смысла и безкомпромиссный голос, – хотя, казалось бы, в тогдашних условиях это было невозможно». – «В тогдашних условиях» была открыта травля на Михаила Петровича, но свора борзописцев и клеветников не поколебала ни дух, ни авторитет русского писателя. Его перестали печатать, стоял вопрос об отстранении Лобанова от преподавания в Литинституте, но ректор В. Ф. Пименов не выдал его, хотя «партийную оценку» и вынужден был произнести.

На семинар М. П. Лобанова стремились попасть многие, везло единицам. Одним из самых заметных лобановских семинаристов был наш однокурсник Сергей Лыкошин. О нем, – писателе, публицисте, государственном деятеле, – написано множество воспоминаний достойнейшими людьми нашего Отечества. Ко всем свидетельствам о благородстве и безгранично простирающейся доброте его могу и я добавить один штрих. Живя после окончания института за тридевять земель от Москвы, я нежданно-негаданно получила гонорар из издательства «Современник» за опубликованные в литературно-публицистическом сборнике

«Слово» стихи. Спустя много лет, просматривая сборник, я обратила внимание на фамилию редактора-составителя, – Сергей Лыкошин, – и с бесконечной благодарностью вспомнила этого застенчивого богатыря.

В 90-е годы прекрасный журнал «Слово» издавал наш однокурсник Виктор Калугин. Был на нашем курсе особенно близкий мне человек, – Михаил Григорьевич Петров. Ровесник моих старших братьев, он был старше нас и во всех отношениях. М. Г. Петров уже тогда был состоявшимся писателем, вызывали уважение его зрелые суждения о многих явлениях жизни и литературы. В 90-е годы с присущим ему вкусом и литературным чутьем он издавал журнал «Русская провинция». Этот журнал, о котором с восхищением отзывались А. И. Солженицын, В. Г. Распутин, Савва Ямщиков и другие, держался только подвижническими усилиями главного редактора. Учредители журнала – администрации Псковской, Новгородской и Тверской областей, на первых порах поддерживав на словах выход журнала, финансовой помощи не оказали. Как с горечью писал М. Г. Петров: «Я понял одно – современная русская культура властям не нужна».

– Когда вы стали заниматься редактированием и где трудились до этого?

– После окончания института я вышла замуж. Пока дети были маленькие, мы жили на границе Киргизии и Казахстана. За калиткой нашего домика пролегал Великий шелковый путь, правда, уже не караванный. Горизонт окаймляли горы Тянь-Шаня, до белых вершин Ала-Тоо, казалось, рукой подать. В конце села была небесно-голубая церковь во имя Георгия Победоносца, куда я и ходила с маленькими детьми. Тогда еще и не слыхивали о воскресных школах, но там батюшка с матушкой уже устраивали чаепития для детей после литургии в своем доме и беседовали с ними о Боге и Божьем творении. Это село в начале XX века ушло под землю, – расступилась земля, и поглотив в провал село, – сомкнулась. Землетрясения там были нередки, но особенно страшны горизонтальные толчки, когда земля просто уходит из-под ног, как скатерть, которую Хозяин нашей жизни однажды, не дождавшись на пир званых, сдернет со стола. После Карабаха и Спитакка мы стали больше прислушиваться к подземным гулам, но – странно устроен человек! Одновременно жутко и весело: видно, бессмертной душе не страшно, а смертное в нас – ужасается. Поистине, прав, как всегда, Александр Сергеевич Пушкин:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю.

В Россию мы вернулись в 1992 году, когда мама снова стала нуждаться в уходе. В 1995 году стал выходить по благословению владыки Сергея журнал «Духовный Собеседник», меня пригласили сотрудничать. С огромным сожалением вынуждена была тогда отказаться, но после кончины мамы с 2001 года и доныне я сотрудник «ДС».

– Как вам работалось эти годы, как менялся журнал, какие публикации вам запомнились?

– Скоро уже двадцать лет, как я в «ДС», и с первых дней и доныне меня не покидает чувство, что вся жизнь, начиная с детства, была как бы подготовкой к этой работе. Времена переменчивы, мы все стали свидетелями невероятных перемен и превращений и как к чему-то обыденному относимся уже и к открытию храмов, и к изобилию духовной литературы, а ведь всё это, в том числе и существование нашего журнала, – чудо Божией милости.

Мы помним первые номера и первого редактора «Духовного Собеседника», ныне протоиерея Игоря Макарова, настоятеля храма в честь Новомучеников и исповедников Церкви Русской. Молод был редактор, и журнал, с присущей молодости отвагой, стремился объять необъятное, – отзывался на жизнь епархии, рассказывал о том, о чем так долго умалчивалось, святоотеческое наследие и жития исповедников XX века, – все старался вместить он, – и всё это с любовью оформлялось коллективом художников и фотографов. Уже через год на проходившем в августе 1996 года в Санкт-Петербурге совещании православных издателей наш «ДС» был признан лучшим православным изданием России.

При втором редакторе, протоиерее Михаиле Мальцеве, журнал, сохранив свой внешний образ и просветительскую направленность, стал тяготеть к научной обоснованности. Один за другим выходили тематические номера. Счастливым событием стал выпуск номера, посвященного Сербии, с огненным словом святителя Николая (Велимировича). Непревзойденной вершиной этого ряда остался номер, посвященный личности императора Павла.

– Да, я помню, насколько популярен был этот номер. Вообще, с выхода в свет первого журнала «ДС», я наблюдал такое явление: выходят номера один за другим, и к ним такой ровный интерес. И вдруг какой-то из журналов исчезает в считанные дни. Почему так происходит? – А в этом журнале появляется живой материал. Ведь люди читают «ДС» не только в жажде святоотеческого слова, они желают знать православную точку зрения на события нашей жизни, хотят знать, как следует относиться к тем или иным явлениям. Между тем, голос православных аналитиков, философов, педагогов, журналистов

и писателей в светских СМИ практически не слышен, а это очень востребовано. Сейчас святоотеческая литература издается достаточно большими тиражами, а вот православный взгляд в СМИ, на телевидении, в Интернете выражен очень слабо, и поэтому весьма значимыми событиями становятся такие публикации, как печатающиеся в нашем журнале по благословению митрополита Сергия труды Александра Сергеевича Панарина. Книги этого всемирно известного ученого и мыслителя изданы в России настолько мизерными тиражами, что о нем знает крайне ограниченный круг, не все даже фамилию слышали.

А какие авторы у нас?! Виктор Николаевич Тростников, Леонид Решетников, Петр Мультиатули, – я уже не говорю об уникальном наследии, – архиве митрополита Мануила (Лемешевского).

– Да, сейчас эта, собранная по крупницам, по осколкам панорама предстает Атлантидой русской святости.

– А как, на ваш взгляд, сочетаются в одном издании святительские слова и размышления современных мыслителей?

– Наверное, это один поток православной мысли, и если его разделить...

– ...полноты не будет. Поэтому-то наш журнал становится носителем цивилизационной культуры, в котором присутствует церковное слово и слово мирского православного человека – ученого, художника, поэта.

Знаете, мне нравится наш самарский журнал «Русское эхо», возглавляемый Александром Громовым. Мне кажется, что он держится на довольно высоком уровне.

– Прекрасный журнал, живой. Когда представляется возможность, с интересом читаю его. У нас действительно много писателей и поэтов, хороших и разных, для меня праздник стихи Е. Семичева и Д. Кан, с особенной радостью встречаю всегда стихи Евгения Чепурных.

– А Осипов? – Тоже замечательный поэт. Он как-то после смерти больше открылся, чем при жизни. По-моему, у нас была подборка его стихов?

– Да, в первом журнале, который мы делали уже с вами, была посмертная публикация стихов Владимира Осипова.

– Да-да. И вообще я замечаю, что журнал стал наполняться какими-то новыми, очень хорошими материалами. Господь посылает людей, материал, стихи замечательные и, как мы видим, автор после первой публикации начинает дальше писать. То есть, получается, что для человека пишущего, публикация настолько имеет большое зна-

чение, когда автор чувствует, что он кому-то нужен. Потому что все люди, как Ухтомский¹ говорил, пишут от одиночества. Автору нужно, чтобы хоть кто-то прочитал, может быть почувствовал его, такой вот заслуженный собеседник. И этот заслуженный собеседник, он как раз и двигает человека высказать, излить душу, сердце, открыть свою жизнь.

Вдруг люди, которые вообще далеки от творчества, начинают стихи писать. Сейчас мы от нашего автора, стихи которого уже печатали, ждем историю его жизни о том, как в тяжелые 1990-е годы дети из детских домов попадали в церковный мир, начинали писать. Это всё опыт живой жизни, что самое интересное, и поэтому история вашей жизни, о которой вы так откровенно говорили, может быть полезна уже в наше время для людей, которые попадают в православный мир. Это будет полезно и верующим родителям, и детям – узнать о том, как можно в любой атмосфере, в любой жизненной ситуации оставаться человеком, продолжать жить и считать, что из всех вариантов жизни Господь дает лучший для нас. Ведь наша жизнь – это всё равно такая радость. Радость этой жизни, в которой присутствует Господь, она и в вас присутствует. Потому что у вас есть смирение. Смирение и вера принимать эту жизнь такой, какая она есть. Было очень интересно слушать. Для меня собеседники всегда открываются с такой неожиданной стороны, как иконописец Зураб Модебадзе вдруг открылся...

– Да, мы все его полюбили, как брата, как близкого человека. Вообще, этот номер, посвященный преподобному Гавриилу (Ургебадзе), делался на таком духовном подъеме, таким счастьем было прикоснуться к житию святого нашего современника, как будто сам преподобный молился за нас, и все было освящено светом его любви и молитвы.

– А как открылся дирижер Владимир Федорович Коваленко. Даже Солоницын, который прочитал беседу с ним, сразу вдохновился: «Мне, – говорит, – захотелось написать рассказ или повесть о его детстве, как в деревне вдруг рождается такой самородок. Мальчик, который сидя на табуретке, играет на гармошке, радуется людям, и вдруг он становится таким выдающимся дирижёром нашего времени». Какое есть пожелание у вас нашим читателям?

– Оставаться живыми.

– Живыми, да. Вот говорят, надо образовывать сейчас людей, прихожан, монахов, священников... А я вдруг подумал, что если бы они хотя бы читали «Православную народную газету» и «Духовный Собеседник», то они были бы очень образованными людьми для нашего времени. У нас монахи и монахини в Подгорских обителях, они очень

¹ Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука.

образованны. Они сидят там, никуда не выходят, но читают книги, газеты наши православные, наш журнал от корки до корки, у них еще и мнение свое о каждой статье, каждом авторе. Молятся за всех этих авторов. Так что, Мария Ивановна, поздравляем вас с сотым номером журнала. Просим вас принести свои стихи, чтобы мы в этом юбилейном номере могли их опубликовать.

– Батюшка, у нас ещё столько замечательных поэтов не опубликовано.

– Знаете, вы ошибаетесь. Если бы мы публиковали только классику и жили в среде только гениальнейших писателей, поэтов, – как бы оскудела наша культура, какой она стала бы недостижимой. И как бы перестал расти творческий порыв души у людей. Потому что писать стихи может только любящее сердце.

– Но ведь и любящее сердце, в котором стихи слагаются как бы сами собой, это тоже Божий дар. Пушкин говорил о поэте, которого покинуло вдохновение:

Среди детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Это ведь не из ложного самоуничтожения сказано, а из глубины сердца, смирившегося перед величием Творца. Что же остается нам, как не в детской простоте благодарить Бога за дарованное Им.

– Я всегда говорю, что стихи – это предтеча молитвы. Человек и в радости пишет стихи, и в печали, и в покаянии. То есть стихи пишутся живым сердцем. А у вас сердце живое, с чем я вас и поздравляю. Радостно, что вы трудитесь в нашем журнале много лет, дай Бог вам многолетия.

– Спаси вас Господи, батюшка.

Мария Ивановна Винникова

«ГОСПОДИ! И Я ТВОЕ ТВОРЕНЬЕ...»

Для вечной жизни
Мне так мало надо:
Стол, дерево одно
Из старого, родного сада
В мое окно.

Слова первоначальные любви
За сердцем повторить
И, уходя, оставить свет,
Окно – не затворить.

Мария Ивановна Чекина (в замужестве Винникова) родилась в Самаре в 1951 году. Окончила Литературный институт им. Горького. С 2001 года работает редактором «ДС».

* * *

О жизнь, звезда и маятник,
Взгляд – и биенье сердца,
Не умертви, сжимая,
В своей ладони детской.

И вымыслом – и сутью
В твоих руках везде.
Мы днем верны минуте,
А по ночам – звезде.

* * *

Где пророк, где поэт, где глашатай?
Где твой меч, твой кинжал, твой глагол?
Иль, судеб повинуюсь закатам,
Как сказитель, ты в сказку ушел?

* * *

А Божье дело, ведь оно простое,
Но только им и жительствоет жизнь:
Имеешь две одежды – поделись,
Хлеб – пополам,
А прочее – пустое.

БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ

Что мне в твоём молчанье,
Русь, моя даль и близь,
Голубь мой белокаменный,
Падающий в высь?

ЗИМНИЕ СНЫ

Снова снег начал тихий кружиться,
Тихим полюшком память легла,
Будто сон. А во сне мне под силу
Иней-снег отдышать над землей
И над каждой безвестной могилой
Наклониться с надеждой живой.

Отче наш! Перед ликом Твоим
Еще русская речь не звучала,
Только дух наш, любовью томим,
К небесам устремлялся живым:
Камни белые Русь собирала...
Дух наш первую славой пленён,
Отчим словом с утра напоён,
Словно мёртвой водой и живою.

Ты не знаешь, что будет с тобой? –
Слышишь, веет родною травой,
Той же небо сияет звездой,
Что над Русью стояла в начале,
И не страшно проснуться живой,
Пока в речи родимой, родной
Речи Отчие не отзвучали.

Так рифмуй же – «бумаги-отваги»,
Согласуй – «воскреси и спаси»,
Дух ранимой и ранищей тяги
Хоть во сне побывать на Руси,
Что, светло украшаясь, с утра
Красоту к небесам возносила
И быльем еще не поросла:
Ни татарскую тьму не сносила,
Ни железного платья Петра,
Ни безвестно глумящейся силы
В самом сердце державной земли...

Тихолюдно, безмолвно, сурово
Смутным временем дали легли,
Смолк народ, но не сгнуло Слово, –
Мы тебя сквозь века пронесли,
Мы тобой свое сердце спасли, –
Слово милости и состраданья, –
Так сияй же ты русской звездой
На земле, в небесах, в мирозданье.

* * *

Как скатерть пестра на пустынном столе.
За этим столом было семеро нас.
Огромным казался мне старый наш дом.
Веселыми – братья и сестры,
Мои довоенные – взрослые.
Как часто, забросив занятия,
За этим бессонным столом
О чем-то вдруг спорили братья,
Их сестры мирили. Потом
Пространно они говорили,
Прекрасные лица горели
И плыли в мой легкий сон.

Но вдруг разлетелись они.
Остались учебников груды,
Как ставшие тесными платья,
И стало любимым занятием
Забраться на пыльный чердак,
Листать дневники и тетради,
Свой почерк в ином узнавать
И длинные письма писать.

Меж тем почти всех в колею
Семьи и заботы, и долга
Детей средне-русской возвышенности
Вводила равнинная жизнь.

Все в пору свою. Что ж так жаль
От первых страниц оторваться?

* * *

Братья и сестры мои! По асфальтам чужих городов,
Будто листву из родного отцовского сада,
Вас разметало, – но ждет вас отеческий кров,
Крестным объятьем отверстый от рая до ада.

Точат безсмертное брашно реки воды живой.
Жаждающих нет? Или мертвой водой напоились?
Или по торжищам мира бродят с пустой сумой,
Или в пустыне мирской навек заблудились?

О, как минует лето жизни родной,
Миг – и засыпет листья мертвой порошей,
И не успеют приникнуть к воде живой
Братья и сестры мои? Дорогие, хорошие...

* * *

Будто дитя, похищает он душу,
Ветер осенний, ветер ночной.
Лбом упираясь в окна крестовину,
Стой напролет ночь осеннюю, слушай,
Как облетает дома, домовины
Ветер с твоею душой.

Как высоко, далеко, одиноко!
Стой, позабывшись, – не плачь, не кричи:
Брат мой, блуждающий в этой ночи,
Может уснул так глубоко-глубоко.

* * *

Кто нищим не был?
Кто не просил у неба
Хоть каплю жалости –
Или глоток забвенья?
Кто смерть не звал себе в освобожденье,
Чужим в свое жилище не входил
И новым взглядом стен не обводил?

* * *

Лицо твое открывается мне
Светлое и дорогое...
– Мой ангел! Ты плачешь?
– Я плачу во сне:
Идет моя жизнь предо мною.

Как будто читаю старинный роман, –
Холодное утро. Дорога.
Огней серпантин улетает в туман,
В размытую даль эпилога.

* * *

Ночной пароход прогудел, и душа,
порываясь ответить,
В струну натянулась, –
но ветер, но ветер,

Но ветер не тронул ее,
А сырою листвой прошумел, –
И листья вздохнули, уснули, как малые дети,
И снова печально и низко ночной пароход загудел.

* * *

Что же я маюсь, в пустые колодцы гляжу, –
К этим зрочкам не подступят всещедрые воды.
Жажды скитальца и брата не знали оне,
Жажды делиться последним глотком не имели,
И отраженья погасли на каменном дне
Звезд, оживляющих влагой земные купели.

* * *

Мне снилась комната: струился лунный свет,
Узоры на полу явились и блистали.
Вступая в свет, окно, стена, портрет
Лучились светом и ростки пускали.

Все та же комната. Но почему же мне
Так радостно и так легко вздохнулось?
Иль счастье полагается во сне? –
И в страхе сон утратить, я проснулась.

Но далее творилось то, что мне
Не удержать в своем стихотворенье:
Творилась жизнь, и облекалась в пенье
Души, не уместившейся во мне.

Как будто, изменив обычное течение,
Река небесная сквозь комнату текла,
И, радостью вспоенное растение,
Моя душа светилась и цвела.

* * *

Страдательная форма – бессмертия залог.
Пожизненно томимы Пракситель и пророк
Не вызванным из глины, не сказанной из строк:
Творит тебя, художник, тобою зримый Бог.

* * *

Рожденные огнем небесным, – как чисты
Вы, сестры милые – Любовь, Надежда, Вера,
И ты, небесный дар, терпенье, ты
Души таинственная мера.

ВСТРЕЧА НЕЖДАННАЯ

Пенсию исправно платят ей,
Но платок пуховый по мечте ей:
Тетя Поля, тетка Пелагея
Моег пол в ладу с мечтой своей
И себя нисколько не жалея.

Но однажды из деревни брат
К ней явился прямо на работу,
А пора студеная была,
Лестницу сестра, склонившись, терла.
– Трудисси? – спросил он.
И заплакал. –
А уж сам ли не видал труда?
Видно, вот оно, родное сердце,
Лишь оно одно-то и заплачет –
Да и то с разлуки!
О старухе, во поре осенней
Моющей холодные ступени.

* * *

Что красота? – Все занята собой!
Удачливость? – Удачами своими.
Кто занят жизнью?
Кто врасплох захвачен
Её явленьем? –
В трамвае, в будний день, в середине дня,
Боясь смешным казаться, чуть не плачет, –
Кто счастьем жить, как сквозняком, прохвачен? –
Откликнись, отзовись, возьми с собой меня.

* * *

*И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

А. С. Пушкин

Разве могли измениться цветок и звезда?
Те же они, те же милые лики природы.
Сколь неутешна бывала душа, но едва отступала беда,
Мне бересклет погремушку тянул, иван-чай розовел
мне сквозь годы.

Ты ли, чрез бездны и топи калиновый мост,
Ты ли, Стрелец, упустивший стрелу меж созвездий,
Вы ли, анютины глазки, сиявшие, будто сквозь слез,
То розовым фиолетовым, то золотым милосердья, –
Кто мне ответит, как вы, «равнодушьем сияя»,
Жизнь приголубили, верные жители рая?

ХОЛОДНОЕ УТРО

Сестре

Чай вскипячу,
Но книгу – не раскрою:
В ней нет заветных слов
И дум заветных – нет.
Лишь дереву в окне
Внимаю я с любовью,
Побег его ветвей,
Как повесть светлых лет,
Как книги те, которые когда-то
В саду отца читали мы с тобой,
А сад ронял то лепестки, то листья
В страницы книг, отмеченных судьбой.

* * *

Тиха, как облако предливневое,
Мир накрывает тишина.
Как высочайшее помилование,
Душе дарована она.

Пусть звуки этой жизни тешатся,
Как дети, под ее покровом,
Но тихо по небесной лестнице
В мир сходит Рождество Христово.

И в эту ночь мы все как ангелы, –
Такое в нас благоволение!
Мы с Тем Младенцем встанем на ноги,
Пройдем с Ним путь до Воскресения.

ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА. БЕЛАЯ СИРЕНЬ

*О милых спутниках, которые сей свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской – их нет!
Но с благодарностью – были.*

В. А. Жуковский

Над головой молчание и тьма
Сомкнулись Тихим океаном,
И белая сирень вдруг проступила странно,
Как в зимней комнате на черноте окна.

Весь белый свет всшумел – и весь умолк,
И око неба закатилось.
Тут белая сирень моей душе явилась,
Как в детской комнате на черноте окна.

Текло, как шествие, минутное затмение,
Светила грозную свою вскрывали суть, –
Но – светлый! – разговор вела душа с сиренью.
Светила встречный совершают путь!

Так детства встретилось мне милое мгновенье,
Так ты, хранимое душой, когда-нибудь
В немислимом возникнешь освещенье.

* * *

Мне долго, долго хочется смотреть
На бледное и голубое небо,
Вспоминать отца и ранний сад,
Где пахнет низкой тучей и дождем, –

Куда однажды вместе с ним войдем
Смотреть, как ожили весной деревья
И гибки ль ветви, как набрали почку
Анис, антоновка и нежная марель.

Но нет, нельзя нам дважды
Войти в отцовский дом,
Калитку в сад открыть, – нет,
И в глаза родные – не глядеть нам дважды.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Молоком молитв спеша напоить усопших и спящих,
Окликая всех поименно, по небесной иду меже.
Откликаетесь кашкой да полынком горчащим, –
Где вы? Здесь – или там уже?

Здесь засамарская моя родня и буянская
Корни пускает и гнезда вьет меж созвездий.
Как мне жаль, что храма Космо-Демьянского
Не пощадило хрущевское лихолетье.

Не пощадило ни храм, ни отеческий кров,
И на родной земле негде нам ныне собраться:
Кружимся стайками возле родных крестов, –
Только встретимся – и пора опять разлетаться.

Благословите же нас, наши деды и прадеды,
Чтоб хранил нас Господь на путях и распутьях вселенских, –
Не по вашим молитвам ли ситничком теплым Создатель
Нас кропит на дорожку, как батюшка наш деревенский?

* * *

Окна широкие, солнце и свет,
Птиц разговоры...
Я вспоминаю – где и когда
Все это было со мной.

Окна широкие... Сколько лет
Чудной картине Серова?
Девочка с персиками, куда
Ты унесла свой свет?

* * *

Стану отныне я жить как мудрец
Тихо и мирно.
В ясные ночи на звезды глядеть,
В темень – друзей вспоминать.

Реки земли, пустыни земли
Делили – не разделили,
С кем суждено небом одним,
Небом единым дышать.

* * *

О, не раскачивай ветку, помедли, горлинка лёгкая!
Ты ли вспорхнешь, абрикосовый цвет осыпая,
Жизнь ли вздохнет – дорогая, родная, далекая, –
Та бесконечно далекая, так безраздельно родная.

* * *

Отходит день холодный
И лист багрянородный
Летит, почти свободный,
Над вольною рекой.

Иду просторным садом
И вольности не надо
От кровли голубой,
От синевы небесной
Над этой жизнью тесной.

* * *

Материнское лоно природы
Ты, душа моя, благослови:
Ты не ищешь иной свободы,
Ты не помнишь иной любви.

И когда в строенье природы
Я вхожу, как в побеленный дом,
Влажной свежести синие своды
Откликаются каждым углом.

* * *

Смотрю, как плывут облака,
Слежу ли за птицей небесной,
Лишь вспомню, что это пока,
И жизнь обращается в песню.

Ни слов у нее, ни певца, –
Лишь звуки вливаются в душу:
И нет этим звукам конца,
Но кто до конца их дослушал?

Дослушал – и песню сложил,
Чтоб облако снова поплыло,
И сокол степной закружил,
И степь ковылем заходила?

* * *

Тени летние, бегущие, сквозные,
Ты, души летучее мгновенье,
Облака, летящие в иные
Страны, небеса, стихотворенья, –
Вам не избежать воспоминанья:
На исходе ласкового дня,
Как в стихотворенье без названья
Теплый мир войдет навек в меня.

* * *

Тепла земля, тепла вода,
Уснул цветок – взошла звезда.
Не умирала никогда –

И поживу еще немного:
Пока дрожит – не дрожит листва.
Пока пылит – не пылит дорога.

* * *

И зверь уйдет,
И птица улетит,
Почувяв в теле смертную истому.
О человеке говорят – прибрался,
А он лежит как есть, где смерть застала.
И пусть перед тобой как есть лежит
Недвижно каменеющее тело.
Он весь перед тобой, –
И все-таки ушел, –
Как зверь ушел,
И птица улетела!

* * *

То там сгорит, то тут рванет, –
За ближних страшно и за дальних:
Земля уходит из-под ног,
Как от толчков горизонтальных.

И только заповедь крепка
В ночи, безвестной и беззвездной.
В руке Отца – твоя рука,
Закрыв глаза, пройдешь над бездной.

* * *

Город собрался
В зиму долгую, туда, к лету.
Деревья стоят голые, как правда.
Повсюду черные мешки
С мусором весенних надежд,
Отгоревших золотом осени.
Вот и всё.
Присядем перед дорогой.
Всё легче и легче.
Всё.

«Духовный Собеседник» в 2019 году

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Тридцать пять пастырских писем святителя Нектария Эгинского.

Беседы главного редактора «ДС»:

с членом Союза писателей России, лауреатом Патриаршей литературной премии (2014) протоиереем Николаем Агафоновым;

с лауреатом Большой литературной премии России (2002), Патриаршей литературной премии (2012), ветераном боевых действий в Афганистане, кавалером ордена Красной Звезды Виктором Николаевым.

Продолжение публикации трудов российского мыслителя, политолога и публициста Александра Сергеевича Панарина.

Лекция известного православного журналиста Юрия Воробьевского «Мистика мировой политики».

1-я стр. обложки: Храм в честь вмч. Георгия Победоносца. На заднем плане – Софийский собор. Самара. Архит. Ю. И. Харитонов. Фото Михаила Тимофеева.

2-я стр. обложки: Свт. Андрей Критский. Византийские фрески в церкви Святой Анны в долине Амари являются самыми древними из датированных фресок на Крите. 1225 г.

3-я стр. обложки: Внутренний вид Софийского собора. Самара. Фото Михаила Тимофеева.

Издание зарегистрировано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская Епархия Русской Православной Церкви.

№2(100). Отпечатано в типографии ООО «Экополис», адрес 443034, г. Самара, ул. Енисейская, д. 43.

Подписано в печать 26.02.2019 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 1-ое полугодие 2019 года.**

**Духовный
Собеседник**

- **В любом почтовом отделении России** – наши подписные индексы:
39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
П3160 – в электронном каталоге «Подписные издания. Официальный каталог Почта России»
3160 – в официальном каталоге Почты России «Подписные издания».
39582 – в каталоге РУП «Белпочта» (Беларусь).

Напрямую (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **290 рублей** за один экземпляр журнала с учетом доставки до адресата - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с 40702810003000022347 в Приволжском филиале ПАО «Промсвязьбанк» г. Самара

БИК 042202803 к/с 30101810700000000803

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 1-ое полугодие 2019 года.

на ___ номеров.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

Наложным платежом, обсудив и оформив заказ по указанным телефонам.

**Духовный
Собеседник**